

УЧРЕДИТЕЛИ:
НОВГОРОДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. ЯРОСЛАВА МУДРОГО,
АДМИНИСТРАЦИЯ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ
издается с 1995 года **№2 (15) 1999 год**

Журнал "Чело" благодарит Институт
"Открытое Общество" за бескорыстную помощь
в реализации журнального проекта "Чело".
Низкий поклон и добрые пожелания.

НОМЕР ПОСВЯЩАЕТСЯ 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА ПУШКИНА

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРЕДАНЫЯ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ

Людмила ПЕТРОВА - Мой предок Рача
Владимир ВАРНАЕВ - Отзвуки
Инна ГРИГОРЬЕВА, Николай САЛОНИКОВ - Находка библиографа

ОН ВИДИТ НОВГОРОД ВЕЛИКОЙ

Владимир ТЮРИН - Новгородская глава в жизни и творчестве Пушкина
Владимир ЯДРЫШНИКОВ - Архитектура Новгорода пушкинского времени
Людмила СЕКРЕТАРЬ - О почтовом дворе и гостинице Шмита в Новгороде

EXEGI MONUMENTUM

Татьяна ДАНЬКО - Столетний юбилей Пушкина в Новгороде
Ольга ЛАПО - Новгородская поэтесса - пушкинский лауреат
Надежда ЯКОВЛЕВА - Пушкиниана Острогорского

ЧЕРНИЛЬНИЦА МОЯ

Тамара СИГАЛОВА - стихи
Ирина САВИНОВА - стихи
Алексей ПШАНСКИЙ - Нечаянно пригретый славой

РОЖОК И ПЕСНЯ УДАЛАЯ

Марина БУРЬЯК - Пушкинская школа собирателей
Борис ЗОРИН - Пушкинская тема в творчестве новгородских композиторов
Римского-Корсакова и Лядова

МГНОВЕННОЙ ДУМЫ ЛЕГКИЙ СЛЕД

Владимир ТЮРИН - Начало всех начал
Руслан ДЕРИГЛАЗОВ - Три этюда
Юрий ФАБРИЧНИН - Выбор

ЛАВРАМИ ПОБЕД УВИТЫ

Ирина САВИНОВА - «Время незабвенное!..»
Евгения ШЕДОВА - Пушкины в боях за землю Новгородскую
Тамара СИГАЛОВА - Его последний бой был под Новгородом

ПУШКИНСКИЙ, XIX-й

Елена ТОРОПОВА - Большой знаток новгородских древностей
Геннадий КОВАЛЕНКО - Новгородские репортажи Юхо Паасикиви
Юхо ПААСИКИВИ - Письмо из Новгорода

Народное обучение в России
Посещение русского монастыря
Среди русских
К нам едет инспектор

ПЛЕМЯ МЛАДОЕ, НЕЗНАКОМОЕ

Маша ГЕРАСИМОВА - В моих руках том пушкинских стихов
ВЕСНА НА ВВЕДЕНСКОЙ СТОРОНЕ
«Толковый словарь по сказкам Пушкина»
ДЕТСКАЯ ПУШКИНИАНА

2
10
12
14
18
22
24
27
32
37
37
39
43
52
56
58
62
68
70
73
75
77
78
81
83
85
88
90
94
96
105

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор
Тамара СИГАЛОВА

Леонид БАРАНОВСКИЙ
Валерий БОЛЬШАКОВ
Марина БУРЬЯК
Петр ГАЙДУКОВ
Анатолий ДОНЧЕНКО
Татьяна ЗОЗУЛЕНКО
Иван ИВАНОВ
Вячеслав ИЩЕНКО
Геннадий КОВАЛЕНКО
Николай КУРМЫШЕВ
Наталья МОРЫЛЕВА
Александр НИКАНОРОВ
Юрий ПОЛЯКОВ
Василий ПУЦКО
Алексей ПШАНСКИЙ
Эдуард РАНЕНКО
Ирина САВИНОВА
Владимир СОРОКА
Владимир ТЮРИН
Владимир ХРАБРОВ
Валентин ЯНИН
Владимир ЯРЫШ

Людмила ПЕТРОВА

МОЙ ПРЕДОК РАЧА

Род и предки А.С. Пушкина на Новгородской земле

Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие. Государственное правило ставит уважение к предкам в достоинство гражданину образованному.

А.С. Пушкин

Поэт хорошо знал свою родословную. В неоконченной поэме «Езерский» он утверждал:

*Люблю от бабушки московской
Я слушать толки о роде,
Об отдаленной старине.
Могучих предков правнук бедный,
Люблю встречать их имена
В двух-трех строках Карамзина...*

Хорошо известно, что А.С. Пушкин проявлял чрезвычайный сильный интерес к родной истории. С этим интересом к истории России у Пушкина сочетался весьма живой интерес к его предкам. Генеалогия поэта — одна из наиболее изученных родословных замечательных людей России. Историки и литературоведы с 50-х годов XIX века продолжали работу самого поэта по собиранию сведений о его предках. Наиболее значительные исследования в этой области принадлежат пушкинистам Б.Л. Модзалевскому и М.В. Муравьеву, М.О. Вегнеру и Н.И. Грановской, крупнейшему знатоку истории России XIV — XVII веков и специалисту по генеалогии академику С.Б. Веселовскому, исследователю русской геральдики историку В.К. Лукомскому, краеведу А.А. Черкашину и другим. И если пушкинистам было важно открыть для себя вереницу имен предков Пушкина в историческом контексте, проследить историю рода, принадлежность к которому он с гордостью ощущал и выразил это в своем творчестве, то историки, по словам академика С.Б. Веселовского, старались «приступить к исследованию с возможно меньшим количеством предвзятых суждений, начать с настойчивого и терпеливого собирания и изучения фактов».

Род Пушкина дал предков нашего поэта по двум линиям — по отцу и по матери. Мы остановимся на предках поэта по отцовской линии, связанных в большей степени с Новгородской землей.

Для Пушкина история предков сливалась с историей Российского государства. Пушкин, гениальный сын русского народа, великий русский поэт, органически был связан своими корнями с Россией, а через своих предков — с ее историей.

Он остро ощущал эту кровную связь и очень гордился своим «шестисотлетним дворянством». В стихотворении «Моя родословная» Пушкин говорил:

*Мой предок Рача мышцей бранной
Святому Невскому служил...*

Следуя семейным преданиям, Пушкин писал: «Мы ведем свой род от прусского выходца Радши или Рачи (мужа честна, говорит летописец, то есть знатного, благородного), выехавшего в Россию во время княжества св. Александра Ярославича Невского»¹. В наше время генеалогии и историки установили, что Радша был реальной личностью. Так летописец сообщал, что у великого князя Александра Невского был слуга Ратислав, который после смерти Александра служил его брату Ярославу и был убит в 1268 году в большом походе новгородской рати против немцев под Раковором. В летописных источниках этот Ратислав зовется по-разному: то Ратшей, то Ратишкой, иногда Ратьшей или Рачтшей. Возможно, Пушкину был известен из летописей этот Ратша-Ратишка, соратник Александра Невского, которого он считал родоначальником пушкинского рода. На самом деле его предок Ратша жил на сто лет ранее.² Ипатьевская летопись сообщает, что служил «великому князю киевскому Всеволоду Ольговичу некий Ратша, про которого киевляне говорили в 1146 году: «Радша погубил у нас Киев, а Тудор — Вышгород»³.

Предки Александра Сергеевича, называя своим родоначальником выехавшего из «немец» Ратшу, считали его славянином. О том, что он был из прибалтийских славян, говорит и его имя, сокращенное от старославянских имен или Ратибор, или Ратмир, или Ратислав. На справедливость этого предания указывает известный исследователь русской геральдики, историк В.К. Лукомский. Изучив герб Ратшичей, он пришел к выводу, что родоначальник Пушкиных прибыл не из Пруссии, а из «Семиградской земли» — Славонии. Под Славонией разумелась страна, занимавшая северо-западную часть Балканского полуострова между реками Дравой, Дунаем и Савою и в X-XI веках составлявшая самостоятельное государство. С начала XII века Славония утрачивает свою независимость, а после захвата ее в XVI веке Венгрией входит сначала в ее состав, а с середины XVI века — в состав Германской империи. С юга Славония граничила с Боснией, восточная часть которой, за рекою Дриною, называлась Расцией — Рашская область (впоследствии Сербия). Жителей ее называли рацами или ратцами (серб. — рац, у древних славян — rasc, немец. — raizen, ratzen, razen, в средневековой латыни — rasciani). Отсюда, несомненно, по мнению Лукомского, и

объяснение наименования родоначальника Пушкиных: Ратша — Ратша — Рачша — Рача. Особенно если принять во внимание, что так же называли сербов в Славонии, присваивая это название народу, получившему свое наименование от древнего города Рас, позднее Расса, стоявшему на месте Нового Базара на реке Рашке. Он был главным городом Рашской области, где Неманичи в середине XII века основали Рашское, позднее Сербское королевство.

После утраты Славонией своей независимости в середине XII века многие знатные люди, члены королевского дома, вынуждены были искать себе новых сюзеренов в других славянских княжествах. Среди них, видимо, был и Ратша. Именно к этому времени относится начало его службы в Киеве.⁴

Вскоре после смерти князя Всеволода Ольговича в 1146 году его двор был подвергнут разорению посадскими людьми Киева из-за чрезмерных налогов, и Ратша должен был переехать в Новгород. В пользу этого предположения говорят и брачные союзы Ольговичей с Новгородом.⁵

Род Ратши, бесспорно, один из самых интересных и значительных боярских родов Русского государства. В «Государевом родословце», составленном в 50-х годах XVI века при Иване Грозном, перечисляются первые колена рода Ратши:

1. Из немец пришел Ратша.
2. У Ратши сын Якун.
3. У Якуна сын Алекса.
4. У Алексы сын Гаврила Алексич.
5. У Гаврилы дети: Иван Морхиня да Акинф Великий.
6. У Ивана Морхини один сын Александр, у Акинфа Гавриловича Великого дети: Иван да бездетный Федор.
7. У Александра Морхинина пять сыновей: Григорий Пушка, Владимир Холопище, Давид Казарин, Александр да Федор Неведомица.⁶

Первые три колена в роде Ратши окутаны дымкой легенд и преданий. Одним из первых представителей рода Ратши, историческая достоверность которого подтверждается реальными свидетельствами, был Гаврила Алексич. Он был старшим дружинником Александра Невского, советником и опорой князя, был связан с ним «крестным целованием и клятвенной присягой». Позднее старших дружинников, «княжих мужей», стали называть «думцами», «болярами» и «боярами». В ту пору князья в боевые походы выступали во главе своих дружин, состоящих из бояр и «молодших» (слуг князя), и лично руководили сражениями. Старший дружинник — болярин, будучи «умен муж» и «на рати храбр», помогал князю и в обороне, и в управлении княжеством. Именно таков был Гаврила Алексич. Жизнь его пришлась на тяжелую для Руси пору, когда Золотая Орда опустошала русскую землю, а с Запада наступали немецкие, литовские и скандинавские рыцари. Гаврила Алексич вместе с князем Александром Невским был участником битвы со шведами на Неве в 1240 году.⁷

Летописцы, рассказывая о битве великого князя Александра Ярославича на реке Неве, увековечили подвиги шести отличившихся в ней княжеских дружинников. Один из них — витязь Гаврила Алексич из старшей дружины великого князя. Он на коне въехал на сходи вражеского судна и был сбит в воду, но, выскочив из воды, вновь налетел на неприятелей, врубился в середину вражеского полка и убил «епискупа» и шведского воеводу: «ту убиен бысть пискуп их и воевода их».⁸

Век Гаврилы Алексича был краток. Он погиб еще «не старым» в 1241 году в бою с немецкими рыцарями, совершившими набег на псковский пригород Изборск. Видимо, ему было немногим более 30 лет.⁹

П.Н. Петров в своей «Истории родов русского дворянства» считает, что Гаврила Алексич был связан родственными узами с новгородским боярином Алексой Михайловичем.

Летописец, рассказывая о героической смерти Гаврилы Алексича, называет его Гориславичем. «А Горислав-Алекса — пишет он, — был, как известно, св. Варлаам, из новгородских бояр, основатель монастыря на Хутыни». Алексу Михайловича П.Н. Петров считает сыном Михаила Степановича (Якуна родословцев), который неоднократно упоминается в летописях под 1176-1206 годами и был не раз посадником в Великом Новгороде. Он умер в монашестве под именем Митрофана в 1206 году. Этот Михаил Степанович имел народное прозвище Якуна, как и отец его Степан — Ратши.¹⁰ Академик С.Б. Веселовский утверждает, что такое родословие вполне возможно, но является не более как смелой гипотезой.¹¹ Археологические раскопки в Новгороде, а также труды ученых — исследователей древнего Новгорода, прежде всего В.Л. Янина, не подтверждают эту гипотезу.

После Гаврилы Алексича остались сыновья: Иван по прозвищу Морхиня — «растрепанный» или «непричесанный», и Акинф Великий — «большой».¹² После смерти в 1263 году князя Александра Невского сыновья Гаврилы Алексича стали служить братьям и потомкам Невского, его родственникам тверским князьям.

В 1338 году тверские князья понесли тяжелое поражение от ордынского хана. Иван Калита воспользовался этим и, желая унижить тверичей, «взял из Твери колокол от церкви Святого Спаса (соборного храма) на Москву». С этого времени многие бояре выезжают в Москву. Среди них были и Ратшичи, выехавшие туда всем родом — сыновья Акинфа и его брата Ивана Морхини с чадами и домочадцами, со своими дружинами, послужильцами и рабами — и заняли в среде московского боярства высокое положение. В 1349 году Ивана, сына Акинфа, великий князь Симеон Гордый посылал со своей ратью на Великий Новгород.¹³

Один из пяти сыновей Александра Ивановича Морхинина — Григорий (жил в середине XIV века), незаурядный служилый человек — получил в Москве прозвище Пушка, которое затем стало его фамилией.¹⁴ В XV веке потомство Григория Александровича Пушки разбилось на несколько фамилий: Бобрищевы, Булыгины, Кологривовы, Мусины-Пушкины, Рожновы, Курчевы, Товарковы, Усовы, Шафериковы и многие другие, с течением времени утратившие родственные связи, или, как тогда говорили, «родственное согласие».¹⁵

Старший сын боярина Андрея Ивановича (сына Ивана Акинфовича), Федор Свибло (свиблой — шепелявый, косноязычный), в 1366-1367 годах, будучи молодым человеком, принимал участие в спешной постройке первых каменных укреплений московского Кремля и оставил по себе память в названии одной из башен — Свиблова, или Водовзводная. В 1384 году Федор Свибло во главе нескольких бояр ездил в Великий Новгород «за черным бором», данью Орде, которую московский великий князь за своей ответственностью уплачивал за все великое княжение, а затем взыскивал по разверстке с Новгорода и удельных княжеств их доли. Господин Великий Новгород платил «черный бор» неохотно, с задержками и постоянными пререканиями. Поэтому поездки за «черным бором» были делом ответственным, подчас не совсем безопасным, и поручались обычно самым выдающимся боярам. И в упомянутый год произошло у московских полков какое-то столкновение с новгородцами, о котором летописи говорят неясно. Новгородцы выехали на Городище тягаться с боярами, спор перешел в свалку, и «свиблова чадь», то есть дружина, бежала в Москву, «исправы не учинив», а иные остались с боярами добирать «черный бор». В самом конце XIV или в начале XV века Федор Свибло по неизвестной причине подвергся опале, и все его вотчины и имущество были конфискованы.¹⁶ Из-за постигшей его беды Пушкины сходят с арены политической и государственной жизни.

ни. Однако позднее они начали постепенно вновь выдвигаться.

Выдающимся человеком последней четверти XV века из рода Григория Пушки был старший сын Федора Товарка Иван Ус Товарков. Иван III не раз давал ему ответственные поручения в период борьбы с вольным Новгородом: в 1471 году он был послом в Великий Новгород, в 1477-ом — в Псков для переговоров о действиях против Новгорода, в 1478-ом — вновь послом в Новгород.¹⁷

На протяжении более чем двух столетий, с конца XV до начала XVII века, на берегах Невы и ее притоков Ижоры и Охты жили потомки Гаврилы Алексича — «новгородская ветвь Пушкиных». Его предки обживали те земли, на которых потом возник Санкт-Петербург.¹⁸

Представители рода Пушкиных были переселены из Москвы, «испомещены», как тогда говорили, в новгородскую Водскую пятину по воле государя Ивана III, и надлежало им здесь «рубежи боронить», охранять выходы к морю. Было это после присоединения Великого Новгорода и его административных единиц — «пяти» — к Московскому государству.

По мере объединения Северо-Восточной Руси под властью московских государей происходило расселение потомков Григория Пушки. Массовое испомещение московских служилых людей в Новгороде и Торжке началось в 1484 году, а в 1489 и 1500 годах в Новгороде были произведены повторные массовые испомещения москвичей. В это время, если считать не только отцов семейств, но и взрослых сыновей, служивших при отцах, там жило примерно до 90 потомков Григория Пушки. На новгородские земли были испомещены Василий, Иван и Захарий Васильевичи, потомки Александра, старшего сына Григория Пушки. Родословцы сообщают, что они служили новгородскому владыке Геннадию (1484-1504 годы). От них пошла новгородская ветвь Пушкиных, от которой все прочие Пушкины старались отмежеваться и отделялись как от захудалых родичей.

Потомки от Никиты Григорьевича Пушкина — Василий Константинович и его двоюродные братья Василий и Андрей Никитичи — получили также поместья в Водской пятине. От потомков Василия Улиты было испомещено четырнадцать Мусиных-Пушкиных и двое Шафериковых. Наконец, там же получил поместье Григорий Борисович Товарков. По сохранившимся писцовым книгам исследователям рода Пушкиных удалось обнаружить 23 человека. Если же принять во внимание взрослых сыновей, известных нам по родословцам, но не упомянутых в писцовых книгах, то можно сказать, что по меньшей мере треть наличных в то время Пушкиных получила в конце XV века поместья в Новгороде.¹⁹

Вот некоторые сведения о размерах поместий, находившихся во владении представителей новгородской линии рода Пушкиных: Игнатий и Василий Васильевичи — 42 обжи* (630 десятин, не считая угодий), Василий Константинович — 54 обжи (810 десятин), Андрей Никитич — 23 обжи (345 десятин), Григорий Михайлович Мусин — 29 обож (435 десятин), Григорий Борисович Товарков — 29,5 обжи (440 десятин) и т.д. Количество крестьянских дворов в поместьях находилось в некотором соответствии с обжами, но было несколько больше обож, так как не всякий дворохозяин был в состоянии обрабатывать целую обжу. Так, у Григория Мусина при 29 обжах было 35 дворов, а у Тимофея Мусина на 22 обжах — 25 дворов.

* Обжа: «обжа — один человек на одной лошади орёт (пашет)» (Шя Софийская летопись); в XVI веке — земельный участок, равный 15 десятинам (Каменцева Е.И., Устюгов Н.Б. Русская метрология. — Изд. 2-е. — М., 1975, — С.50).

Древнейшие новгородские писцовые книги содержат и подробное описание доходов, которые помещик имел право получать с крестьян: хлеб, зерно, масло, сыр, бараньи лопатки, мясо, овчины, горсти льна и т.п.

Таким образом, каждое поместье было замкнутой в себе и независимой от соседей социальной ячейкой, полным хозяином которой был помещик. На него правительство возложило податную ответственность за крестьян брать поместья и дало ему право прибавлять и изменять повинности и оброки крестьян, брать для своего хозяйства любое количество земли. Единственным ограничением этих прав было требование не брать с крестьян доходов с той земли, которую помещик возьмет для своего хозяйства, в противном случае чрезмерные поборы грозили ему опалой.

Новгородские писцовые книги сообщают, что Пушкины без промедления воспользовались предоставленным им правом. Так, Григорий Мусин из 29 обож (435 десятин) своего поместья стал пахать со своими людьми две обжи, а Иван Мусин из 34 обож (510 десятин) взял в свое хозяйство шесть обож, то есть около 90 десятин. Так в результате массового испомещения служилых людей началось превращение воина, привыкшего на кормлениях получать готовые доходы, в землевладельца, феодала-помещика.²⁰

В течение 60-80-х годов XVI века происходили частые перетасовки владельцев, поместья перекраивались. В числе сохранивших свои поместья в урезанном виде были и представители рода Пушкиных.²¹ Некоторые из них были обданы до того, что стали служить дому Святой Софии, то есть новгородскому владыке.²²

В XVI столетии Новгород остается крупнейшим торговым центром Русского государства. После упорной двадцатилетней борьбы между Россией и Швецией за установление выгодных торговых отношений в мае 1514 года был подписан новгородско-ганзейский договор, при заключении которого «за наместников целовали крест» бояре новгородские; одним из них был Иван Иванович Пушкин.²³

Расселение Пушкиных на территории Московского государства в XVI веке можно обрисовать по сохранившимся источникам только в общих чертах. Младшая ветвь Пушкиных, прямые предки поэта, которые вели свою родословную от младшего сына Григория Пушки Константина, держались на своих московских и дмитровских землях, а в последней трети XVI века и в Вяземском уезде. О Константине, его сыне Гаврииле и внуке Иване не разыскано никаких документальных сведений. Правнук Константина Михаил Иванович упоминается в 1537 году как дмитровский помещик. Сын Михаила Ивановича, Семен Михайлович, в 1567 году был вторым у знамени в новгородском походе Ивана Грозного против поляков, а в 1573 году, во время свадьбы в Новгороде царской племянницы княжны Марии Старицкой с королем Ливонским Магнусом, «вторые сорок соболей держал».²⁴

Александру Сергеевичу Пушкины представлялись «знатым родом» на всем протяжении его существования. Между тем за весь XVI век в боярской думе московских государей не было ни одного Пушкина. При Иване Грозном по меньшей мере половина Пушкиных служила не в дворянах, не по дворовому списку, хотя бы в низших чинах Государева двора, а в городских детях боярских, что для родовитых людей было большой «потерькой чести». Дело в том, что дворяне получали за службу различные «кормления» — вотчины, которые постепенно становились наследственными. В середине XVI века «кормления» были отменены, после чего думные чины стали получать денежное жалование. Что касается городских боярских детей, то им платили жалование при сборах на войну (обмундирование) и в походах.

По Бархатной книге (названной так по своему переплету), составленной после уничтожения местничества в 1682 году и содержащей в себе родословные росписи удельных и наиболее выдвинувшихся феодальных родов царской России, а также по частным родословцам, в 60-х годах XVI века насчитывается не менее 80 разных фамилий из рода Пушкиных, более 30 человек — на поместьях в Великом Новгороде. При Иване Грозном из рода Пушкиных известно не менее 90 человек, из них в дворянах служили 53 человека.

Несколько Пушкиных все-таки пострадали от грозного царя.²⁵ В 1570 году во время погрома, учиненного Иваном IV в Новгороде, в числе других жителей, как сообщается об этом в синодике, пострадала семья «Якова Усов з женою и з детьми, з дочерью и с сыном» — одна из боковых линий рода Пушкиных. Были они помещиками из семейства Товарковых в Новгороде с конца XV века и вели свой род от Ивана Федоровича Уса Товаркова-Пушкина, бывшего одним из приближенных бояр при Иване III.²⁶ С их гибелью прекращается боярская фамилия Товарковых-Пушкиных. Но род Пушкиных по новгородской линии полностью не был уничтожен.

По писцовой книге конца XVI века некоторые представители рода Пушкиных по-прежнему имели усадьбы в Новгороде: Борис и Андрей Дмитриевичи Шафериковы-Пушкины на Лукиной улице, «двор нетяглой... а в нем живет дворник Игнатко Яковлев; длина тридцать сажен, поперек восемь сажен»; Авксентий Федорович на Редятине улице, «двор пуст нетяглой Оксентиевско Федорова сына Пушкина; длина полшестынатцати сажин, поперек десять сажин».²⁷

Опалы царя Ивана уничтожили множество знатных лиц и целые ветви служилых родов. Это открывало путь к возвышению захудалым фамилиям, которые на протяжении нескольких поколений коснели в низах служебной иерархии. Таким фамилиям при возвышении приходилось, однако, энергично бороться за места и восстановление чести своего рода. Этим объясняется большое количество местнических споров, которые начались в конце царствования Ивана Грозного и продолжались много десятков лет позже. Так, например, Гаврила Гри-

горьевич Пушкин заспорил о месте с князем Федором Звенигородским. Последний, защищаясь, выбрал для нападения старшего в роду Пушкиных — Дмитрия Федоровича Шаферикова, указывая, что он «по родству большой брат» всем Пушкиным. Но Гаврила Григорьевич поспешил от него отмежеваться, так как все прочие Шафериковы имели поместья в Великом Новгороде и были городовыми детьми боярскими. В

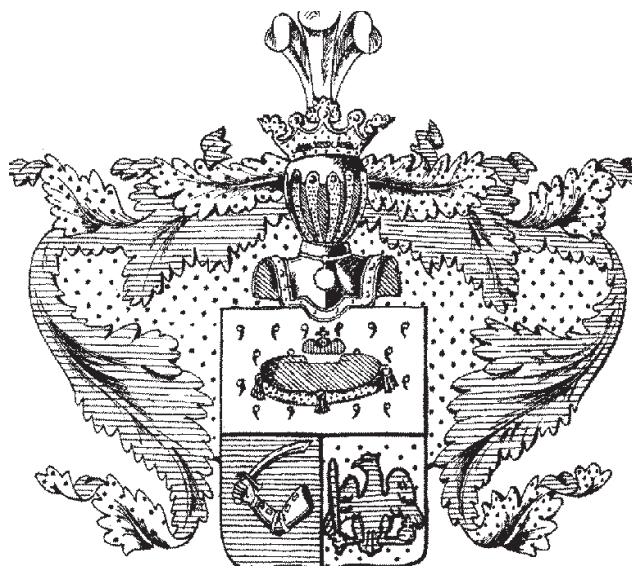
памяти, поданной на суде, Гаврила Григорьевич писал, что Дмитрий Шафериков «по родству /мне/ мал, и разошлись мы в родстве ... з Дмитрием подолеку». К этому Гаврила Григорьевич прибавлял, что по царской милости дворян не ставят на одну доску с их родичами, которые служат по городам, «...и по вашей царской милости тех случаев в дела не ставливали, — нашол он и потерял себе да своим родителем (родичам), которые служат по Новугороду, а не нам. А мы, государь, новгородцами ни правы, ни виноваты быти не хотим, и ими не считаемся, а считаемся мы своею лестницею», то есть родословной фамилии Пушкиных. Спор остался нерешенным.²⁸

В это время принадлежавшие к роду Ратши Пушкины (Морхинины) далеко разошлись с Челяднинными (Акинфовичами), которые в XIV-XVI веках в нем были самыми значительными.

В годы Смутного времени Пушкины не гонялись за быстрыми и ненадежными успехами, не пользовались тяжелым положением родины для личного обогащения. Многие из них примкнули к общенародному движению по освобождению территории Русского государства от иноземных захватчиков. Во время оккупации Новгорода шведами в 1611-1617 годах погибли представители московской линии рода Пушкиных:

Матвей Федорович, внук Александра Ивановича Морхинина, и Алексей Евстафьевич, сын одного из выдающихся деятелей XVI века Евстафия Михайловича Пушкина.²⁹

В начале XVII века, после русско-шведских войн, Россия вынуждена была отдать Водскую пятину Швеции, выкупив этим захваченные русские города. После передачи Водской пятины под власть Швеции по Столбовскому договору представители рода Пушкиных вместе с другими русскими помещиками были переселены на новые земли «в русские преде-

ГЕРБ РОДА ПУШКИНЫХ

Щит четверочастный: в верхней половине, в горностаевом поле на пурпуровой подушке с золотыми кистями алая бархатная княжеская шапка служит на память того, что выехавший из Славянской земли муж честный Радша, родоначальник Пушкиных и других однородцев их, еще под победоносным знаменем великого князя святого Александра Невского против неверных воевал; в нижней части щита с правой стороны в голубом поле рука в латах, держащая концом вверх обращенный меч; сей щит с самых древних времен был гербом королевства Славянского и издавна принят потомками Радши в доказательство происхождения их из Славонии; с левой же стороны, в золотом поле орел с распростертыми до половины крыльями, держащий в когтях меч и державу, по свидетельству славенских и русских летописей, был обыкновенным фамильным гербом предков Радши. Над щитом шлем с пятью прорезями и с дворянской над оным Золотою короною, намет оног щита голубой с золотым подбоем, перемешанный местами с серебром.

лы», иначе они вынуждены были бы переменить православие на лютеранство. Переселение и связанные с этим потери и лишения привели к оскудению рода, в особенности новгородской ветви, которая была и осталась самой бедной.³⁰

В 1697 году сын Матвея Степановича Пушкина, молодой стольник Федор, женатый на дочери Алексея Соковнина, за участие в заговоре Соковнина и Цыклера на жизнь Петра I был казнен. Сам Матвей Степанович был сослан в Сибирь, с конфискацией всего имущества, а его брат Яков Степанович отправлен в свою касимовскую деревню, где вскоре и умер. Опалой бояр Матвея и Якова Пушкиных воспользовались новгородские родичи — в 1707 году Иван Калинович, один из новгородских Пушкиных, женатый на родной сестре князя Александра Даниловича Меншикова, и его брат Петр получили во владение вотчины сосланного в Сибирь Матвея Степановича, в том числе и богатое подмосковное село Виноградово. В 1729

году после продажи этого села князю Василию Владимировичу Долгорукову это старинное родовое владение Пушкиных было потеряно.³¹

В заключение хотелось бы упомянуть имя Елизаветы Аристовны, дочери Ариста Наумовича-Богдановича. Происходила она из рода старшего сына Григория Пушки — Александра, и в 1741 году, согласно архивным документам Синода, была старицей Сыркова монастыря под Новгородом, известной позже под именем схимонахини Екатерины.³²

«Имя предков моих встречается поминутно в нашей истории», — писал поэт. Пушкин гордился тем, что его предки были строителями Русского государства. Причем его интересовали не только прямые предки, но привлекали и яркие представители боковых линий, весь род Пушкиных. И генеалогия новгородской ветви требует еще дальнейшего исследования, которое позволит расширить представления о роде Пушкиных.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 т., Л.: Наука, 1978. Т.8. С.56

² Веселовский С.Б. Род и предки А.С. Пушкина в истории./Отв. ред. С.М. Каштанов. — М., Наука, 1990. — С.15-16.

³ Полное собрание русских летописей. Т.2: Ипатьевская летопись. — М.: Изд-во восточной лит., 1962. — С.321; Карамзин Н.М. История государства Российского в 12 т. — Т.II-III. — М.: Наука, 1991. — С. 126.

⁴ Лукомский В.К. Архивные материалы о родоначальнике Пушкиных — Радше./Пушкин: Временник пушкинской комиссии. М.-Л., АН СССР, 1941. — С.399, 404-406.

⁵ Черкашин А. Родословная Пушкина./Агитатор. — 1989. — №24. — С.24.

⁶ Грановская Н.И. «Род Пушкиных мятежный...»: из истории рода А.С. Пушкина. — СПб: ТИАЛИД, 1992. — С. 19.

⁷ Там же. С.20.

⁸ Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн.: Кн.2-я: История России с древнейших времен. — Т.3-4. — М.: Мысль, 1988. — С.148; Веселовский С.Б. Род и предки А.С. Пушкина... — С.21; Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра./Памятники литературы Древней Руси: XIII век./Общ. ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева. — М.: Худ. лит., 1981. — С.431.

⁹ Новгородская 1-я летопись старшего и младшего изводов. — М.: Изд-во АН СССР, 1959. — С.77; Грановская Н.И. «Род Пушкиных мятежный...» — С.21.

¹⁰ История родов русского дворянства. В 2-х кн./Сост. П.Н. Петров; Репр. воспроиз. кн. 1886 г.: Кн.1-я. — М.: Современник, 1991. — С.21; Полное собрание русских летописей. Т.2: Ипатьевская летопись. — С.77.

¹¹ Веселовский С.Б. Род и предки А.С. Пушкина... — С.14.

¹² Грановская Н.И. «Род Пушкиных мятежный...» — С.21.

¹³ Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. — М.: Наука, 1969, — С.52.

¹⁴ Грановская Н.И. «Род Пушкиных мятежный...» — С.23.

¹⁵ Веселовский С.Б. Род и предки Пушкина... — С.13; Веселовский С.Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фами-

лии, М.: Наука, 1974. — С.263; Черкашин А. «Как ни открою границу истории России, везде Пушкины...»//Славяне. — 1990. — №1 — С.55.

¹⁶ Веселовский С.Б. Исследования по истории класса... С.54-55.

¹⁷ Там же. С.72.

¹⁸ Грановская Н.И. «Род Пушкиных мятежный...» С. 18.

¹⁹ Веселовский С.Б. Род и предки А.С. Пушкина... С.92-93.

²⁰ Там же. С.94-98.

²¹ Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Новгородские пятины./Рук. авт. кол. А.Л. Шапиро. — Л.: Наука, 1974. — С. 177.

²² Веселовский С.Б. Исследования по истории... С.75.

²³ Модзалевский Б.Л., Муравьев М.В. Пушкины. Родословная роспись//Род и предки А.С. Пушкина/Сост. и предисл. О.В. Рыковой. — М.: Васанта, 1995. — С.399; Рыбина Е.А. Иноземные дворы в Новгороде XII-XVII вв. — М.: Изд-во МГУ, 1986. — С.79; Варенцов В.А. Привилегированное купечество Новгорода XVI-XVII вв.: Учеб. пособие по спецкурсу. — Вологда, 1989. — С. 17.

²⁴ Вегнер М. Предки Пушкина. — М.: Сов. писатель, 1937. — С. 158.

²⁵ Веселовский С.Б. Исследования по истории класса... — С.91.

²⁶ Скрынников Р.Г. Трагедия Новгорода. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994. — С. 163; Веселовский С.Б. Ономастикон. — М.: Наука, 1974. — С.333.

²⁷ Модзалевский Б.Л., Муравьев М.В. Пушкины. Родословная роспись//Род и предки А.С. Пушкина/Сост. и предисл. О.В. Рыковой. — М.: Васанта, 1995. — С.436-437; Майков В.В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. — СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1911. — С.181, 188.

²⁸ Веселовский С.Б. Исследования по истории класса... С.103,105-106.

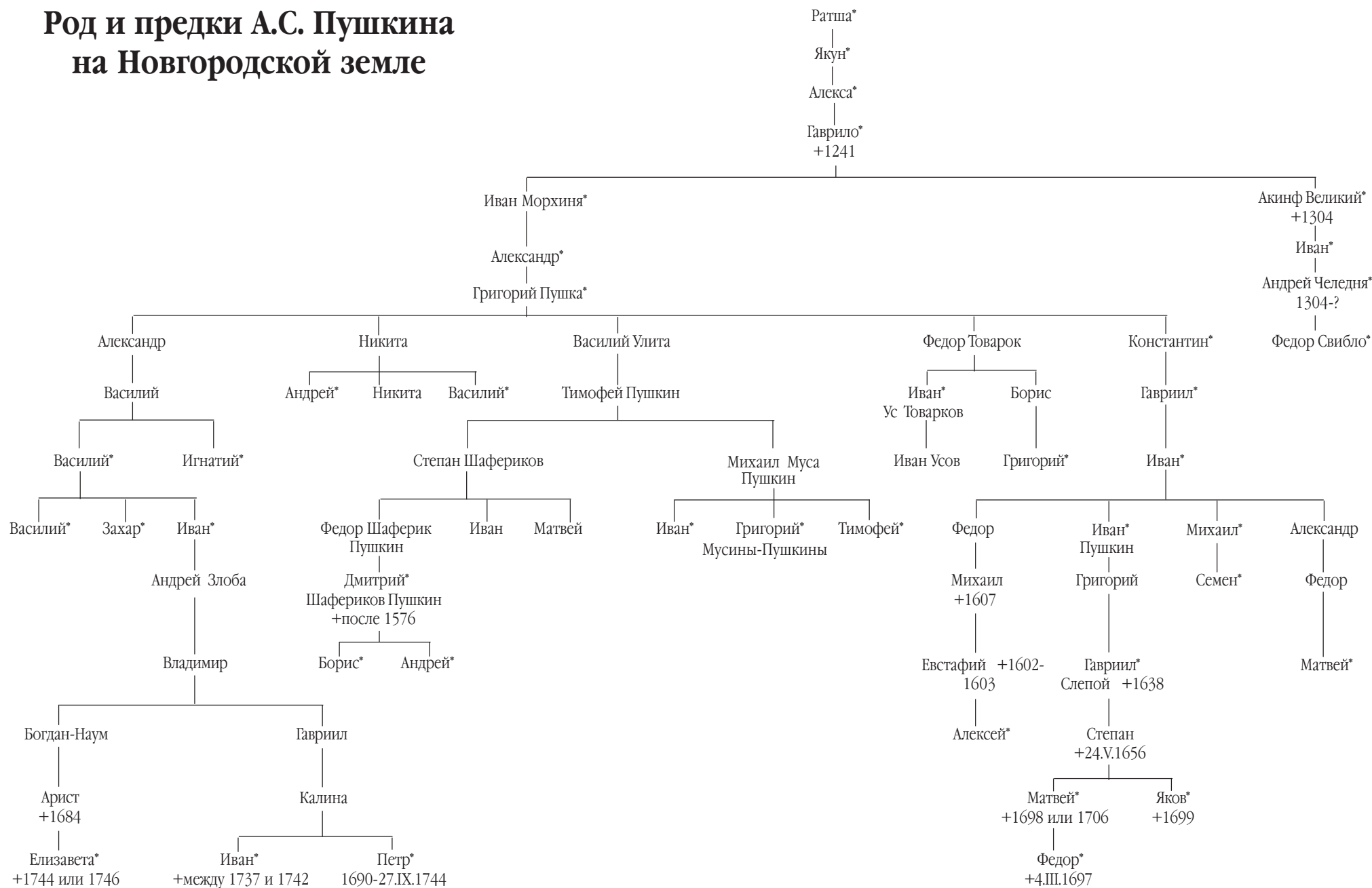
²⁹ Там же. С.117, 118,120.

³⁰ Грановская Н.И. «Род Пушкиных мятежный...» — С.7-8.

³¹ Веселовский С.Б. Исследования по истории класса... С.67.

³² Модзалевский Б.Л., Муравьев М.В. Пушкины. Родословная роспись. С.414.

Род и предки А.С. Пушкина на Новгородской земле

*отмечены представители рода Пушкиных, упомянутые в статье

Владимир ВАРНАЕВ

ОТЗВУКИ

Отзвуки... Странное слово... Это ведь не звуки. Это то, то остается после них. А что остается? Никто не знает... Что остается после событий человеческой жизни? Память? Не всегда и не только. Остается какой-то след, невольный отпечаток на судьбе и судьбах. Судьбах людей и судьбах их творений.

События часто вызывают последствия, неожиданные в момент самого события. Очень не хочется терять эти отзвуки, с которыми когда-то соприкоснулся.

Три эпизода из книги Александра Сергеевича Пушкина. Они произошли в разных местах Новгородской губернии, имели разное влияние на судьбу поэта. Они заденут, может быть, и сейчас кого-нибудь, оставят след...

Итак, отзвуки...

ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ

(еще чуть-чуть – и трагедия)

Действующие лица:

Иван Никитич СКОБЕЛЕВ – генерал-от-инфантерии, герой финской и турецкой кампаний, Отечественной войны 1812 года, военный писатель и драматург.

Александр Христофорович БЕНКЕНДОРФ – генерал-от-кавалерии, участник военных действий в Грузии, русско-турецкой войны, войн с Францией в 1805 и 1806-1807 годах, герой Отечественной войны 1812 года (один из любимейших солдатами генералов русской армии), активный участник подавления восстания Семеновского полка, декабристов, крестьянских выступлений в Прибалтике и т.д. Сторонник постепенной отмены крепостного права, создатель (в 1826 году) и руководитель Корпуса жандармов и знаменитого Третьего отделения.

Иван Иванович ДИБИЧ – генерал-фельдмаршал, герой войн с Францией 1805 и 1806-1807 годов, активный участник Отечественной войны 1812 года, герой русско-турецкой войны 1828-1829 годов (за которую получил титул «Забалканский»). Командовал подавлением польского восстания 1830-1831 годов. Один из четырех полных Георгиевских кавалеров за всю историю русской армии (кстати, даже А.В. Суворов не был полным кавалером ордена св. Георгия). Умер в действующей армии от холеры.

Великий князь МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ.

Гвардейские офицеры АЛЕКСЕЕВ и МОЛЧАНОВ.

Андрей ЛЕОПОЛЬДОВ – учитель русского языка.

1826 год. Дворянская Россия только еще начала приходить в себя после неслыханных событий декабря 1825 года. И вдруг в руки генерала Скобелева попадает от его осведомителя помещика Коноплева рукописный список стихов:

Где вольность и закон? Над нами

Единый властвует топор.

Мы свергнули царей. Убийцу с палачами

Избрали мы в цари. О ужас! о позор!

И заголовок: «На 14 декабря». Главные вопросы – кто написал, кто распространял? А.С. Пушкин в 1825 году, еще до восстания декабристов, написал поэму «Андрей Шенье». Цензура выкинула 44 стиха с описанием французской революции. И вот эти-то стихи в рукописи и ходят по России. Скобелев, в то время генерал-полицмейстер Первой армии, поддавался искушению вернуть верноподданнической службой утраченную милость начальства и пишет донос (как, впрочем, и на Балашова, Закревского, и на других писал). Позже он сам охарактеризовал свои действия очень своеобразно – «проштыкнулся». Бенкендорф, верный слуга империи, требует строжайшего разбирательства.

Выявлены трое причастных к распространению запрещенных стихов: учитель А. Леопольдов, прапорщик Молчанов и штабс-капитан лейб-гвардии конно-егерского полка Александр Алексеев. Алексеев был арестован в сентябре 1826 года в Новгороде, где был расквартирован его полк, и препровожден в Москву. Следствие начинает начальник Главного штаба генерал Дибич.

Алексеев на допросах молчит, не дает ответа на главные вопросы – кто ему передал стихи и когда появилась надпись на них. Молчанов же сообщает: «Была ли надпись над стихами – совершенно не помню; а почему я в своем показании пишу, что они на 14 число, то мне Алексеев говорил сам, что они на оное число сочинены Пушкиным». Цепочка замыкается на Алексееве и Пушкине. Александра Сергеевича пока не трогают, а Алексеева 29 октября приговаривают к смертной казни. Молчанов отделался пока переводом из гвардии в армейский полк в том же чине. Здесь надо учесть, что чины в гвардии были выше армейских на два разряда, т.е. Молчанова реально понизили сразу на два чина и лишили всех льгот гвардейского офицера.

Пока документы идут по инстанциям, Алексеева переведут опять в Новгород, сюда же доставлены Молчанов и Леопольдов... Шеф лейб-гвардии конно-егерского полка великий князь Михаил Павлович приказывает продолжить следствие и добавляет: «Я считаю нужным не только выслать в Новго-

род прикосновенного к означенному делу учителя Леопольдова, но истребовать от сочинителя стихов Пушкина показание, его ли действительно сочинения известные стихи, с какой целью им сочинены они и кому от него переданы, и доставить в Новгород ... самого Пушкина». Но арестовать Пушкина не успели (или не захотели успеть?). На заседании судебной комиссии 12 января 1827 года «русский учитель» Андрей Леопольдов признал, что он при переписке стихов, полученных от Молчанова, дал им заглавие «На 14 декабря», так как они «заметно изображают историю 14 декабря 1825 года».

Окончательный приговор по делу о распространении записанных стихов выглядел так:

- Алексеев на один месяц заключался в крепость, а потом переводился из гвардии в армейский полк в том же чине;
- Молчанову был подтвержден предыдущий приговор;
- Леопольдов лишен кандидатского звания, полученного в Московском университете, и отдан в солдаты. Но Государственный Совет смягчил наказание, назначив содержание его в остроге сроком на один год.

А что с Александром Сергеевичем? 27 января 1827 года он был вызван к московскому обер-полицмейстеру и дал собственноручные заверения, что «все стихи, написанные к тому же до восстания декабристов, никак без явной бессмыслицы не могут относиться к 14 декабря» и что они столь же «явно относятся к французской революции».

Сенат распорядился обязать Пушкина подпиской, «дабы впредь никаких своих творений без рассмотрения и пропуска цензуры пускать не осмеливался в публику под опасением строгого по законам взыскания». А Госсовет положил 28 июня 1827 года иметь за Пушкиным секретный надзор в месте его проживания.

1826-1827 годы. Страна вся еще, если можно так выразиться, «на нервах» после восстания декабристов, боевые заслуженные генералы, герои Отечественной войны и близкие знакомые многих декабристов, ведут следствие и боятся пропустить крамолу. Они служат России, но служат чуть-чуть по-другому, нежели 15 лет назад.

Александра Сергеевича только коснулась эта тревожная тень. Почему не задела больше, не поранила? Кто знает... Люди решали его судьбу и люди решили ее именно так.

P.S. Если кого-то заинтересовала эта история – обращаю ваше внимание на заметку в «Новгородских ведомостях» от 12 июля 1995 года «Шеньевская история» и на примечания и комментарии к элегии «Андрей Шенье».

ЭПИЗОД ВТОРОЙ

(романтическая история)

15 мая 1968 года членов студенческого литературного кружка привезли в Пушкинские Горы. Среди них была новгородка Людмила Митрофанова. Своими воспоминаниями об этом волшебном дне она поделилась в статье «Вечор еще бродил я в этих рощах» («Новгородские ведомости» от 21 мая 1996 года). В ней, кроме прочего, рассказывалось о том, как отозвались новгородские встречи Пушкина на имени одного из любимых его героев. Речь идет о Владимире Дубровском.

Легендарный Семен Степанович Гейченко, человек, после войны вернувший к жизни Пушкинский заповедник, один из крупнейших пушкинистов нашей страны, считал, что Дубровский в некотором роде наш земляк. Вот эта история.

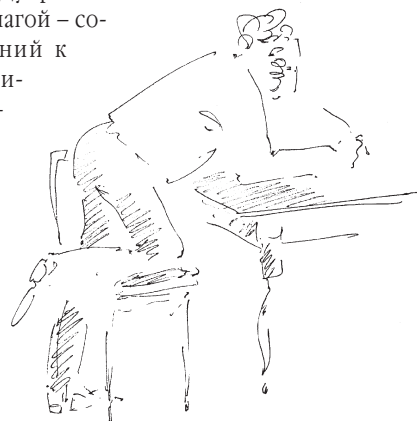
У Петра Абрамовича Ганнибала был сын Вениамин, который являлся предводителем уездного дворянства в Боровичах. А неподалеку от города, в селе Дубровы, жил егеря Василий Анисимович, с которым он и свел знакомство. У егеря росла дочь Мария. Этой юной хозяйкой охотничьего домика и увлекся Ганнибал. И родила боровичанка Мария Ганнибалу двух сыновей. Младший, тоже Вениамин, был взят в Петровское, в имение деда – смуглый мальчишка пришелся по сердцу старому вельможе. Домашние звали его не Веней, а Володей. А поскольку он был взят из Дубров, то – Володькой Дубровским. Так звал его и Пушкин. Кстати, он не раз останавливался в семье Анисимовых в Дубровах, проезжая через Боровичи из Петербурга в Михайловское и обратно.

А дальше Семен Степанович Гейченко совсем огорошил слушавших его: «Их родственники и сейчас живут в районе и в самом Новгороде. Три года назад я беседовал с одним из потомков того егеря...» Это было в 1960-х годах. А может и сейчас еще живут на Новгородчине потомки боровичанина Василия Анисимова? Пожалуйста, отзовитесь!.. Тем более, что в классических собраниях сочинений поэта рассказывается совсем другая история.

Пушкин работал над романом с октября 1832-го по февраль 1833 года. Замысел романа ему подсказало действительное происшествие, о котором Пушкину сообщил его друг П.В. Нащокин в сентябре 1832 года: один белорусский небогатый дворянин по фамилии Островский, судившийся с соседом за землю, был вытеснен из имения и, оставшись с одними дворовыми людьми, стал грабить сперва подьячих, а затем и других. Нащокин видел Островского в тюрьме, и, возможно, тот сам рассказал ему свою историю. Пушкин крайне заинтересовался рассказом Нащокина и почти сразу же принялся за составление планов, а вскоре и за сам роман, герой которого в первоначальном плане фигурирует под фамилией Островского, измененной затем на Андрея Зубровского, и, наконец, назван Дубровским.

Н.Богословский и Д.Благой –

составители примечаний к огоньковскому шеститомнику 1969 года – считают, что последняя фамилия была подсказана псковскими преданиями о бунте крестьян Дубровского, оказавших вооруженное сопротивление присланной

воинской команде и заявивших, что по наказу Дубровского они будут бить помещиков.

Кто сейчас может сказать, кто ближе к истине? Наверное, толчком к созданию романа действительно было сообщение Нащокина. А вот имя и фамилия героя Пушкин менял... И остановился все-таки на Владимире Дубровском. Конечно, это только имя. Но имя героя очень много значит для автора. И легче других легло на бумагу именно это имя. Вероятно, оно должно было что-то напомнить Александру Сергеевичу. Опять отзвуки слышанного, происшедшего когда-то...

ЭПИЗОД ТРЕТИЙ

(память сердца?)

В 1996 году в газетах промелькнуло сообщение о том, что день рождения А.С. Пушкина отмечают не только в Одессе, Кишиневе, Болдино, Михайловском, но с недавних пор и в... Парфинском районе Новгородской области! Почему? Есть ли для этого хоть малейшая историческая зацепка? Кажется, есть.

На берегу Полы, на юге Парфинского района, стоит деревня Налючи. И накрепко связана она с жизнью замечательной женщины – Екатерины Александровны Стройновской (урожденной Буткевич, во втором браке Зуровой). Родилась она в один год с Пушкиным – 6 августа 1799 года. Вы-

Портрет Е.А. Зуровой, урожденной Буткевич, ранее — графини Стройновской.
Неизвестный художник. Кон. 1830-х — нач. 1840-х годов

росла Катенька Буткевич ослепительной красавицей. И жених был красавец – граф Александр Николаевич Татищев. И вдруг – свадьба расстроилась: отец Александра по каким-то причинам запретил сыну и думать о свадьбе. «По тогдашним понятиям, девушка, хотя ни в чем не повинная, считалась опозоренной, – писал позже ее племянник Н.С. Маевский, – красота невесты только увеличивала злословие и злорадство соперниц, их матушек и тетюшек». Положение усугублялось финансовыми затруднениями семьи Буткевичей. И в 18 лет ее выдают замуж за 70-летнего графа и сенатора Валерьяна Венедиктовича Стройновского. Ученый медик, юрист, писатель, но – 70 лет! Первое время Стройновские жили в Петербурге в Коломне (Фонтанка, 167). Но в 1823 году сенатор был уволен от службы, и они уезжают в свое Новгородское имение Налючи. В 1834 году Стройновский умирает. А через год с небольшим Екатерина Александровна по любви выходит замуж за тульского губернатора генерала Елпидифора Антиоховича Зурова. Зуров в 1839 году назначается новгородским губернатором, и они с женой живут в Новгороде до 1846 года, а с 1846 года – в имении Налючи. Там она и умирает 19 октября 1867 года.

И, кажется, в этой жизни нет и не было места Пушкину. Но глаз замирает на петербургском адресе Стройновских – Фонтанке, 167. В те же годы, что и Стройновские, на Фонтанке, только в доме 185, жили родители Пушкина. И сам он после Лицея жил там с 1817 до 1820 года. Но знакомы ли были они? Лия Певзнер в статье «В своей красе надменной и суровой» («Искусство» – приложение к газете «Первое сентября», №11 (131) за март 1999 года) показывает, что, скорее всего, знакомство имело место. А Т.Н. Алексеева («Ужель та самая Татьяна?», Новгород, Библиотечный центр «Читай-город», 1998 г.) приводит спорные, но весьма интересные соображения об этом знакомстве. Известен так называемый «донжуанский список» Пушкина с именами женщин, которыми он был увлечен. Но одно имя неизвестно – оно скрыто под литерами NN. Список строго хронологичен, значит, встреча с этой женщиной произошла сразу после окончания Лицея. В 1820 году готовится к печати среди других произведений «Экспромт»:

*Что можем наскоро стихами молвить ей?
Мне истина всего дороже.
Подумать не успев, скажу: ты всех милей;
Подумав, я скажу все то же.*

Казалось бы, строки для дамского альбома, но Пушкин упорно публикует их в сборниках стихов 1920-х годов. В 1826 году название «Экспромт» меняется на посвящение «К.А.Б.» Столько лет кто-то очень много значит для поэта! Кто? Известны четыре женщины с такими инициалами:

1. Екатерина Александровна Бакунина (мать первой романтической любви поэта, почти ровесница его матери; такой фамильярный тон с ней был невозможен);
2. Екатерина Андреевна Бороздина,
3. Екатерина Александровна Булгакова (но с этими женщинами поэт познакомился позже);
4. Екатерина Александровна Буткевич.

В 1820-х годах Е.А. Буткевич была уже замужем за Стройновским, и, может быть, посвящение «К.А.Б.» – напоминание поэта о прошедшем? Увы, не знаем...

Портрет Е.А. Зурова.
Литография А. Траншеля по рисунку Бореля.
Между 1854 и 1857 годами.

И потом, в 1830 году, Пушкин опять обращается к образу Стройновской в поэме «Домик в Коломне»:

*...верною мечтою
Люблю летать, заснувши наяву,
В Коломну, к Покрову – и в воскресенье
Там слушать русское богослуженье.*

*Туда, я помню, ездила всегда
Графиня... (звали как, не помню, право)
Она была богата, молода;
Входила в церковь с шумом, величаво;
Молилась гордо (где был горда!)
Бывало, грешен! Всё гляжу направо,
Всё на нее...*

*.....
Графиня же была погружена
В самой себе, в волшебстве моды новой,
В своей красе, надменной и суровой.*

*Она казалась хладный идеал
Тщеславия. Его б вы в ней узнали;
Но сквозь надменность эту я читал
Иную повесть: долгие печали,
Смиренье жалоб...*

*Она страдала, хоть была прекрасна
И молода, хоть жизнь ее текла
В роскошной неге; хоть была подвластна
Фортуна ей; хоть мода ей несла
Свой фимиам, – она была несчастна...*

Психологически точный литературный портрет молодой Екатерины Стройновской. Кроме загадочного экспромта, литер NN и «Домика в Коломне» Стройновская привлекает пушкинистов еще с одной стороны. Строгий знаток пушкинской биографии Николай Осипович Лернер (и не только он) считал ее прототипом Татьяны Лариной и видел общие черты Татьяны, графини (из «Домика в Коломне») и Стройновской.

А почему Татьяна и почему Ларина? Ответ тоже есть. Имение Стройновской Налючи стоит на том самом месте, где в реку Полу впадает приток Ларинка. А имя Татьяна носила младшая сестра Екатерины Александровны. Все эти аргументы, конечно, очень умозрительны, условны. Но... осенью 1835 года Пушкин сделал черновой набросок:

*Если ехать вам случится
От**** на *,
Там, где Л. струится
Меж отлогих берегов, –
От большой дороги справа,
Между полем и селом,
Вам представится дубрава,
Слева сад и барский дом.*

*Летом, в час, как за холмами
Утопает солнца шар,
Дом облит его лучами,
Окна блещут как пожар,
И, ездой скучая, мимо
.....развлечен,
Путник смотрит невидимо
на семейство, на балкон.*

Стихотворение допускает вместо пропусков «От Тригорского на Псков» или «От Осташкова на Псков». Но между Тригорским и Псковом нет реки «Л.», название которой входило бы в строфу. А вставьте второй вариант и речку Ларинку!.. Т.Н. Алексеева замечает, что описанная картина точно воспроизводит вид на имение Зуровых в Налючах, стоявшее в те времена на Старо-Осташковском тракте в направлении на Псков. Видел ли это имение Александр Сергеевич? Скорее всего, видел. Наверное, видел.

Вот такой странный, таинственный след оставила Екатерина Александровна Стройновская в жизни и творчестве великого поэта. Или все-таки эти наблюдения – только цепь случайностей? Судить об этом должен, наверное, каждый сам. А чтобы легче было сделать свой выбор, сходите в Новгородский музей, на второй этаж Присутственных мест, и постоите перед портретом Екатерины Стройновской – надменной, красивой и загадочной. Поступил портрет в Новгородский музей из Старорусского уезда, куда входило имение Налючи, где она прожила более 30 лет, навсегда связав свою судьбу (а выходит, и судьбу Пушкина) с Новгородской землей.

Вот, кажется, и все. Три эпизода... Ничем не связанных между собой... Или все-таки связанных... Отзвуками страстей, которые когда-то кипели на Новгородской земле.

Все-таки очень странное слово – отзвуки...

Инна Григорьева
Николай Салоников

НАХОДКА БИБЛИОГРАФА

Новые данные о библиотеке новгородской духовной семинарии

Habent sua fata libelli
(Книги имеют свою судьбу)

Новгород XVIII века, долгое время сохранявший значение второго после Москвы культурного центра страны, сыграл в истории образования и книжной культуры России уникальную роль. Именно здесь в 1706 году братья Иоанникий и Софроний Лихуды, основоположники высшего образования в России, создали школу, ставшую второй после Московской Славяно-греко-латинской академии высшей школой в стране. Деятельность Лихудов в Новгороде заложила в нем традиции высшего образования, переживавшие в XVIII веке замечательный расцвет, связанный в том числе с основанной в 1740 году Новгородской духовной семинарией, явившейся продолжением школы Лихудов, и ее редкой по богатству библиотекой.

Основу библиотеки Новгородской духовной семинарии составила знаменитая библиотека Феофана Прокоповича, одна из крупнейших частных библиотек России послепетровского времени, уникальная как по числу книг, так и по своему составу. Большую часть библиотеки Феофана составили книги, полученные в качестве военного трофея в Дерпте. В письме к своему другу Якову Марковичу от 10 мая 1720 года он сообщал: «Библиотека у меня сверх ожидания собралась очень большая. Кроме нескольких прежде купленных здесь книг, прошлым летом я за 200 рублей приобрел до 100 настольных сочинений, большей частью в Нарве, частью же в Ревеле; набралось у меня почти 300 книг. После того я услышал, что в псковском арсенале хранятся книги, забранные в Дерпте, и тотчас просил императора, чтобы он приказал передать их мне. Государь приказал. Переданы были и

привезены ко мне сюда 2500 книг»¹. После смерти Феофана основатель Новгородской духовной семинарии, архиепископ новгородский Амвросий Юшкевич, получил в 1742 году разрешение у императрицы Елизаветы Петровны на передачу библиотеки Феофана Прокоповича в Новгородскую духовную семинарию. Когда в 1918 году Новгородская духовная семинария была закрыта, большая часть ее книжного собрания в 20-е годы была отправлена в Ленинград, чтобы войти в состав книжного фонда Государственной Публичной Библиотеки (далее — ГПБ).

К сожалению, несмотря на значительность книжного собрания библиотеки Новгородской духовной семинарии, его судьба в послеоктябрьский период долгое время оставалась неизвестной. Лишь недавно началось выявление книг библиотеки Новгородской духовной семинарии в фондах Городской Публичной (ныне — Российской национальной) библиотеки. Одной из первых впечатляющих находок явилось издание Вергилия XVI века (P. Virgilii Maronis Bucolica, Georgica, et Aeneis: Nicolai Erythraei I.C.

Владельческая запись Магнуса Габриэля Делагарди
во Франкфуртском издании Вергилия 1583 года

Opera in pristiman lectionem restituta, et ad rationem eius Indicis digesta. Additis eiusdem Erythraei Scholijs... Francofurti, apud haereditas Andreae Wecheli, MDLXXXIII. 8°), снабженное сохланиями Николая Эритрейского. Книга выпущена известным издательским домом Андрея Вехели во Франкфурте в 1583 году. Она содержит также небольшое сочинение итальянского гуманиста XV века Маффео Веджо, профессора университета в Павии, приближенного пап Евгения IV и Николая V, друга гуманистов Па-

нормиты и Энея Сильвия Пикколомини. Переплет, выполненный из белой тисненой кожи, состоит из отрывков печатного текста, которые, судя по разноцветным иллюминированным инициалам, могут происходить из инкунабулов (книг, напечатанных до 1500 года). На верхней крышке — аллегория Юстиции с поднятым обнаженным мечом и весами в руках; на задней — изображение добродетельной Лукреции, пронзающей свою грудь кинжалом. На верхней крышке также вытиснено: «C.V.G. — 1591». Возможно, инициалы «C.V.G.» принадлежат одному из первых владельцев книги, заказавшему для нее переплет. Владелец книги был, по видимому, также Иоанн Альберт из Любека, оставивший на книге свою владельческую запись: «Ioannes Albertus Lubecensis». Его судьба нам неизвестна. Наиболее интересная владельческая запись принадлежит Магнусу Габриэлю Делагарди (1622-1686), сыну Якоба Делагарди, знаменитого шведского политика и военачальника XVII века, оставившего заметный след в истории России и Новгорода эпохи Смутного времени.

Магнус Габриэль Делагарди был крупным шведским государственным деятелем, связанным тесными узами с королевским двором Швеции, одним из богатейших людей страны. Будучи очень образованным человеком и меценатом, канцлером университета в Упсале, он имел богатую библиотеку, в которой, в частности, находилась знаменитая «Серебряная библия» VI века (Codex Argenteus). Она была захвачена шведами в Праге в 1648 году и подарена Магнусом Габриэлем Делагарди университету в Упсале.

Владельческая запись Магнуса Делагарди гласит: «Магнус Габриэль Делагарди, 1684 год, дар(?), Дерпт, 21 февраля» («Magnus

Gabriel De lagardie anno 1684 datum(?) Dorpat 21 februaryi»). По-видимому, книга была получена Делагарди в Дерпте за два года до смерти, а затем во время Северной войны оказалась среди книг, приобретенных в качестве трофеев и переданных Петром I Феофану Прокоповичу². Доказательствами того, что издание Вергилия из библиотеки Делагарди действительно находилось в составе книжного фонда Новгородской духовной семинарии, являются: номер каталога библиотеки Новгородской духовной семинарии на его корешке (№ 1648), а также запись на последней странице: «№ 704/1929 NDS», сделанная рукой сотрудника рукописного отдела Государственной Публичной библиотеки В.В. Майкова, составившего опись книг библиотеки Новгородской духовной семинарии, поступивших в Публичную библиотеку, в которой это издание также отражено под тем же номером³.

Книга испещрена многочисленными пометами. Однако, по всей видимости, они не принадлежат ни Делагарди, ни другим владельцам, а сделаны новгородскими

семинаристами. Судя по этим пометам и подчеркиваниям в тексте, книга интенсивно использовалась в учебном процессе, поскольку Вергилий принадлежал к «школьным» авторам, изучавшимся в классах пиитики и риторики в качестве образцов поэзии. Об этом же свидетельствуют имена семинаристов, написанные на последних листах книги: Михаил..., Афанасий..., Iohannes Marcov(?).

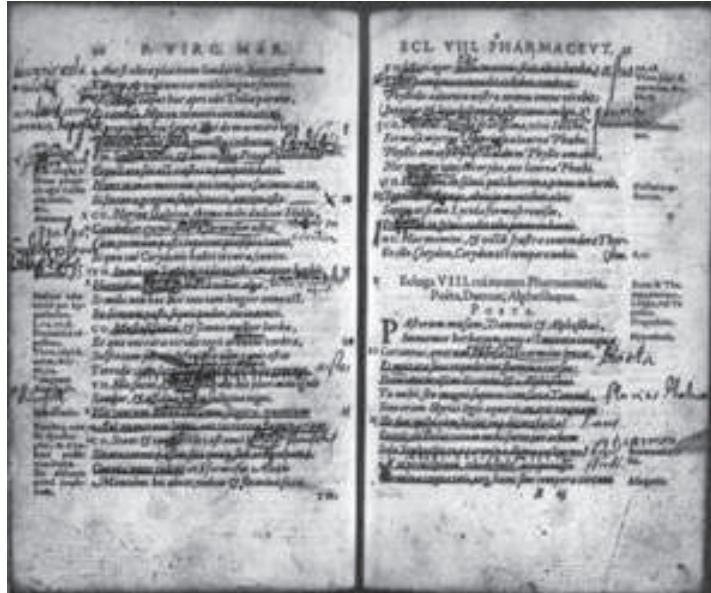
Редкая по богатству библиотека Новгородской духовной семинарии, соответствовавшая в XVIII веке уровню Новгородской духовной семинарии как учебного заведения высшего типа, сулит исследователям еще немало подобных открытий.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Материалы для истории русской религиозной и церковной жизни. I. Письма Феофана Прокоповича // Тр. Киевской духовной академии. 1865. Т. 1. Февраль. С. 293.

² ГАНО. Ф. 384. Оп. 1. Д. 2. Л. 158.

³ См.: ОР РНБ. Ф. 522. №238. Л. 45.

VII и VIII эклоги «Буколик» Вергилия с пометами семинаристов

Верхняя крышка переплета с изображением Юстиции

Задняя крышка переплета с изображением Лукреции

Владимир ТЮРИН

НОВГОРОДСКАЯ ГЛАВА В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПУШКИНА

При подготовке этой работы использованы и систематизированы данные из художественных произведений Пушкина, набросков, отрывков, вариантов, дневниковых записей, писем, а также различные выписки поэта из исторических источников и научных трудов. Прослежена география населенных пунктов Новгородской губернии, связанных с поездками Пушкина из Петербурга (через Новгород) в Москву и обратно.

В работе использовано исследование М.А. Цявловского «Летопись жизни и творчества Пушкина».

Цитаты приводятся по изданию: Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 17 томах, М.-Л., АН СССР, 1937-1959 гг. Римская цифра обозначает номер тома, арабские — страниц.

Даты даются по старому стилю.

Сведения расположены в хронологической последовательности.

1811, июль 16 (?)...20 (?). Отъезд из Москвы Василия Львовича Пушкина с его «гражданской» женой Анной Николаевной Ворожейкиной и племянником Александром в Петербург.

1811, июль 16 (?)...20 (?). Пушкин с дядей и А.Н. Ворожейкиной, выехав из Москвы, проезжает Черную Грязь (26 верст от Москвы), Солнечную Гору (30 верст от Черной Грязи), город Клин (23 версты от Солнечной Горы), Завидово (28 верст от Клина), Городню (25 верст от Завидово), губернский город Тверь (30,5 верст от Городни), Медное (30 верст от Твери), город Торжок (33, 5 верст от Медного) — всего 226 верст.

Поездка на лошадях из Москвы в Петербург (720,5 верст) продолжалась трое-четверо суток. В среднем в сутки можно было проехать 150-200 верст. Первая поездка Пушкина из Москвы в Петербург (летом 1811 года) построена по дням условно. Ориентацию давали станции, через которые проезжал Пушкин. Все расчеты сделаны по «почтовым дорожникам» того времени, поэтому учитываются версты, а не километры.

1811, июль 17(?)...21. Пушкин с дядей и А.Н. Ворожейкиной проезжают Выдропуск (38 верст от Торжка), город Вышний Волочек (33 версты от Выдропуска), Хотилово (30 верст от Вышнего Волочка). Далее следуют станции Новгородской губернии Едрово (34 версты от Хотилова), Зимогорье (2 версты от Едрово), город Валдай (20 верст от Зимогорья), Яжелбицы (22 версты от Валдая) — всего 179 верст.

1811, июль 18(?)...22(?). Пушкин с дядей и А.Н. Ворожейкиной проезжают Рахино (22 версты от Яжелбиц), город Крестцы (16 верст от Рахино), Зайцево (31 верста от Крестцов), Бронницы (27 верст от Зайцево), губернский город НОВГОРОД (35 верст от Бронниц), Подберезье (22 версты от Новгорода) — всего 153 версты.

1811, июль 19(?)...23(?). Проезжают Спасскую Полисть (24 версты от Подберезья), Чудово (24 версты от Спасской Полисти), Померанье (25 верст от Чудово). Далее следуют станции Петербургской губернии Тосно (32 версты от Померанья), Ижора (24,5 верст от Тосно), Петербург (33 версты от Ижоры) — всего 162,5 версты.

1813, июнь (?) — июль (?). Работа Пушкина над поэмой «Монах», оставшейся незаконченной, на сюжет жития Иоанна Новгородского (I, 9-20).

1814. «Князю А.М. Горчакову». В стихотворении упоминается новгородский князь Александр Невский («Невский герой» — I, 51).

1817, июнь 11...1820, март. Эпиграмма на Аракчеева («Всей России притеснитель...» — II, 126). Эпиграмма на Н.М. Карамзина с упоминанием Новгорода (II, 39).

1819, сентябрь (?)...октябрь. Эпиграмма на Аракчеева («В столице он капрал...» — II, 486).

1819, 27 октября. Пушкин — П.Б. Мансурову в Новгород: «Поговори мне о себе — о военных поселеньях. Это всё мне нужно — потому, что я люблю тебя — и ненавижу деспотизм» (XIII, 11).

1821. Отрывки. Попытка разработать сюжет поэмы «Вадим»: «Вадим видит во сне его набеги, Гостомысла, Рюрика, Рогнеду, вновь на ладье едет к Новгороду» (IV, 370).

1822 — 1824. Стихотворения, приписываемые Пушкину: «Разговор Фотия с графиней Орловой» (II, 496), «Графине Орловой-Чесменской» (II, 497), «На Фотия» (II, 499). Фотий — архимандрит, настоятель новгородского Юрьева монастыря. Анна Алексеевна Орлова-Чесменская — дочь знаменитого Алексея Орлова, камер-фрейлина, фанатичная поклонница и покровительница Фотия, делавшая богатые вклады в Юрьев монастырь.

1823, 13 июня. Пушкин — А.А. Бестужеву: «Позволь мне... поблагодарить тебя... за твои письма... за Ольгу...» (имеется в виду повесть Бестужева «Роман и Ольга», действие которой разворачивается в Новгороде).

1825, 15 сентября. Бивуаки близ Бронниц Новгородской губернии. Н.И. Филимонов пишет сестре в Ярославскую губернию: «Ты пишешь еще, что Пушкин тебя очень занимает, то я скажу на это, что я не только что знаю наизусть все сочинения его, но даже познакомился с ним самим, прошлого года, когда он проезжал через Бронницы в Петербург; он знаком с нашим Дороховым и пробыл у нас целый день и доказал, что он так же мил в обществе, как нравится по стихам своим».

Трудно допустить, что Филимонов все написанное о Пушкине сочинил. А если он не сочинил, то, следовательно, в декабре 1824 года Пушкин тайно ездил из Михайловского, где он находился в ссылке, в Бронницы близ Новгорода.

1825, ноябрь. Завершение трагедии «Борис Годунов». Упоминается «бурное Новгородское Вече» (VII, 18) и Новгород (VII, 43).

1825. В черновиках «Путешествия Онегина» сохранилась строфа, в которой говорится о посещении героем Новгорода:

*...Среди равнины полудикой
Он видит Новгород Великой... (VI, 476).*

1826, 4 сентября. Отъезд Пушкина из Михайловского после окончания ссылки через Новгород в Москву.

1826, 2 ноября. Отъезд Пушкина из Москвы через Новгород в Михайловское.

1826, 9 ноября. Михайловское. Письмо Пушкина С.А. Соболевскому. Упоминается Новгород и дается стихотворная инструкция относительно проезда по дороге от Москвы до Новгорода. «Как до Яжельбиц дотащит... Яжельбицы — первая станция после Валдая...» (XIII, 291; III, 34-35). Упомянутые станции находились на территории Новгородской губернии. Через них и Новгород пролегала дорога из Михайловского в Москву.

1826, 19 декабря. Пушкин возвратился из Михайловского (через Новгород) в Москву.

1826, 21 декабря. Пушкин — Н.М. Языкову: «Письмо Ваше получил я во Пскове и хотел отвечать из Новгорода... Пишу, однако ж, из Москвы...» (XIII, 306).

1827, 19 мая. Пушкин впервые после ссылки едет в Петербург из Москвы (через Новгород).

1828. Пушкин в ночь на 20 октября едет из Петербурга (через Новгород) в Малинники (имение Вульфов) Тверской губернии.

1829, 18 января. Пушкин из Москвы (через Новгород) приехал в Петербург.

1829, начало марта. Пушкин отправляется из Петербурга (через Новгород) в Москву.

1829, между 5 и 10 ноября. Возвращение Пушкина в Петербург через Новгород из Москвы после поездки на Кавказ.

1830, 4 марта. Отъезд Пушкина из Петербурга (через Новгород) в Москву.

1830, 20 июля. Пушкин — Н.Н. Гончаровой: «...за несколько верст до Новгорода я нагнал вашего Всеволожского, у которого сломалось колесо. Мы закончили путь вместе...» (XIV, 413) — о поездке из Москвы в Петербург через Новгород.

1830, 10 августа. Отъезд вместе с П.А. Вяземским из Петербурга (через Новгород) в Москву.

1830, осень. Неоконченная статья Пушкина «О народной драме и драме «Марфа Посадница» (XI). Посвящена разбору драмы М.П. Погодина «Марфа Посадница».

1830, последние числа ноября. Пушкин — М.П. Погодину: «Марфа» имеет европейское, высокое достоинство... Одна беда: слог и язык... И с языком поступаете, как Иоанн с Новым городом...» (XIV, 128).

1830, 3 декабря. Стихотворение «Моя родословная». Упоминается легендарный предок Пушкина Рача:

Мой предок Рача мышцей бранной
Святому Невскому служил (III, 262).

1831. «Очерки истории Украины». Рассматриваются взаимоотношения древнего Новгорода с «норманнами, известными под именем варяго-русов» (X, 483).

1831, середина мая. Приезд Пушкина с женой из Москвы через Новгород в Петербург.

1831, 26 июля. «Вчера государь император отправился в военные поселения (в Новгородской губернии) для усмирения возникших там беспокойств...» (XII, 199).

1831, 29 июля. Пушкин и Наталья Николаевна — П.А. Осиповой: «...Знаете ли Вы, что в Новгороде, в военных поселениях, произошли волнения? Солдаты взбунтовались всё под тем же бессмысленным предлогом, что их отравляют. Генералы, офицеры и лекаря были все перебиты с утонченной жестокостью. Император отправился туда и усмирив бунт с поразительным мужеством и хладнокровием. Но нельзя допускать, чтобы народ привыкал к бунтам, а бунтовщики — к появлению государя». (XIV, 432-433).

1831, 3 августа. Пушкин — П.А. Вяземскому: «...ты, верно, слышал о возмущениях новгородских и Старой Руси. Ужасы. Более ста человек генералов, полковников и офицеров перерезаны в Новгородских поселениях со всеми утончениями злобы...» (XIV, 204). Старая Русса — город Новгородской губернии, центр волнений в военных поселениях.

1831, 3 декабря. Отъезд Пушкина из Петербурга (через Новгород) в Москву по денежным делам.

1831, 8 декабря. Москва. Пушкин — Н.Н. Пушкиной: «Собирался я выехать в зимнем дилижансе, но мне объявили, что по причине оттепели должен я отправиться в летнем; взяли с меня лишних 30 рублей и посадили в четвероместную карету вместе с двумя товарищами. А я еще и человека с собою не взял в надежде путешествовать одному. Один из моих спутников был рижский купец, добрый немец, которого каждое утро душили мокроты и который на станции ровно час отхаркивался в углу. Другой мемельский жид, путешествующий за счет первого. Вообрази, какая веселая компания. Немец три раза в день и два раза в ночь аккуратно был пьян. Жид забавлял его всю дорогу приятным разговором... В Валдае принуждены мы были пересесть в зимние экипажи и насилу дотащились до Москвы...» (XIV, 245).

1831, 27 декабря. Приезд Пушкина из Москвы (через Новгород) в Петербург.

1832, 11 июля. Пушкин — М.П. Погодину: «Мне рассказывают, что Вас где-то разобрали за «Посадницу»... Ваша «Марфа», Ваш «Петр» исполнены истинной драматической силы». (XV, 27).

1832, 17 сентября. Отъезд Пушкина из Петербурга (через Новгород) в Москву.

1832, 22 сентября. Пушкин — Н.Н. Пушкиной: «...Я приехал в Москву, вчера, в среду. Велосифер, по-русски поспешный дилижанс, не смотря на плеоназм, поспешал как черепаха, а иногда даже как рак. В сутки случилось мне сделать три станции. Лошади расковывались и — неслыханная вещь! — их подковывали по дороге. 10 лет ездю по большим дорогам, от роду не видывал ничего подобного. Насилу дотащился в Москву... Теперь послушай, с кем я путешествовал, с кем провел я пять дней и пять ночей. То-то будет мне гонка! с пятью немецкими актрисами в желтых кацавейках и в черных вуалях. Каково? Ей-богу, душа моя, не я с ними кокетничал, они со мною амурились в надежде на лишний билет. Но я отговаривался незнанием немецкого языка и, как маленький Иосиф, вышел чист от искушения». (XV, 30).

1832, 10 октября. Отъезд Пушкина из Москвы (через Новгород) в Петербург.

1832, конец года... 1833, начало года. Неоконченная поэма «Езерский». Упоминается «Софийский хронограф» (III, 425). Это «Софийский временник» — летописный свод, составленный в Москве в середине XV века на основе Новгородских летописей.

1833, январь — 2 ноября. «История Пугачева». Упоминаются Новгород, «Димитрий архиепископ Новгородский», «...из Новгорода гренадерская рота» (IX, 22, 163, 498, 577, 619, 631, 787).

1833, 25 августа. Приезд Пушкина из Петербурга (через Новгород) в Москву с последующей затем поездкой в Казань и Оренбург для сбора материала по истории движения Пугачева.

1833, 28 октября. Баллада «Будрыс и его сыновья». Упоминается «Новоград» (III, 311).

1833, 20 ноября. Приезд Пушкина из Москвы (через Новгород) в Петербург.

1833, декабрь — 1835, январь. Статья «Путешествие из Москвы в Петербург» (XI). Часть статьи занимает описание знаменитого пути Петербург — Москва и характера дорожного транспорта.

1834. «Дневник». Записи об Аракчееве, Грузино, кадетском Новгородском корпусе (XII, 321, 324, 327, 329).

1834, 20 и 22 апреля. Пушкин — Н.Н. Пушкиной: «...Аракчеев... умер. Об этом во всей России жалею я один — не удалось мне с ним свидеться и наговориться...» (XV, 130). А.А. Аракчеев умер 21 апреля 1834 года в своем имении Грузино Новгородской губернии.

1834, 25 августа. Отъезд Пушкина из Петербурга (через Новгород) в Москву.

1834, 14-15 октября. Пушкин возвращается из Москвы (через Новгород) в Петербург.

1835, январь — декабрь. «История Петра». Упоминаются «Нове-город» (X, 53), Новгород (X, 55, 56, 77, 78, 98, 112, 138, 182, 203, 218, 284), «Новгородские и Псковские стрелецкие полки» (X, 53), Новгородские полки (X, 18), новгородское дворянство (X, 16), новгородский комендант Татищев (X, 149), новгородский губернатор Иван Юрьевич Татищев (X, 210), новгородский губернатор Корсаков (X, 103, 198, 210, 211), новгородцы (X, 279), купцы новгородские (X, 202), новгородские архиепископы Феодосий (X, 283) и Феофан (X, 283), Волхов (X, 111), Мста, мстинские пороги (X, 182), митрополит Иов (X, 218), Старая Русь (Старая Русса — X, 284), солеварни (X, 284).

1836, 29 апреля. Отъезд Пушкина из Петербурга через Новгород в Москву для занятий в архивах и по делам «Современника».

1836, 20 мая. Отъезд Пушкина из Москвы через Новгород в Петербург. Это был последний проезд Пушкина через Новгород.

Всего поэт посетил Новгород 23 раза.

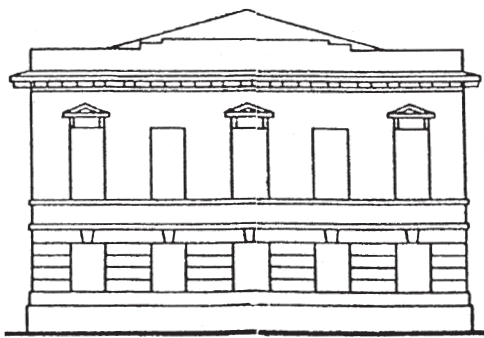
Владимир ЯДРЫШНИКОВ

АРХИТЕКТУРА НОВГОРОДА ПУШКИНСКОГО ВРЕМЕНИ

Исследования по реконструкции облика русских городов пушкинской поры проводились и издавались неоднократно, в основном в крупных центрах — Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде и других. По Новгороду такая работа не проводилась. Некоторые вопросы данной проблематики затрагивал в своих публикациях И.И. Кушнир, но качество последних оставляет желать лучшего.

Памятников архитектуры пушкинского времени, т.е. 10-30-х годов XIX века, в Новгороде сохранилось немало, однако еще больше утрачено. В этот период проводятся масштабные градостроительные мероприятия (устройство на месте бастионов Малого земляного города сада, перепланировка Торговой площади, формирование Софийской площади и т.д.), сооружаются значительные комплексы построек в Юрьевом и Духовом монастырях, несколько отдельных церквей и часовен,

Фасад №23

множество жилых домов, перестраиваются главные казенные здания — Присутственные места, Путевой дворец, дом полиции и другие. Поскольку тема весьма объемна, необходимо ограничить ее определенными рамками. Я не буду здесь касаться культового зодчества, а сосредоточусь на гражданских, жилых постройках. Но и они не могут быть представлены в полном составе в краткой, по сути дела предварительной, публикации. Речь пойдет об отдельных, наиболее показательных и характерных образцах.

Точная датировка большинства зданий затруднена из-за значительных утрат архивных документов. Как правило, датировка определяется путем анализа картографического материала (планов Новгорода разного времени) и имеет точность в пределах 5–10, иногда 20 лет. Точно датированы лишь единичные памятники.

Специалистам известно, что в XVIII-XIX веках, ввиду дефицита квалифицированных архитекторов, общественные и жилые постройки обычно сооружались по «образцовым проектам», то есть велось типовое строительство. Казалось бы, тиражирование одних и тех же форм должно нивелировать архитектуру, резко снизить ее художественные достоинства. Однако это не так. Во-первых, альбомы «образцовых фасадов» составлялись выдающимися зодчими своего времени (в начале XIX века это, например, А. Захаров, В. Стасов, Л. Руска, В. Гесте), и их проекты отличались прекрасным качеством; именно это обстоятельство определило достаточно высокий уровень гражданской архитектуры в провинциальных городах. Во-вторых, следование образцу понималось довольно широко и демократично и оставляло большой простор для творчества и разнообразия. Нет одинаковых зданий, даже если они ориентировались на один и тот же «образцовый фасад». На стадии заказа и в процессе строительства в проект всегда вносились существенные изменения. Образно говоря, «образцовый проект» — это скелет, который облекали плотью заказчик и строители и который в каждом конкретном случае приобретал индивидуальный облик. В рамках одного и того же «образцового фасада» широко варьировались размеры дома, пропорции, конфигурация, планировка, декор.

ул. Ильина (1 мая), 16. Дом Семеновской

В рассматриваемый период главным источником архитектурных форм являлось издание «Собрание фасадов, Его Императорским Величеством высочайше апробированных для частных строений в городах Российской империи». Это пять гравированных альбомов, выпущенных в свет в 1809–1812 годах и включающих более 220 проектов. На это издание заказчики продолжали ориентироваться вплоть до середины XIX века.

Пожалуй, самым популярным образцом в провинциальных (да и столичных) городах служил фасад №23 из третьего альбома (1812 год). В Новгороде выявлен целый ряд памятников, которые восходят к этому «образцовому фасаду»: это жилые дома по улице Ильиной (Первомайской) 16 и 29, по Б. Московской (пр. Ленина) 30, Дворцовой (Герцена) 8, Никольской (Суворовской) 30 и 37, Оловянке (Т. Фрунзе) 11/3, Волосовой (Мерецкова) 6; возможно, при дополнительных исследованиях этот список может быть увеличен. Все эти постройки различаются (иногда — существенно) размерами, решением лицевого фасада, планировкой, ни одна не повторяется. Судя по всему, в наилучшей сохранности до нас дошел дом №16 по Ильиной улице (бывший дом Семеновской), сооруженный между 1815 и 1819 годами. Несмотря на скромную архитектуру, он производит хорошее впечатление удачными пропорциями, сомасштабностью человеку, какой-то ясностью, спокойствием, уютом. Подобного рода здания очень уместны в некотором отдалении от центра города. Архитектурные достоинства, возможность варьирования декора и предельная дешевизна сделали их широко распространенными среди заказчиков среднего достатка — мещан, небогатых купцов, мелких чиновников.

ул. Б. Московская, 30. Дом Орлова

но учесть, что прежде фасады выглядели еще наряднее — в послевоенные годы утрачены изящный балкон в центре лицевого фасада и лепные гирлянды на стенах мезонина.

Из этого же издания «образцовых фасадов», в частности, из 4-го альбома (1812 год) заимствованы архитектурные мотивы для двух зданий подворья Хутынского монастыря (улица Бояна, 1–3). Одно из них, меньшее (дом №3), дошло до нас без кардинальных перестроек и хорошо сохранило свои первоначальные формы, второе же, бывшая гостиница «Ильмень», дважды реконструировалось — в 1930 году и в послевоенное время, и ныне решено в духе «сталинского классицизма». Как видно на дореволюционных фотографиях, корпуса Хутынского подворья были оформлены одинаково, объединялись кирпичной стеной и парадным входом и со сторо-

ул. Дворцовая, 8

Следуя одному и тому же «образцовому фасаду», можно было создать и простую, непритязательную постройку (Дворцовая, 8; Б. Московская, 30 — бывший дом Орлова), и монументальное, представительное здание. К числу последних может быть отнесен дом №30 по Никольской улице (бывший дом Иванова), возведенный также между 1815 и 1819 годами. Основные архитектурные идеи его лицевого фасада те же, что и в выше рассмотренном памятнике: профилированные горизонтальные тяги в уровне междуэтажного перекрытия и основания верхних окон, идентичное оформление нижних проемов и чередование декора у верхних. Однако дом Иванова более развит в композиционном, плановом и декоративном отношениях: он вытянут в глубину участка, имеет третий, полуподвальный этаж, перекрытый сводами и, кроме того, увенчан полукаменным мезонином с окнами на восток и запад, то есть в данном случае боковые фасады приобретают главенствующее значение. Декоративные детали здесь более утонченные и оригинальные — замковые камни с рельефом в виде раковины и гирлянды, фигурные кронштейны — модульоны венчающего карниза; нуж-

ул. Никольская, 30. Дом Иванова

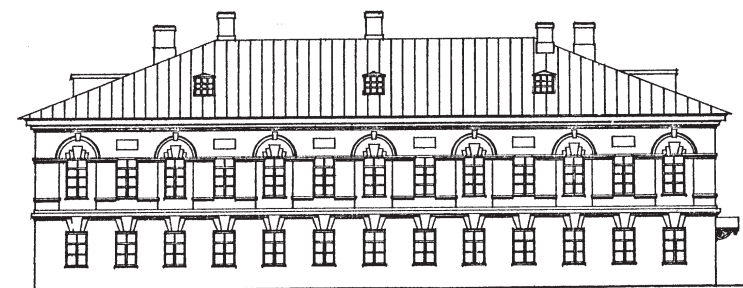
ул. Бояна, 3. Восточный корпус подворья
Хутынского монастыря

хотя он, вероятно, существовал («Собрание фасадов» опубликовано не полностью). Набор декоративных элементов невелик, но весьма умело использован. Особенно запоминаются нарядные детали верхнего этажа — прямые сандрики (карнизики над окнами) на фигурных кронштейнах, развитый карниз с модульонами, подоконные панно с лепным орнаментом в виде «плетенки» — мотивом, больше в Новгороде не встречающимся.

Пожалуй, самый яркий и интересный памятник рассматриваемого периода — большое трехэтажное здание на пересечении Ивановской и Дворцовой улиц, известное в литературе и документах как «дом Кабакова», «дом Розова», женская учительская семинария (ныне — почтамт). По документам оно датируется концом 1820-х годов. Это одна из немногих жилых построек Новгорода, которая включена в обобщающие издания по архитектуре (Лукомский. Г.К. Наша провинция. Пг., нач. XX в.; Кушнир И.И. Архитектура Новгорода. Л., 1991). Примечательны и местоположение памятника — на пересечении важных улиц, по соседству с императорским Путевым дворцом и Губернаторским домом, напротив Гостиного двора и древнего храма Иоанна Предтечи, — и его торжественная, пышная, репрезентативная архитектура. Видимо, заказчиком строительства был один из богатейших горожан. Искусствоведом Л.А. Секретарь в архиве обнаружен документ, который называет имя владельца дома в 1832 году; им был купец Александр Соколов, судя по всему, он же его и построил. Первоначально здание было квадратным в плане, с симметричными фасадами (21х21 м); в начале XX века появилась большая пристройка по Ивановской улице. При восстановлении памятника после войны изменены или уничтожены некоторые элементы архитектуры и, наоборот, введены новые, которые раньше отсутствовали: сбиты лепные львиные маски над окнами первого этажа, переделана изящная решетка углового балкона, два входа на южном фасаде выделены колонными портиками, над карнизом поставлены декоративные стенки-аттики. Но и после перестройки здание производит сильное впечатление. И.И. Кушнир оценивает постройку как характерный образец «провинциального русского классицизма». С этим нельзя согласиться: в ее архитектуре нет ничего провинциального, она может соперничать с лучшими сооружениями Петербурга и Москвы. Здесь речь идет уже не о типовом, а об индивидуальном проекте с ориентацией на известные столичные постройки. Поиск аналогий показывает значительное сходство дома Соколова-Розова с некоторыми зданиями Петербурга — Публичной библиотекой (Е.Т. Соколов), Сенатом и Синодом (К. Росси), казармами Павловского полка (В.П. Стасов, 1816-1821 годы). Мы знаем, что В.П. Стасов, будучи главным архитектором военных поселений, много работал в Новгороде, а в конце 1820-х годов руко-

ул. Б. Московская, 21/6.
Дом Масловского

Западный (угловой) корпус подворья Хутынского монастыря

ул. Иванская, 1/1. Дом Соколова (ныне Почтамт)

казателен в этом отношении так называемый «Таировский приют» (ул. Славная, 54/26), сооруженный в 1780-х годах и кардинально переделанный в 1830-х. Это большое двухэтажное здание с массивным пятиконным мезонином. Его облик, все архитектурные особенности, включая оформление фасадов, надстройку мезонина, отчасти планировку, относятся именно ко второму строительному периоду (1830-е годы); старый дом в это время был как бы переодет в новую одежду и загримирован под новый стиль. Все формы и элементы здания типичны для данного периода и нам уже знакомы; единственный новый мотив, с которым мы здесь встречаемся — вертикальная ось тройных окон в центре лицевого фасада (обычное окно фланкировано двумя более узкими). В отличие от большинства рассмотренных выше памятников Таировский приют выглядит несколько суровым, мрачноватым, «казенным», вероятно, за счет утраты сомасштабности человеку, увеличенной высоты второго этажа, более тяжелых, грубых деталей (последнее, возможно, является результатом некачественных ремонтов). Впрочем, дом действительно был казенным — сначала здесь находилась почтовая контора, затем «контора питейного откупа», а с середины XIX века — Таировский приют. В целом архитектура здания свидетельствует уже о кризисе стиля.

Заключая краткий обзор гражданского зодчества Новгорода периода позднего классицизма, следует признать, что оно было довольно разнообразным, находилось на сравнительно высоком уровне и не уступало архитектуре других губернских городов.

дил перестройкой Путёвого дворца, расположенного напротив. Вполне возможно, что этот знаменитый зодчий является автором проекта дома Соколова.

Нельзя не коснуться значительной группы памятников, которые возведены раньше, в последней четверти XVIII века, а в 1820-30-е годы капитально перестроены в стиле позднего классицизма с изменением фасадов. В эту группу входят как «казенные» здания (Присутственные места, Губернаторский дом, Путевой дворец, дом полиции), так и жилые (дом Семевской, Ильина ул., 19/44; дом Кобызского по Б. Московской, 44/4; дом Рейхель по Никольской ул., 15/18). Несмотря на подобную «двойную» датировку, многие из этих построек можно считать относящимися к пушкинскому времени, поскольку они после реконструкции полностью отвечали тогдашней архитектурной моде. Пожалуй, наиболее по-

ул. Славная, 54/26. Таировский приют

Людмила СЕКРЕТАРЬ

О ПОЧТОВОМ ДВОРЕ И ГОСТИНИЦЕ ШМИТА В НОВГОРОДЕ

Как известно, Александр Сергеевич Пушкин бывал в Новгороде много раз, но всегда проездом. Через Новгород с начала XVIII века проходила дорога Санкт-Петербург – Москва. Этому почтовому тракту — важнейшему по своему значению пути сообщения между новой царской резиденцией и прежней столицей государства Российского — правительство уделяло особое внимание. Устройством дороги и ее пространственного окружения занимались лучшие в России инженеры и архитекторы.

Автором проектов многих мостов на этой трассе в первой половине XIX века был талантливый мостостроитель Казимир Яковлевич Рейхель. В 1825 году по его проекту был построен арочный мост через Волхов в Новгороде на прекрасно выполненных гранитных опорах. По нему проезжал Пушкин. Проектированием почтовых дворов, станций, путевых дворцов занимались такие видные архитекторы как В. Стасов, Л. Руска, Д. Висконти. Автор книги «Николаевская эпоха» (М., 1910) маркиз

А. де Кюстин, ссылаясь на мнение как русских, так и иностранных путешественников, назвал дорогу из Петербурга в Москву «прекраснейшим в Европе шоссе».

Первая половина XIX века была для этой дороги поистине золотым веком. В начале века на всем протяжении шоссе по образцовым проектам были построены почтовые дома, или дворы, с гостиницами и трактирами для проезжающих, конюшнями, каретными сараями для лошадей. Они находи-

лись в ведении Почтового Департамента, который занимался как почтовыми, так и пассажирскими перевозками. Все желающие могли путешествовать, заплатив определенную денежную сумму, почтовым транспортом, могли нанимать на станциях ямщиков или обходиться собственными повозками. Почтовые дворы на дорогах впервые начали устраиваться в царствование Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны.

Указом 1817 года «Об устройстве городов и селений» устройство почтовых домов «для спокойствия приезжающих» возлагалось на особенное попечение начальников губерний. Также «для удобства проезжающих» в 1819 году был принят указ об

устройстве станционных домов I и II разрядов. Практически это были гостиницы, как и почтовые дома. Разряд станционных домов определялся количеством содержащихся при них лошадей. Впервые станционные дома появились в 1807 году на тракте Санкт-Петербург — Нарва, а в 1809-1810 годах они были построены в ряде населенных пунктов на дороге Петербург-Москва.

Гостиница Соловьева. Фотография начала XX века

В Новгороде почтовый двор под названием «конная почта» впервые показан на плане Новгорода 1819 года на Буяновской улице (ныне улица Буяна) недалеко от пересечения ее с Большой Московской вплотную с угловым зданием. Новгородский губернатор Николай Назариевич-Муравьев в своей книге «Исторические исследования о древностях Новгорода, касающиеся его монет серебряных: гривен или полу-гривен или рублей; его местности, величины, населения и

окольных; его укреплений, строений, нравов жителей и свойств управления» (СПб., 1828) назвал почтовый двор, расположенный недалеко от кружечного двора на Рогатице (в то время предполагалось, что это дом Марфы Посадницы), станционным домом. Этот факт свидетельствует о том, что почтовые и станционные дома мало чем отличались друг от друга. На планах 1830-х годов здесь же обозначен почтовый двор, а в 1846 году — почтовая станция.

Сохранившееся в настоящее время на показанном месте здание, без сомнения, относится к дореволюционному времени. Но сохранилось ли оно с начала XIX века в перестроенном виде или было возведено заново — сказать невозможно, так как никаких натурных исследований не проводилось. Фасадная же декорация относится к позднему времени.

Еще один указ 1821 года разрешал частным лицам устройство гостиниц, ресторанов («рестораций»), кофейных домов, харчевен во всех губернских, уездных и портовых городах без ограничений. Они могли размещаться в собственных или наемных домах. При этом их учредители обязаны были поместить на доме вывеску. В случае размещения заведений в наемных домах заключался контракт с владельцами.

Нам удалось обнаружить в Государственном архиве Новгородской области два таких контракта, датированные августом 1833 года. Один из них был заключен между владельцем дома купцом Николаем Петровичем Шебякиным и Эрнстом Шмитом «о том, что Шмит у Шебякина взял из найма в оброчное содержание каменной двухэтажный дом, состоящий в Нове граде ... на углу по Московской и Буяне улицам, с одной стороны возле ямского **почтового двора**, а с другой — мещанской жены Елизаветы Ерофеевой, где и ныне нахо-

дится его, Шмита, гостиница...» Второй контракт был заключен между Шмитом и Елизаветой Ерофеевой на наем ее дома, расположенного между домами ее брата Николая Шебякина и сестры Марии Соловьевой. В этом доме, как следует из предыдущего договора, гостиница уже функционировала.

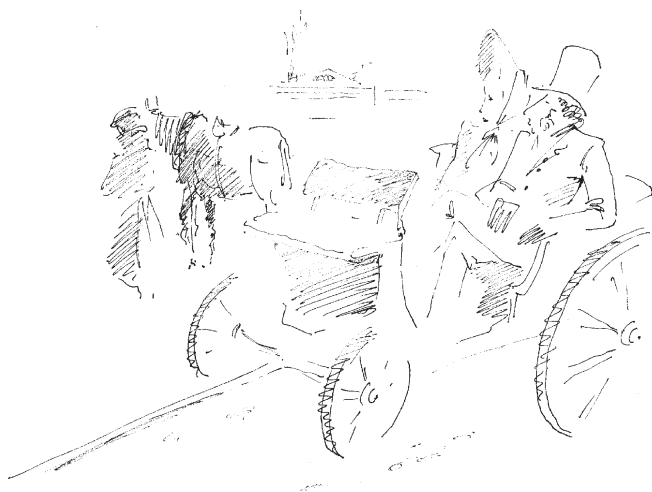
Не случайно предприимчивый Шмит устроил гостиницу рядом с почтовым двором, куда прибывали почтовые фуры, повозки с пассажирами: командированными и просто путешественниками. Почтовый дом, по-видимому, не мог вместить всех желающих. Не случайно Шмит расширял гостиницу, которая, без сомнения, была прибыльным предприятием.

Почтовый дом и гостиница Шмита являются наиболее вероятным местом, где мог останавливаться Пушкин, бывая в Новгороде. Что же касается постоялых дворов, которые на Руси существовали издавна, они, в связи с устройством специальных гостиниц, превратились в места для приюта людей низших сословий.

Дома наследников купца Петра Шебякина, разбогатевшего на торговле строительными материалами, сохранились в перестроенном виде. Они были построены «сплошной фасадой», т.е. вплотную друг к другу. Впоследствии дома были архитектурно оформлены как одно протяженное здание.

Последняя реконструкция осуществлена после Великой Отечественной войны по проекту московского архитектора Крушельницкого. Сейчас здесь размещаются магазины «Бройлер», «Сойма», кафе.

Во второй половине XIX — начале XX веках дома принадлежали купцам Соловьевым и по традиции использовались под гостиницу, известную в народе под названием «Соловьевка». Это была лучшая гостиница в Новгороде.

Татьяна ДАНЬКО

СТОЛЕТИЙ ЮБИЛЕЙ ПУШКИНА В НОВГОРОДЕ

Торжества 1899 года в честь 100-летия со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина отмечались по всей России. Именно тогда праздничные дни 26-28 мая в память поэта были названы пушкинскими.

О юбилее великого соотечественника «Вестник Новгородского земства» в августе 1899 года сообщал: «Кажется нет такого города или деревни на Руси, где бы в день 26 мая не была отслужена панихида по великому поэту, не состоялось какое-нибудь хоть самое скромное торжество в честь его, не было положено начало какому-нибудь доброду делу в его память».¹

О праздновании 100-летия А.С. Пушкина в Новгородской губернии документы Государственного архива Новгородской области содержат, к сожалению, лишь отрывочные, фрагментарные сведения. Относительно полное описание празднеств сохранилось в документах местного самоуправления: Новгородского губернского земства, Новгородской городской управы, Маловишерской посадской управы. Отдельные свидетельства содержатся в фондах Новгородского реального училища, Боровичской женской гимназии. Но даже эти немногочисленные документы достаточно подробно описывают подготовку и проведение пушкинского праздника в Новгороде и ряде уездных городов губернии.

В связи с приближающейся юбилейной датой — 100-летием со дня рождения Пушкина — 5 октября 1898 года император Николай II разрешил подписку на сбор денежных пожертвований «для устройства учреждений имени великого поэта». Повсеместный всероссийский сбор пожертвований проводился «для приобретения от наследников А.С. Пушкина всего или части имения сельца Михайловского и постройки в городе Пскове дома с целью устройства и помещения в имении и доме общепользных учреждений имени поэта».² Для этого был создан особый комитет, в состав которого входили представители от псковского дворянства, земства, городского самоуправления, уполномоченные попечительства Пушкинской Святогорской богадельни и читальни. Возглавлял деятельность этой комиссии ее председатель, председатель Псковского губернского дворянства Н. Новосиль-

цев. Занимался комитет приемом и распределением поступающих пожертвований.

Эта подписка преследовала более широкие цели, чем прежняя, объявленная несколько раньше, 9 июля 1898 года: тогда попечительством учреждений в память Пушкина был установлен сбор пожертвований, объявленный только в пользу попечительства богадельни в Святых Горах. В письме, адресованном городскому голове Новгорода Григорию Максимо-вичу Сметанину земским начальником Первого участка Опочецкого уезда Псковской губернии от 10 декабря 1898 года, указывалось: «Препровождая на благоусмотрение Ваше подписной лист для сбора пожертвований... позволяю себе просить Вас оказать в том деле Ваше просвещенное содействие, предложив подписку во вверенном Вам учреждении и среди Ваших знакомых, которая дает возможность внести свою лепту в это патриотическое дело людям с ограниченными средствами. Попечительство учреждений в память А.С. Пушкина в Святых Горах просит не стесняться размером пожертвований, которые могут быть выражены в одной копейке».³

Первые подписные листы на сбор пожертвований поступили в адрес новгородского городского головы 19 октября 1898 года, и уже 8 января 1899 года сумма в размере 38 рублей 85 копеек была отправлена в комитет. Из этих денег 25 рублей единогласным решением Городской думы были ассигнованы из городского бюджета, а остальные 13 рублей 85 копеек «собранны различными лицами». К сожалению, список жертвователей денежных сумм в документах не сохранился. Новгородское Губернское земство, решая вопрос «относительно сбора пожертвований на приведение в надлежащий вид могилы поэта и обустройство какого-либо учреждения, посвященного его памяти», постановило выделить на это из сметных остатков 25 рублей и открыть подписку среди гласных.

В Новгороде и губернии подготовка к предстоящему пушкинскому юбилею, «имеющему свершиться по Высочайшему повелению 26 мая 1899 года», осуществлялась учреждениями городского управления и земством. 19 марта 1899 года на квартире городского головы Г.М. Сметанина проходило «со-

единенное совещание» Городской управы с представителями учебного ведомства, на котором разрабатывалась программа торжеств по случаю юбилея Пушкина. Для обсуждения этого вопроса были приглашены члены Городской управы Николай Александрович Бабицын, Виктор Иванович Соловов, гласные Думы Константин Федорович Масловский, Михаил Петрович Петров, распорядитель народных чтений Александр Матвеевич Тютрюмов, инспектор народных училищ Петр Иванович Дворянский, директор народных училищ Федор Николаевич Павлинский, инспектор Новгородской мужской гимназии В.Ф. Владимирский. Проект программы праздника был предложен для рассмотрения на заседании Думы и одобрен ею 30 марта. «В виду предстоящего все-русского торжества... по случаю исполнившегося 100-летия со дня рождения великого русского поэта, — говорилось в докладе, — Городская управа имеет честь представить на одобрение Думы свои соображения о чествовании и увековечивании этого дня в училищах, содержимых исключительно на городской счет».⁴

Программа праздника открывалась 26 мая торжественной заупокойной литургией в Софийском кафедральном соборе для всех жителей Новгорода. Проведение панихиды по великому поэту для гласных Думы состоялось в зале городской Думы, для учеников городских училищ — в Никольском соборе, для учеников средних учебных заведений — в церкви мужской гимназии.

Всем ученикам городских училищ, число которых составляло 700 человек, решено было в день юбилея раздать портреты поэта, купленные за счет города, и «особо изданные к этому дню собрания сочинений А.С. Пушкина дешевого издания». Многочисленные книжные издательства рассылали свою рекламную продукцию, пробные экземпляры сочинений Пушкина, уведомляли заинтересованные учреждения, в том числе и Городскую управу, об их выпуске к юбилею. Директор народных училищ Ф.Н. Павлинский рекомендовал для раздачи учащимся городских училищ книгу «Юбилейный подарок» издания «Народная польза», для выпускников — сочинения издательства Сытина (по 1 руб. 50 коп. или 2 рубля за экземпляр). В свою очередь распорядитель народных чтений А.М. Тютрюмов, просматривая материалы и книги по делу о чествовании памяти поэта, замечал: «Издания Сытина плохи. Несравненно лучше издания «Народной пользы»... есть издания Павленкова с хорошими рисунками». Он же давал рекомендации по проведению чтений произведений Пушкина с «туманными картинками». Для устройства таких чтений Г.М. Сметанину был предложен каталог световых картин к «волшебным фонарям». В каталоге назывались портреты и снимки на стекле, например такие, как Пушкин-лицеист, Пушкин в Михайловском, дуэль Пушкина, и другие. Принимались заказы на световые картины к произведениям «Капитанская дочка», «Полтава», «Сказка о царе Салтане».

Накануне праздника, 20 мая 1899 года, Городская управа оповестила заведующих городскими училищами Новгорода и учителей о раздаче ученикам книг, при этом детям младшего возраста выдавалась книга «Все сказки А.С. Пушкина», учащимся старшего возраста — избранные сочинения поэта, составленные Бунаковым; выпускникам, удостоенным получения награды — полное собрание сочинений Пушкина.

Дума учредила в честь юбилея 10 стипендий имени поэта в Городском трехклассном училище и по одной в остальных училищах — четырех приходских и двухклассном женском. Было также возбуждено ходатайство об открытии пятого приходского училища и наименовании его «Пушкинским».

Собственно само празднование юбилея 26 мая заключалось в «чтении различных статей, подобающих торжеству». «Вестник Новгородского земства», в разделе «Местная хроника», публикуя информацию о чествовании памяти поэта и проведении пушкинских дней, отмечал: «Почти во всех учебных заведениях средних и низших устраивались в присутствии учеников и их родителей чтения из произведений А.С. Пушкина, преподавателями произносились речи, знакомившие слушателей с жизнью поэта и разъяснявшие значение его писательской деятельности, ученические хоры пели слова Пушкина, положенные на музыку, гимны в его честь...»⁵ В новгородских учебных заведениях — мужской и женской гимназиях, реальном и городских училищах, в Григоровской сельскохозяйственной школе Новгородского земства — были устроены литературные праздники. В архивных документах сохранился протокол заседания педагогического совета Новгородского реального училища от 23 мая 1899 года, на котором утверждалась программа чествования памяти Пушкина⁶: в 9 часов утра для учащихся была отслужена заупокойная литургия, а после нее панихида по Пушкину в церкви св. Михаила Архангела. В здании училища в час дня было назначено «литературно-музыкально-вокальное утро», которое открывалось исполнением национального гимна хором и оркестром. Затем следовала речь инспектора Бубриха «О значении А.С. Пушкина», чтение сочинения ученика 6 класса Герца Папирмейстера «О женских типах в произведениях А.С. Пушкина» в авторском исполнении. Учащиеся декламировали стихотворения поэта «Пророк», «Прощание с Тригорским», «Вурдалак», «Песнь о вещем Олеге». Хор и оркестр исполняли музыкальные произведения на слова Пушкина — «Черкесскую песню», «Птичку Божию». В заключении праздника прозвучал гимн Пушкину.

26 мая «чтение, подобающее юбилейному» для учеников городских приходских училищ и учениц воскресной школы в клубе Соединенного общества проходило в присутствии новгородского губернатора Оттона Людвиговича Медема. На следующий день — 27 мая — были устроены в здании гимназии народные чтения, на которых слушателям были сообщены «краткие сведения о жизни поэта, затем прочтены «Сказка о рыбаке и рыбке» и некоторые мелкие стихотворения». Вечером в театре состоялся благотворительный спектакль. Актеры-любители

тели разыграли сцену в келье Чудова монастыря из трагедии «Борис Годунов», были «прочтены в костюмах монолог Скупого рыцаря и поэма «Братья-разбойники»... кроме того поставлены были две «живые картины», представлявшие одна Пушкина и его няню Арину Родионовну, другая — поэта в селе Михайловском, во время посещения его Пушиным, другом его детства». В завершение празднования пушкинских дней в Новгороде ученики Григоровского училища вместе со своими преподавателями совершили поездку на пароходе в Старую Руссу на средства, выделенные Губернским земством.

Не только в Новгороде отмечался этот юбилей, но и в уездных городах организовывались пушкинские дни. Так, в журнале заседаний Маловишерской посадской думы сохранился доклад посадского головы Михаила Александровича Петухова от 11 мая 1899 года. «...Чтить память этого великого человека земли русской собирается вся образованная Россия, с каждым днем приходят известия, как в других городах приготавливаются к этому чествованию: где предполагают поставить памятник, где в честь его предполагают открыть приюты, школы, лечебницы, разные общества и издаются юбилейные сочинения».⁷ Маловишерская Посадская дума так же не осталась равнодушной к этому дню, решив ознаменовать его открытием в посаде библиотеки, чтобы этот памятник «как и имя великого поэта и его произведения... надолго существовал, развивался и способствовал бы развитию населения».⁸ Одна из улиц посада, Моховая, от Успенского переулка по направлению к заводу братьев Курженковых, была переименована в Пушкинскую. Именно здесь, на красиво убранной улице, «на особом эффектно украшенном помосте», и происходило «всенародное чествование» Пушкина. Маловишерская Посадская управа даже предлагала установить день 26 мая традиционным праздником и соблюдать его на будущее время, при этом следовало отправлять установленное богослужение и освобождать от занятий служащих и учащихся посада. Это было явным нарушением Городового положения 1892 года, поскольку установление новых праздничных дней не входило в компетенцию городского общественного самоуправления, а могло исходить только от высших властей. Для приобретения ста экземпляров сочинений Пушкина для Маловишерского женского училища Посадская дума выделила 25 рублей.

Открытием бесплатной библиотеки-читальни 24 мая 1899 года в помещении частной бесплатной школы Виктора Петровича Острогорского был ознаменован пушкинский юбилей в Валдае. Читальня пополнялась книгами, жертвемыми знакомыми и почитателями Острогорского. «До сих пор, — сообщал «Вестник Новгородского земства» 31 августа

1899 года, — насчитывается уже 40 лиц, пользующихся этой только что открытой библиотекой — настолько велика здесь потребность в книге».⁹ Пушкинским дням Острогорский посвятил публичную лекцию под названием «Накануне столетия», прочитанную в Валдае 2 мая 1899 года. «Слушать В.П. Острогорского собралась почти вся интеллигенция города, — сообщал «Вестник Новгородского земства», — так что довольно значительное помещение, где читалась лекция, было переполнено слушателями; в конце чтения лектор был награжден долго не смолкавшими аплодисментами».¹⁰ Острогорский предложил слушателям измененный вариант лекции, прочитанной им в Санкт-Петербурге и впоследствии напечатанной в журнале «Мир Божий». Первая часть лекции определяла общие теоретические понятия о поэзии, литературе, писателях, вторая была посвящена биографии Пушкина и значению его для русской литературы.

Библиотеки-читальни в память поэта открывались не только частными лицами, как это было в Валдае, или местными управами: учредителями подобных памятников поэту выступали также уездные земства. Так, Устюжское Уездное земство ассигновало 300 рублей на открытие народной библиотеки-читальни в Растроповской волости¹¹; 500 рублей было израсходовано центральным земским книжным складом на устройство библиотеки-читальни в Белозерском уезде¹². Таким образом, все юбилейные мероприятия, или, выражаясь языком документов XIX века, «учреждения памяти А.С. Пушкина» на Новгородской земле, имели прежде всего просветительскую направленность.

Именно меры, «направленные к образованию народа», были определены как наиболее достойные памяти Пушкина.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Государственный архив Новгородской области (ГАНО). Ф-98. Оп.3. Д.2052. Л.160б.

² Ф0388. Оп.1. Д.21.31.

³ Ф-104. Оп.1. Д.916. Л.1.

⁴ Ф-104. Оп.1. Д.1006. Д.7.

⁵ Ф-98. Оп.3. Д.2052. Л.17.

⁶ Ф-391. Оп.1. Д.92. Л.36.

⁷ Ф-109. Оп.4. Д.26. Л.95.

⁸ Там же.

⁹ Ф-98. Оп.3. Д.2054. Л.10.

¹⁰ Ф-98. Оп.3. Д.2055. Л.12.

¹¹ Ф-98. Оп.3. Д.286. Л.28.

¹² Ф-98. Оп.3. Д.801. Л.1.

Ольга ЛАПО

НОВГОРОДСКАЯ ПОЭТЕССА — ПУШКИНСКИЙ ЛАУРЕАТ

Мало кто сегодня знает о существовании премии имени А. С. Пушкина, фонд для которой составил остаток от пожертвований на сооружение в 1880 году памятника поэту в Москве. В распоряжении созданного в 1871 году Комитета по сооружению памятника оказались неиспользованные средства. Остаток комитет решил израсходовать на что-нибудь «близкое к главной цели сбора». Члены Комитета (все восемь были выпускниками Царскосельского лицея) не сочли себя вправе самостоятельно распорядиться этой суммой. На созванное 23 января 1881 года чрезвычайное собрание членов Комитета были приглашены ученые и литераторы, пользующиеся всеобщим уважением, в том числе: профессор Петербургского университета историк и правовед К. Д. Кавелин, писатель И. А. Гончаров, поэт Ап. Н. Майков, автор многих статей о Пушкине В. П. Гаевский, и другие. Большинство голосов было принято решение об учреждении премии с предоставлением этого права Отделению русского языка и словесности при Императорской Академии наук.

Премия имени А. С. Пушкина была учреждена в 1882 году и присуждалась до 1919 года. Лауреатами ее стали 32 соискателя, 5 из них этого звания удостоивались дважды. 54 работы отмечены Почетными отзывами. Премиями награждались напечатанные на русском языке оригинальные произведения:

- ученые сочинения по истории народной словесности и народного языка, по истории русской литературы, а также и по иностранной литературе;
- произведения изящной словесности в прозе и в стихах, отличающихся высшим художественным достоинством;
- обстоятельные критические разборы выдающихся произведений по русской изящной литературе.

Наравне с оригинальными сочинениями на конкурсы в соискании премий допускались и «переводы в стихах замечательных поэтических произведений». В Правилах было условие: к рассмотрению принимались сочинения, со времени издания которых прошло не более трех лет.

Денежные премии (полные) в размере 1000 руб. присуждались за сочинения, «признанные вполне удовлетворительными», половинные — 500 руб. и поощрительные — 300 руб. — за сочинения, «в большей или меньшей мере отвеча-

ющие установленным требованиям.» Авторы других отмеченных сочинений «в знак одобрения награждались Почетным отзывом имени поэта».

Поступление литературных трудов на конкурсы завершилось 29 января, в день кончины Пушкина, а отчет о результатах присуждения премий зачитывался одним из членов Отделения в день рождения лица — 19 октября — на особом публичном собрании.

Начиная с 1882 года премии присуждались один раз в два года. В период с 1888-го по 1895 год присуждение проводилось ежегодно, но затем Академия наук снова вернулась к двухгодичному циклу: премии присуждались в нечетные годы. Всего с 1882 по 1919 годы состоялось 23 присуждения. За 37-летний период присуждения премии на ее соискание было подано 468 литературных трудов, из которых принято к рассмотрению 276. Полная премия присуждалась 8 раз, половинная — 24, поощрительная — 5. Почетным отзывом отмечены 54 работы. Последним лауреатом премии (полной) в 1919 году стал В.В. Вересаев за превосходный перевод с подлинника поэмы Гесиода «Работы и дни» и «О происхождении богов». Причем еще до публичного заседания Академия наук извещала его о невозможности указать срок высылания премии, так как проценты по всем премиям уже не выплачивались к тому времени.

Имя Ольги Николаевны Чюминой 5 раз упоминалось в протоколах о награждении. Дважды она была удостоена половинных премий: в 1901 году за новый стихотворный перевод поэмы Мильтона «Потерянный рай» и «Возвращенный рай», и в 1905 году за перевод поэмы Данте «Божественная комедия». «Исторический вестник» написал по поводу 16-го присуждения Пушкинских премий в 1905 году: «Выслушав отзывы гг. рецензентов о сочинениях, комиссия не нашла возможным присудить никому из соискателей полной премии А. С. Пушкина (в тысячу рублей). В виду этого ей подлежало решить вопрос, не заслуживает ли кто-нибудь из соискателей половинной Пушкинской премии, и после закрытой баллотировки шарами обнаружилось, что большинством голосов собрание присудило по половинной Пушкинской премии (в 500 рублей каждая) двум соискательницам: 1) г-же М. А. Лохвицкой (Жибер) за представленный ею сборник сти-

хотворений и драматических произведений в стихах и 2) г-же О.Н. Михайловой (Чюминой) за стихотворный перевод «Божественной комедии» Данте Алигьери»¹. Кстати, полвинных премий Отделение русского языка удостаивало и очень известных ныне писателей: в 1888 году половинную премию получил А.П. Чехов, в 1903 — И.А. Бунин, а в 1908 году — А.И. Куприн и И.А. Бунин. Не сравнивая творчество выше-названных авторов с произведениями Чюминой, отметим строгость и взыскательность критиков, приглашавшихся Академией.

Трижды работы Ольги Чюминой отмечались Почетными отзывами имени А.С. Пушкина. Впервые это произошло в 1899 году, сто лет назад, за «Стихотворения, 1892-1897». В 1907 году О.Н. Чюмина получила Почетный отзыв за книгу переводов иностранных поэтов «Новые стихотворения, 1894-1904». Последний раз Почетным отзывом был отмечен сборник «Осенние вихри», переводы трагедии Ш. Леконта де Лиля «Эринии» и драмы Ф. Коппе «Северо Торелли» в 1909 году. Экземпляр сборника «Осенние вихри» (СПб, 1908) хранится в фондах библиотеки Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. Ко времени, когда состоялось особое публичное собрание для чтения отчетов, Ольги Николаевны не было в живых. Она скончалась в августе 1909 года.

Имя Ольги Николаевны Чюминой, неизвестное широким кругам читателей, хорошо знакомо новгородским краеведам. Несколько раз на страницах «Новгородской правды» появлялись небольшие заметки о ней.²

Родилась она в Новгороде 26 декабря 1862 года (по поводу года рождения существуют разночтения в разных источниках, но в Словаре Брокгауза и Ефрона³ и некрологе⁴ значится именно 1862 год). Ольга Николаевна была единственной дочерью нежно любивших ее родителей. Отец, военный, был родом с Кавказа. Старинный род его был, предположительно, татарского происхождения.

Детство ее прошло в Финляндии, где служил отец. Воспитание она получила домашнее: родители и не помышляли об учебном заведении из-за слабого здоровья девочки. По свидетельству З.А. Венгеровой, большое значение в детстве имели для нее нескончаемые рассказы няни. После смерти няни Ольга Николаевна посвятила стихи ее памяти.⁵ Отец пополнял образование дочери, читая ей вслух. Она знала наизусть многие произведения родных классиков, благодаря чему приобрела, не выходя из семейного круга, серьезное образование. Ольга Николаевна обладала феноменальной памятью и сохранила на всю жизнь этот дар: когда позднее предметом ее интересов стала политика, она поражала окружающих своей осведомленностью в этой области.

Из Финляндии Чюмина приезжала в Петербург с матерью для занятий иностранными языками: отлично изучила немецкий, французский и, главным образом, английский язык (впоследствии она много занималась литературным переводом). Об этом периоде ее близкая знакомая З. Венгерова писала: «Из Финляндии, где она жила незатейливо веселой и беззаботной жизнью барышни военного круга и едва только начала выезжать, Ольга Николаевна вместе с матерью часто ездила на лето в Старую Руссу и гостила в Новгороде у своего деда, так что ее любимый родной город был памятен ей с самого детства»⁶.

В 16 лет она переехала с родителями в Новгород, где, по словам той же З. Венгеровой, «вела отчасти жизнь тургеневской, вернее чеховской барышни. До 19 лет много выезжала, любила танцевать, увлекалась событиями и впечатлениями бальной залы»⁷.

Потом произошла перемена: она почувствовала жажду проявить свои силы, не зная еще, на чем остановиться. Серьезно занималась игрой на фортепьяно, выступала на вечерах в Новгороде, мечтала о консерватории. Еще большим увлечением ее была сцена. В 20-21 год она играла в любительских спектаклях, и это увлечение осталось на всю жизнь. В течение долгих лет писательской карьеры предметом интереса О.Н. Чюминой был театр. Она писала оригинальные пьесы, переводила иностранные. Знала наизусть «Горе от ума». До последних лет она следила за всем, что игралось на петербургских сценах, и очень резко критиковала не понравившееся. В последние годы страстно полюбила московский Художественный театр, в особенности его чеховский репертуар. Умела отставивать своих любимцев в печати и в обществе, когда против них велась

Ольга Николаевна Чюмина

в Петербурге газетная кампания.

Писать она начала еще юной девушкой, и долго скрывала это. В 1882 году ее стихотворение впервые было напечатано. В дневнике К. Чуковского есть запись об этом событии: «Были у Чюминой — обедали. Сегодня она рассказывала свою биографию. Лет 19-ти она в Новгороде сочинила стихотворение «Памяти Скобелева», — которое попало в комаровский «Свет». Отец Чюминой обеспокоился: что скажет его начальство, если узнает, что дочь его пишет стихи. Второе стихотворение (тоже о Скобелеве) в аксаковской «Руси». Потом она послала в «Нов[ое] Вр[емя]» поэму «Христианка». Буренин ответил ей ласково — и пригласил зайти в редакцию. Она познакомилась тогда с Сувориным, Полонским etc....»⁸

В 1886 году Чюмина вышла замуж за офицера новгородского полка Гаврилу Петровича Михайлова. Первые годы жили в Новгороде, в Петербург Ольга Николаевна приезжала для литературного общения: виделась с поэтами старшего поколения, посещала знаменитые в свое время собрания у Якова

Полонского, встречалась с Дмитрием Мережковским. Через несколько лет муж перешел на службу в Петербург. Там и прошла оставшаяся жизнь О.Н. Чюминой. В их казенной квартире («литературном салоне») на Мойке, а после отставки мужа — на Большой Подъяческой собирался обширный кружок.

С начала освободительного движения Чюмина была захвачена общим подъемом. Это было не вдруг — «...в ее стихах ясно виден путь, по которому она неминуемо должна была прийти к своему политическому радикализму и стать, в силу своего сатирического таланта, прославленным Бой-Котом»⁹.

В 1889 году вышла ее первая книга¹⁰ и поставлена на сцене Александринского театра первая ее пьеса «Искушение». С первых шагов Ольга Николаевна выделялась среди дебютантов в литературе. Ее охотно печатали в «Руси» Аксакова, в «Свете», в «Живописном обозрении», в «Северном вестнике» первого периода. Помимо пьес и стихов, Чюминой написано два романа — «На жизнь и на смерть» (1895) и «За грехи отцов» (1896), названных в Краткой литературной энциклопедии психологическими.¹¹ Большой популярностью пользовались ее сатирические произведения под псевдонимами Бой-Кот и Оптимист. Вероятно, права ее приятельница Венгерова, заметившая, что «многое в ее жизни, в особенности ее духовная связь в последние годы с московским Художественным театром и ее любовь к Чехову обусловлена тем, что был Чеховских драм — родной ей: она сама жила в «вишневом саду», была одною из «трех сестер»... Она тоже рвалась «в Москву», с тою разницей, что талант и сильная индивидуальность помогли ей почти без всякой борьбы уехать в Москву (для нее этой Москвой стал Петербург) и, ощутив свои силы, проявлять их без препятствий, без неудач в начале писательской деятельности»¹².

Жизнь ее в Петербурге была заполнена не только творчеством, но и общением. В ее доме устраивались вечера, на которых звучали музыка и смех; на этих вечерах гостями и хозяйкой написано множество остроумных пародий и эпиграмм. О.Н. Чюмину ценили ее друзья, литераторы и театралы. Ее тонкий вкус позволил ей сразу проникнуться любовью к Художественному театру. Она была знакома с Чеховым. Станиславский тепло относился к Ольге Николаевне. Любовь Яковлевна Гуревич (театровед, критик, писательница, сыгравшая большую роль в жизни К. С. Станиславского) в своих воспоминаниях написала о том, как «с первого же приезда в Петербург, в период недоверия к молодому театру со стороны критики и широкой публики, начали выделяться из среды писателей, юристов, театральных деятелей некоторые видные люди, сумевшие сразу оценить то, что поднимало московских артистов над уровнем старого театра»¹³. Среди этих людей была и О.Н. Чюмина, быстро ставшая близким другом театра. В воспоминаниях Л.Я. Гуревич рисует бытовой портрет Ольги Николаевны и описывает ее отношение к театру. Своеобразна ее личная краткая оценка творчества Чюминой: «...обращаясь к тому времени, среди «петербургских друзей театра» прежде всего видишь в воображении фигуру покойной О.Н. Чюминой. Кроме своих лирических стихотворений она печатала под псевдонимом «Бой-Кот» небольшие сатиры на явления общественной жизни, скорее, впрочем, шуточные, добродушно-юмористические, чем бичующие, и трудолюбиво переводила Шекспира, Данте и не-

которых современных драматургов. В жизни она была необычайно проста, искренна, гостеприимна. В ее довольно большой квартире в здании Воспитательного дома, где муж ее, Г.П. Михайлов, занимал видную хозяйственную должность, собирались иногда люди весьма различной внутренней значительности. Общих горячих разговоров на какую-нибудь определенную тему, какие завязывались в доме Пресняковых, не возникало, но все, не исключая бывавших у нее артистов Художественного театра, чувствовали себя легко, непринужденно. В облике ее — в ее некрасивом лице «с наивным носиком», по выражению О.Л. Книппер в одном из писем к Чехову, в ее манере причесываться, в ее платьях, в том стареньком собольем воротнике, которым она скрашивала свой костюм в особо торжественных случаях, было что-то простодушное и совсем не артистическое. Но не многие умеют так ценить, так чувствовать прекрасное в искусстве, особенно в сценическом искусстве, как она чувствовала и ценила. Любовь к Художественному театру, охватившая ее с первых его постановок, которые она увидела, и совсем не похожая на ту нервическую восторженность, какую питают к отдельным артистам обычные театралки, влилась в нее, как дыхание высокой поэзии, и скрасила последнее время ее жизни, уже подтачиваемой мучительной болезнью. Нельзя забыть ее лица, каким оно бывало в те минуты, когда в антрактах или по окончании спектакля она вставала со своего места и шла по проходу театрального зала, не глядя ни на что окружающее, сосредоточенная на своих художественных впечатлениях, — так прекрасно было это лицо, таким глубоким духовным счастьем светились ее глаза»¹⁴.

Написала Л.Я. Гуревич и об отношении К.С. Станиславского к Ольге Николаевне: «Станиславский умел ценить в О.Н. Чюминой и чистоту ее сердца, и ту непосредственность и силу ее художественной впечатлительности, которых так часто не хватает у самых просвещенных эстетов. Два письма его ко мне запечатлели его теплое дружеское чувство к ней...»¹⁵ Отношение Станиславского к Чюминой подчеркивает значительность человеческой личности Ольги Николаевны, так как, по мнению Л.Я. Гуревич, «Станиславскому мало было слепого сочувствия — он искал настоящего понимания и доброжелательной критики. Оттого так ценил он и в Москве и в Петербурге тех сравнительно немногочисленных «друзей Художественного театра», с которыми он мог обмениваться живым словом об установках и принципах своей деятельности...»¹⁶. Ольга Николаевна была таким человеком.

Корней Иванович Чуковский также ценил близкое знакомство с Ольгой Николаевной. В своем дневнике 1906 года он упоминает о сближении с Чюминой в одном ряду со знакомством с Куприным и Брюсовым.¹⁷

Современники по-разному относились к творчеству О.Н. Чюминой. В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона она названа талантливой поэтессой и переводчицей. «Ч[юмина] мастерски владеет стихом; он звучен, изящен и образен. Переводы ее передают дух поэтического подлинника, национальную окраску и отличаются безусловной верностью. Ею написано также несколько повестей и рассказов в прозе, но они не имеют значения. ... В «Новостях» Ч[юмина] помещает остроумные стихотворные фельетоны под псевдонимом Оптимист.// П.В.Б.»¹⁸ (так написал для издания словаря 1903 года П. В. Быков). Менее благосклонен Л. Мель-

шин, чью книгу «Очерки русской поэзии» (СПб, 1904) процитировала Большая энциклопедия 1905 года: «Многие из стихотворений Ч[юминой] по преобладающим в них мотивам можно было бы отнести к разряду гражданской поэзии. Поэт громко зовет к борьбе за светлые гуманные идеалы, поет гимны бескорыстному, непонятому толпой бойцу, клеймит «застой безстрастия» и «мертвящий покой»... Но во всех лирических излияниях Ч[юминой], окрашенных гражданскою скорбью и негодованием, не слышится искреннего чувства, способного зажечь сердца, не видно признаков глубокого и действительно пережитого поэтом настроения; они производят впечатление перепева мотивов, навеянных извне, но не претворившихся в субъективное чувство истинного поэтического вдохновения. Идеалы поэта слишком широки, лишены реального содержания и совершенно неуловимы; сам поэт, по-видимому, не отдает себе в них ясного отчета... С внешней стороны стих Ч[юминой] правилен и гладок, но в общем бесцветен, слишком беден поэтическими образами и мало оригинален»¹⁹.

Литературоведение советского периода солидарно скорее с последним автором. Так, Краткая литературная энциклопедия отмечает: «Ее поэзия, как правило, не выходит за рамки эпигонской лирики 80-х гг. (сб-ки «Стихотворения», 1897, «Новые стихотворения», 1905, «Осенние вихри», 1908)».²⁰ Литературовед и критик Н.К. Григорьян, занимавшийся поэзией 70-80-х, написал: «Лирические стихи Чюминой не отличаются ни разнообразием мотивов, ни яркостью, ни богатством языка. Тематический круг их определяется характерными для всей поэзии эпохи 80-х годов мрачными думами, «неясными грезами» и «больными сомнениями», бесплодными порывами и уныньем ... Чюмина была более известна современникам как переводчица. Ее оригинальные стихи не имели успеха»²¹.

Сатирические произведения Чюминой вызвали большой интерес у литературоведов советского времени. Они высоко оценены Л.А. Спиридоновой (Евстигнеевой), написавшей книгу о русской сатирической литературе начала XX века. «Главное достоинство О. Чюминой - сатирическая летопись событий 1905-1907 гг. Писательница старой школы, с хорошей культурой классического стиха, она создает в годы революции едкие сатиры на злобу дня, собранные в книгах «В ожидании» (СПб., 1905), «Песни о четырех свободах» (вып. 1, СПб., 1906), «На темы дней свободы» (СПб., 1906). Стихи О. Чюминой, подписанные псевдонимами Оптимист и Бой-Кот, - выразительная характеристика политического момента... Излюбленный прием сатиры О. Чюминой — иронический перепев известных классических произведений... О.Н.

Чюмина охотно пользуется ритмами Бернса, пародирует Метерлинка, перепевает Гейне, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, А.К. Толстого, Д. Минаева, Некрасова и особенно часто Грибоедова»²². Вот где обнаруживается ее знание наизусть «Горя от ума» и хорошее знакомство с классикой. Чюмина остроумно высмеивала кабинет министров С.Ю. Витте, кампанию по выборам в Первую Государственную Думу, события общественной жизни. «Сатира Чюминой виртуозна, изящна, артистична»²³. Столь лестная оценка ее сатирического творчества литературоведом 70-х годов близка к восторженным отзывам современников Ольги Николаевны.

К.И. Чуковский, бывший в годы революционного подъема редактором журнала демократического направления, позже писал: «Ее сатирические стихи вначале всех поразили. Это было впервые после большого промежутка, что за фельетонную поэзию брался утонченный, широкообразованный человек, и, приученные к трактирным виршам «Шута» и «Осколков», мы сразу почувствовали в «Оптимисте» из «Ново-

стей» истинного наследника славных рыцарей свистопляски. Оптимист снова внес в фельетонную поэзию вдохновение, и сколько новых «молодых» рифм, новых размеров, новых тем!»²⁴ Вскоре произведения О.Н. Чюминой появились и на страницах его журнала «Сигнал». Когда в 1905 году Главное управление по делам печати возбудило против К.И. Чуковского судебное следствие, причиной его было усмотренное цензурой неуважение к верховной власти в его стихах и стихах О.Н. Чюминой.

Писательница и критик З.А. Венгерова вообще считала, что «...политические песни О.Н. Чюминой создали новый род легкой и едкой злободневной сатиры. Только после нее этот род литературы развился очень широко и имеет теперь много представителей»²⁵. Она же подчеркивала значение творчества Чюминой-переводчицы: «...Она перевела звучными стихами, с тщательной точностью, вероятно, больше, чем Петр Вейнберг — классик переводной литературы. Ей принадлежит лучший перевод Мильтона, перевод Данте. Ею переведено много из Гюго, ее любимого поэта наряду с Ф. Коппе (в ранние годы), из Байрона, Теннисона, Лонгфелло и других. В последние годы она переводила много из модернистов, кое-что из Метерлинка, главным образом стихотворные драмы Гуго фон-Гофмансталя. Перевод «Электры», очень современной драмы Гофмансталя, сделан с большим подъемом...»²⁶

В настоящее время, к сожалению, переводы ее не известны, хотя эту ее работу отметил в свое время М. Горький²⁷, чье мнение было очень весомо. Современники О.Н. Чюминой

Артисты Художественного театра на вечере у поэтессы О.Н. Чюминой во время гастролей в Петербурге в 1904 году

признавали ее несомненный талант переводчика. Сатира ее также пользовалась большим успехом, чем оригинальные стихи, в том числе, как уже отмечено выше, у более поздних исследователей ее творчества. Имея это ввиду, будем помнить о том, что творила О.Н. Чюмина во времена, когда общественность (подобно российскому литературоведению после 1917 года) требовала от автора определенной общественной позиции («реакционер» или «либерал»), и как обвинение звучало зачастую то, что печаталась О.Н. Чюмина в журналах различного направления. А Ольга Николаевна была умным и самобытным человеком и «думала она всегда вне партий, вне школ»²⁸. Быть может, жизнь провинциальной чеховской или тургеневской барышни и в самом деле не дала ей достаточно впечатлений собственной жизни, и потому так стремительно она окунулась в переводы, которые давали ей возможность выражать чужие мысли и страсти. Возможно, собственные стихи О.Н. Чюминой не покажутся читателю блестящими. Поэзия М. Лохвицкой (младшей сестры знаменитой Тэффи), разделившей с Ольгой Николаевной Пушкинскую премию, например, более радостна и динамична (и пользовалась большей популярностью в салонах). И все же наиболее верной оценкой ее творчества и жизни представляются слова, которые посвятила ей «Русская мысль»: «Скончавшаяся в последних числах августа О.Н. Чюмина не была крупным светилом на небосклоне русской поэзии. Но изящная звездочка ее свежего таланта всегда блестела очень заметным и очень пленительным светом. Ее стихотворные переводы из многих западных поэтов обращали на себя вни-

мание истинной литературностью и несомненной поэтической настроенностью. С наступлением недавней «политической весны» внезапно обнаружился новый уголок ее гибкого дарования. Нежный лирик оказался в то же время ярким и остроумным политическим сатириком. Под псевдонимом «Оптимист» и «Бойкот» она дала в этой области несколько миниатюрных шедевров, которые тотчас же заставили говорить о себе и вызвали затем бесконечную вереницу подражателей. Расцвет ее литературной деятельности совпал с быстрыми успехами тяжелого недуга, от которого медицина еще не нашла спасительного средства. Она скончалась от рака, встретив с необыкновенным самообладанием верное приближение смерти. В близко знавших ее людях она оставила лучшие воспоминания. Теплым словом ее помянут и все любители истинной поэзии»²⁹.

Книги О.Н. Чюминой остались в фондах редкой книги библиотек Москвы и Санкт-Петербурга преимущественно. Заинтересованный человек может найти отдельные стихи в нескольких современных изданиях. Одно из них — сборник «Русские поэтессы XIX века» (1979). Составитель сборника Н. В. Банников в биографическом очерке напоминает, что «современники Чюминой знали ее как поэта-лирика с многообразной тематикой. Ей были не чужды и гражданские мотивы, и пейзаж в стихах, и чисто интимная поэтическая исповедь»³⁰. Рубрика же «О.Н. Чюмина» в картотеке «Новгородика» Областной научной библиотеки (также как и этот рассказ) напоминают о том, в Новгороде родилась и жила поэтесса, чье творчество было отмечено премиями имени великого поэта России.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Исторический Вестник. 1905. № 26. С. 765-766.

² Тюрин В. Поэтесса Ольга Чюмина// Новг. правда. 1960. 11 декабря. С. 4.

Витушкин С. Поэтесса — уроженка Новгорода// Новг. правда. 1980. 2 апреля. С. 2.

Шкирандо Ф. Глубоко уходят корни// Новг. правда. 1984. 13 мая. С. 3.

³ Энциклопедический словарь. Т. 39. СПб. 1903. С. 76.

⁴ Венгерова З. О.Н. Чюмина// Вестник Европы. 1909. № 10. С. 854.

⁵ Чюмина О.Н. Осенние вихри. СПб. 1908. С84.

⁶ Венгерова З. О.Н. Чюмина// Вестник Европы. 1909. № 10. С. 856.

⁷ Венгерова З. О.Н. Чюмина// Вестник Европы. 1909. № 10. С. 857.

⁸ Чуковский К.И. Дневник (1901-1929). М. 1991. С. 26-27.

⁹ Венгерова З. О.Н. Чюмина// Вестник Европы. 1909. № 10. С. 860.

¹⁰ Чюмина О.Н. Стихотворения (1884-1888). СПб. 1889. С.346.

¹¹ Краткая литературная энциклопедия. Т.8. М. 1975. С. 570.

¹² Венгерова З. О.Н. Чюмина// Вестник Европы. 1909. № 10. С.855.

¹³ Гуревич Л.Я. Воспоминания// О Станиславском: Сб. воспоминаний. М. 1948. С. 121.

¹⁴ Гуревич Л.Я. Воспоминания// О Станиславском: Сб. воспоминаний. М. 1948. С. 121-122.

¹⁵ Гуревич Л.Я. Воспоминания// О Станиславском: Сб. воспоминаний. М. 1948. С. 122.

¹⁶ Гуревич Л.Я. Воспоминания// О Станиславском: Сб. воспоминаний. М. 1948. С. 121.

¹⁷ Чуковский К.И. Дневник (1901-1929). М. 1991. С. 30.

¹⁸ Энциклопедический словарь. Т.39. СПб. 1903. С. 76.

¹⁹ Большая энциклопедия. Т.20. СПб. 1905. С. 147.

²⁰ Краткая литературная энциклопедия. Т.8. М. 1975. С. 570.

²¹ Григорьян К.Н. Поэзия 70-80-х годов// История русской литературы. IX. ч.1. М.-Л. 1956. С. 429.

²² Спиридонова (Евстигнеева) Л.А. Русская сатирическая литература начала XX века. М. 1977. С. 72-73.

²³ Спиридонова (Евстигнеева) Л.А. Русская сатирическая литература начала XX века. М. 1977. С. 81.

²⁴ Чуковский К. Чюмина// Речь. 1909. № 236. С.2.

²⁵ Венгерова З. О.Н. Чюмина// Вестник Европы. 1909. № 10. С. 862.

²⁶ Венгерова З. О.Н. Чюмина// Вестник Европы. 1909. № 10. С. 862.

²⁷ Горький М. Собр. соч. Т.30. М. 1955. С. 326.

²⁸ Венгерова З. О.Н. Чюмина// Вестник Европы. 1909. № 10, С. 859.

²⁹ Чюмина О.Н. Некролог// Русская мысль. 1909. № 9. С.163.

³⁰ Русские поэтессы XIX века. М. 1979. С. 163.

Надежда ЯКОВЛЕВА

ПУШКИНИАНА ОСТРОГОРСКОГО

Перечисляя имена пушкинистов XIX–XX веков, далеко не каждый сегодня назовет при этом Виктора Петровича Острогорского (1840–1902 гг.). Конечно, Острогорский-педагог звучит привычнее, чем Острогорский-пушкинист, но пушкиниана его была настолько значительна, что не вспомнить о нем в пушкинский юбилей было бы непростительно, тем более здесь, на Новгородской земле, так тесно связанной с его жизнью и деятельностью.

Все, что делал Острогорский в пушкиниане, было хорошо известно современной ему России — и не только потому, что он владел печатным словом, будучи редактором журналов «Мир божий», «Детское чтение» и других, или потому, что являлся признанным писателем, материалы которого всегда имели успех и самые массовые издания с готовностью их публиковали, но еще и потому, что он был очень авторитетным педагогом, воспитавшим многих русских преподавателей, и слова, мысли, взгляды Острогорского быстро расходились по стране с помощью его учеников. Почти за сорок лет своей педагогической деятельности Острогорский воспитал несколько десятков тысяч учеников и учениц.¹ И в первую очередь это были выпускницы женских педагогических курсов в Петербурге, где Острогорский преподавал 23 года. Кроме того, 20 лет он проработал в Коломенской женской гимназии, 19 лет — в Ларинской гимназии, 16 лет — в Первой военной гимназии.²

В России практически не было такого уголка, где бы не работали ученики Виктора Петровича и где бы его не ждали. И Острогорский много ездил по стране, выступал с пушкинской тематикой сам или совместно с учениками.³ Именно поэтому пушкиниана В. П. Острогорского — это не столько теоретические изыскания, сколько практическая работа в области просвещения и конкретные полезные дела: будь то Пушкинский вечер в Санкт-Петербурге в пользу убежища для престарелых поэтов⁴, или Пушкинские чтения в Москве в помощь университету⁵, или лекционная поездка по Волге с целью сбора средств для его знаменитой валдайской школы, открытой Острогорским в 1896 году для детей неимущих граждан.⁶ Таким же конкретным, общественно-необходимым делом было и создание к 100-летию поэта библиотеки им. А. С. Пушкина при школе В. П. Острогорского в Валдае.⁷ Без участия Острогорского не прошел ни один крупный Пушкинский праздник во второй половине XIX в. Он принимал участие в грандиозном празднике 1880 года, посвященном открытию в Москве памятника поэту⁸, в днях памяти Пушкина в связи с 50-летием его гибели и, конечно, в 100-летию со

дня рождения, отмечавшемся в 1899 году.⁹

Почти за год до юбилея, 19 июня 1898 года, В. П. Острогорский пишет из Валдая жене в Омск: «Жив не буду, а уж я, именно я, этот столетний юбилей создам и проведу».¹⁰ И в самом деле, именно Острогорский «создаст», украсит собою 100-летний юбилей поэта, и это будет признано всеми. Если Пушкинский праздник 1880 года был украшен участием в нем И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, А. Н. Островского и все газеты писали об их участии в этом ярком «празднике на литературной улице»¹¹, то в центре праздника, посвященного 100-летию Пушкина, будет именно Виктор Петрович Острогорский, «которого все узнавали, старались пожать руки, радовались его приезду».¹² Его речь была лучшей на торжественном заседании в обществе любителей словесности в Дворянском собрании в Москве. В этом зале 19 лет назад звучали слова Достоевского и Тургенева о Пушкине, теперь этот зал содрогался от грома аплодисментов в адрес «лучшего представителя лучших традиций» — Острогорского. Вечере принимали участие известные писатели, ученые, журналисты, представители творческой интеллигенции, но овацию устроили только Острогорскому.¹³ А потом был праздничный обед в трактире у Тестова, о чем в «Курьере» сообщалось: «Острогорский с Чеховым у Тестова пили в память Пушкина».¹⁴ Острогорский был центральной, самой заметной фигурой 100-летнего юбилея А. С. Пушкина. Не случайно Е. Я. Острогорская в письме к Виктору Петровичу пишет: «Много читаю о Пушкинских праздниках и радуюсь за тебя».¹⁵

Пушкинские мероприятия, публикации, материалы для лекций В. П. Острогорский готовил в Валдае летом 1898 года. 10 июня 1898 года он пишет жене: «Отдохни в Сибири... А у меня ведь Пушкин есть и замыслы многие, и большие, о которых на покое думаю, чтобы выполнить что могу, вовремя и в пору».¹⁶ Он выписывает в Валдай всю необходимую для работы над пушкинианой литературу¹⁷ и с 14 июня эта работа начинается, как нечто «огромное, новое, наслаждение, а не работа».¹⁸ Материалы, наработанные в Валдае и собранные Острогорским в четырех особых тетрадях, легли в основу его очерка «Накануне столетия».¹⁹ «Это дело меня захватило всего», — пишет В. П. Острогорский из Валдая.²⁰ «Работается чудесно, спокойствие философическое, покой, здоров, не хожу решительно никуда и у меня никого — одна прелесть! Сколько наделаю-то в моем уединении».²¹ В эти дни усиленной работы над пушкинианой рабочий день Острогорского начинался в 6 часов утра, длился без всяких перерывов до 22–23 часов, после чего Виктор Петрович ложился спать и

спал, «как боги спят в лазурных небесах». «И жизни другой, кроме работы, у меня нет», — пишет он жене.²² За это время Острогорский настолько сроднился, сросся с Пушкиным, что стал мыслить его фразами, понятиями, говорил его строками или своими «имитациями под Пушкина».²³

6 июля 1898 года Виктор Петрович отправляется из Валдая в Михайловское и, возвратясь назад, в конце июля создает знаменитый свой очерк «Пушкинский уголок земли», опубликованный в сентябрьском номере журнала «Мир Божий» за 1898 год. Острогорскому было интересно узнать — сохранилась ли память о поэте в местах, столь дорогих для него, там, где покоится его прах, и как выглядят теперь эти места. Записки из Михайловского вызвали живой интерес: помимо журнальной публикации они были изданы и отдельным альбомом с иллюстрациями В. М. Максимова.²⁴ В поездке В. П. Острогорский был не один, а именно с этим художником. И на фотографиях, сделанных В. М. Максимовым в Михайловском, а также в его живописных этюдах (например, в часто публикуемом и теперь этюде «Банька в Тригорском»), мы можем видеть самого Острогорского. Одинокaя фигура мужчины в шляпе — не просто антураж, оживляющий пушкинские места, а конкретная личность — В. П. Острогорский (кстати, этот факт долгое время оставался незамеченным). Эти материалы будут представлять большой интерес и для исследователей последующих времен.²⁵

Огромная заслуга В. П. Острогорского состоит не только в том, что им описано состояние пушкинских мест Псковской губернии на 1898 год, но и в том, что были намечены основные шаги по превращению этих мест в национальную святыню, в которой было бы собрано всё, касающееся Пушкина, и куда бы могли в любой момент приезжать люди со всех уголков России для того, чтобы побыть рядом с первым нашим национальным поэтом, принять участие в Пушкинских чтениях, спектаклях, конкурсах и так далее. И это, по мысли исследователя, стало бы самым лучшим, не боящимся тления, памятником поэту.²⁶ При этом Острогорский провидчески заявляет, что именно здесь, так или иначе, эта идея осуществится. И она, в самом деле, начала претворяться в жизнь здесь, спустя несколько десятилетий, уже в XX веке. На эти записки, документально точно рисующие те места, которые впоследствии назовут Пушкиногорьем, ориентировались создатели и хранители заповедника в Михайловском В. М. Никифоровский, С. А. Семёнов, В. З. Голубев, А. М. Гордин, С. С. Гейченко.²⁷

Состояние Михайловского, Тригорского, Святых Гор в конце XIX века представляло «печальное запустение», где память о Пушкине была почти полностью утрачена. Дом в Михайловском принадлежал сыну поэта и был недоступен для пушкинских почитателей (Острогорского в него тоже не пустили). Отрадным фактом было приобретение Михайловского

стараниями псковского дворянства в общественную собственность.²⁸ Грустное зрелище представляла собой и могила поэта с покосившимся грязным памятником (могилы родственников Пушкина были вовсе утрачены). Ни дети поэта, ни Святогорский монастырь «охраной могилы не были заинтересованы».²⁹

Но память о Пушкине хранила природа тех мест, с ее «идиллической красотой, примиряющей душу»³⁰, деревьями, помнящими поэта.³¹ Живы были еще и вещи пушкинской поры, и постройки, особенно в имении барона А. Б. Вревского Голубово, где свято хранили усадьбу, обстановку дома, сами воспоминания о поэте. При этом Острогорский знакомит читателей не только с пушкинскими местами, но и с людьми, близкими сердцу поэта: Осиповыми — Вульф, Вревскими, Керн.³²

Встречи Острогорского с людьми, лично знавшими Пушкина — событие особой исторической важности, поэтому

его очерк будут с интересом читать и современники публициста, и будущие исследователи. И сегодня, спустя столетие, мы знаем воспоминания Е. И. Фок, младшей дочери П. А. Осиповой, именно в записи Острогорского.³³

Интересны не только воспоминания дочери А. П. Керн, Е. Е. Шкальской, членов семьи Е. Н. Вревской (Вульф) или И. И. Лощонина, отпевавшего в 1837 году Пушкина, но и сам взгляд Острогорского на людей пушкинской эпохи.³⁴

Особое значение для В. П. Острогорского и его читателей имела находка неизвестного ранее стихотворения Пушкина «Отче наш». Оно хранилось в имении Евпраксии Николаевны Вревской (урожденной Вульф) и было обнаружено в альбоме ее сестры Анны Николаевны

Вульф.³⁵ И хотя, как позднее выяснилось, стихотворение уже было опубликовано в заграничных изданиях 1859 и 1861 годов, а также в библиографической статье харьковского исследователя Г. С. Чирикова³⁶, все же до Острогорского широкому кругу читателей оно не было известно. Более того, опубликованный Острогорским вариант имеет некоторые отличия от того, который был предложен Г. С. Чириковым.³⁷ Но самое главное, что Острогорским был обнаружен подлинник, открыт «новый Пушкин», и это само по себе является значительным вкладом в пушкиниану.

Собственно историей пушкинианы Острогорский также занимается, и в его юбилейном очерке «Накануне столетия» звучат имена крупнейших исследователей творчества Пушкина XIX века.³⁸ По Острогорскому можно изучать и историю пушкинских праздников.³⁹ И как бы ни менялось время, в каких бы общественно-политических, экономических условиях ни находилась страна и в каких бы формах ни задумывались сами праздники, Острогорский мыслил их как великие просветительные акты — всероссийские и всесословные⁴⁰, организованные «не для меньшинства, а для всего народа»⁴¹,

Виктор Петрович Острогорский

«не для привилегированных классов, а как широкий народный праздник»⁴², «сердечный, веселый, торжественный»⁴³, значимый не своим официальным характером, а задушевностью, не мимолетным (по случаю юбилея) подъемом национального духа, а патриотизмом, выраженным в любви к просвещению каждый день, а не только в праздник.⁴⁴ Сами же пушкинские праздники должны стать временем подведения итогов всеобщего патриотического движения по превращению России в такую страну, где просвещение, за которое ратовал Пушкин, было бы не только доступно народу, но и потребно ему. При этом странными и аномальными кажутся Острогорскому такие юбилейные торжества, которые состоят из громких речей и временных подачек на просвещение, потому как смысла в них нет, ведь эти «торжества совершаются среди миллионов полудикарей, гибнущих из-за своего невежества от болезней, пожаров, суеверий, духовной темноты».⁴⁵

Острогорский предлагает организовать постоянный добровольный кружечный сбор на просвещение народа и назвать его «Пушкинской копеейкой».⁴⁶ Как в 1880 году в Москве на народные сборы был поставлен скульптурный памятник поэту, названный Острогорским «всероссийской медной хвалой Пушкину»,⁴⁷ так и к 100-летию поэта Острогорский предлагает начать строить еще один памятник Пушкину, памятник нерукотворный, условно названный «Пушкинской копеейкой», когда пожертвованиями, сделанными Пушкину, свершалось бы очень важное для России дело (и свершалось от имени Пушкина) — проводилось начальное образование народа. Пример подобного рода «памятника» В. П. Острогорский видел во время путешествия по пушкинским местам псковщины. «Крестьянский памятник на могиле А. С. Пушкина» нерукотворно возвели крестьяне Опочецкого уезда, открыв своими стараниями в Тоболнце богадельню для престарелых сельчан и читальню имени А. С. Пушкина, как центр просвещения и место поклонения памяти поэта.⁴⁸

Пушкинские праздники всколыхнули всенародный интерес к поэту. Результатом их было и то, что произведения Пушкина были свободно изданы и свободно введены в школьные программы.⁴⁹ Но при этом Острогорский (и не только он один) хорошо понимает, что «первый поэт почти совершенно народу неизвестен, да и средняя школа знает его недостаточно».⁵⁰ Он видит, что «чудный праздник 1880 года» прошел, мало что сделав собственно для просвещения и знакомства народа с Пушкиным.⁵¹ Для того, чтобы Пушкина широко ввести в сознание русского человека, к 50-летию гибели поэта, отмечавшемуся в 1887 году, были массово изданы дешевые пушкинские книги для народного чтения и специальные сборники для просвещенной публики.

Путешествуя по Псковской земле, Острогорский к своей радости узнает, что в провинции в последнее время пушкин-

ские книги продаются часто и Пушкина простые люди знают, любят и ждут его 100-летнего юбилея, растет число паломников к Пушкинским местам.⁵² Но если случайно встреченный Острогорским деревенский мальчик мог не задумываясь прочитать пушкинские строки и рассказать о поэте, и если в лавках и на постоянных дворах народ говорил о пушкинском юбилее, то ехавший вместе с Острогорским в Псков гимназист никогда не читал Пушкина, ничего не слышал о Михайловском и не знал о юбилее поэта...⁵³ Было о чем задуматься педагогу, работающему не только с детьми, но и готовящему педагогические кадры.

Острогорский всеми силами стремился исправить такие пробелы в образовании детей. Он готовит пушкинские публикации для редактируемого им журнала «Детское чтение»⁵⁴, пишет статьи о Пушкине для детей и взрослых.⁵⁵ Особое воспитательное и просветительное значение имел выпущенный им совместно с Петербургской думой капитальный труд объемом более 400 страниц с великолепными иллюстрациями и предисловием Острогорского, вводящий детей в мир Пушкина и предназначенный для раздачи учащимся городских школ.⁵⁶

Двадцатилетний опыт работы Острогорского на женских педагогических курсах приводит к изменению его взглядов на методику преподавания и на значение национальной литературы в процессе преподавания, что позволило переработать известное его «Руководство к чтению поэтических произведений» и ввести в систему Л. Эккардта русский поэтический материал, в том числе пушкинские произведения.⁵⁷ Пушкинские материалы даются Острогорским в таких популярных

Дача В.П. Острогорского в Валдае. В этом доме готовилась Пушкиниана. Фото 1890-х годов

его сочинениях, как «Письма об эстетическом воспитании»⁵⁸, «Родные поэты для чтения в классах и дома»⁵⁹, «Двадцать биографий образцовых русских писателей для юношества»⁶⁰, «Русские писатели, как воспитательно-образовательный материал для занятий с детьми и для чтения народу».⁶¹ Изучение произведений Пушкина наиболее полно соответствовало представлениям Острогорского о самой сути воспитательно-образовательного процесса, в котором педагог-новатор считал главным «не формальное развитие ума и не обогащение знаниями, а воспитание чувств и воображения учащихся».⁶² Придавая большое значение собственно чтению произведений Пушкина, Острогорский, кроме того, предлагал широкую программу знакомства с музыкальными произведениями, созданными на основе пушкинских мотивов⁶³, работами художников на пушкинские темы.⁶⁴

Каждое поколение старается по-своему понять Пушкина. У Острогорского это грустный, одинокий, «непонятный и чудный Пушкин», не столько эстетик, в лучшем, благороднейшем и широком смысле слова, всегда отзывавшийся красоте, увлекающаяся экспансивная натура, гордый жрец Аполлона, сколько человек, для которого характерна «серьезная вдумчивость, глубина мысли, грусть и скорбь».⁶⁵ Называя в статье

1887 года Пушкина самым гениальным из всех русских поэтов, Острогорский далее пишет фразу, которую впоследствии в корректуре вычеркивает: «...по силе и разнообразию творчества даже [имеем право] поставить его [Пушкина] наряду с Гёте, которому Пушкин уступает первенство потому, что Россия, как страна малокультурная, не могла дать поэту того широкого образования и простора деятельности, какой предоставила Германия своему поэту-ветерану, прожившему, при самых благоприятных условиях, более чем вдвое дольше Пушкина...»⁶⁶ Вычеркнутая фраза весьма показательна для понимания эволюции взглядов В. П. Острогорского (долгое время находившегося под своеобразным гипнозом западной культуры) на то место, которое занимает не Пушкин даже как таковой, а русская культура вообще в культуре европейской. Кто кого гениальнее в данном случае (Гете? Пушкин?) сказать невозможно, как невозможно представить Гете в пушкинских ситуациях и Пушкина на месте Гете... И Острогорский отказывается от такой параллели, хотя она красноречиво подчеркивает глубину пушкинского трагизма. Позднее Острогорский будет писать о Пушкине в связи с другими выдающимися писателями и поэтами, но не сравнивая, а связывая их, объединяя общими жизненными ситуациями, общим выбором тем, общими взглядами на природу вещей. Поэтому Острогорский пишет о союзе гениев, не соперничающих друг с другом, а помогающих друг другу и понимающих друг друга. У исследователя складывается интересный материал, увязывающий Гоголя и Пушкина⁶⁷, Лермонтова и Пушкина, Жуковского и Пушкина⁶⁸, Мицкевича и Пушкина.⁶⁹

Вот уже два столетия мы пытаемся понять Пушкина. И если он наш первый национальный поэт, то, стремясь понять Пушкина (а он, видимо, до сих пор остается непонятым), мы пытаемся понять свои национальные приоритеты и себя. И то, что среди множества сказанных о Пушкине

слов новое слово осталось произнесенным, совсем не плохо.

Пушкин настолько гениален, что говорить о нем можно бесконечно, и при этом у каждого нового поколения всегда будет шанс сказать свое слово о Пушкине. При этом материалы выпускаемого Острогорским журнала «Мир Божий» говорят о том, что юбилей национального гения стоит устраивать не для того, чтобы «восхвалять его (он меньше всего стремился тешить свою гордыню), тем более восхвалять с той целью, чтобы бросить луч славы и чести и на самих себя»⁷⁰, ведь за оригинальностью речей забывается сам Пушкин, остается только блистательный оратор. «Не хвалиться подобает русскому человеку тем, что в его истории насчитывается десяток глубоко несчастных и одиноких великих людей, а смотреть на их судьбу как на жестокий урок своему вековому мелководию, своей гражданской апатии, своему обывательскому эгоизму».⁷¹ Всякий раз, как правило, в суе, мишуре праздника Пушкин опять оставался одиноким, впрочем, может быть именно потому, что он единственный в своем роде...

По-особому воспринималась пушкинская тема в год его 100-летнего юбилея: 1899 год — рубеж веков. Это давало возможность не только оценить Пушкина, но и в лице его, лице национального гения, оценить Россию, которая стояла на рубеже нового века, новой жизни. Сейчас мы стоим не просто на рубеже нового века, а нового тысячелетия, на рубеже эпох и самое время, задумываясь о Пушкине, задуматься не только о нашей культуре, о нашей истории, но и о нашем будущем, о той желанной заре, как писал Виктор Петрович Острогорский, без которой нет истинной свободы, благосостояния страны, народной гордости...⁷²

Пушкин — не из прошлого, Пушкин — из будущего и для будущего. Пушкиниана Острогорского служит тому подтверждением.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Н. Ельманов. Памяти В. П. Острогорского // «Вестник Новгородского земства», 1902 — №9 — С. 29.
2. Н. Ельманов. Виктор Петрович Острогорский // «Вестник Новгородского земства» — 1902 — № 12 — С. 13.
3. Письмо В. П. Острогорского жене от 19 июня 1898 г. — НГМ-кп-25997/9510(55), ОПИ, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 134, л. 10.
4. В. Острогорский. Пушкинская скорбь// «Русские ведомости», 1899, №40, от 6 февраля.
5. Письмо В. П. Острогорского жене от 10 июля 1898г. — НГМ-кп-25997/9510(53), ОПИ, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 134, л. 7.
6. Отчет правления Общества попечения о бесплатной школе В. П. Острогорского в г. Валдае Новгородской губ. Спб., 1913, с. 24.
7. Н. Еланский. Бесплатная школа В. П. Острогорского в Валдае — «Вестник Новгородского земства, 1900 № 11, с. 19.
8. Письмо В. П. Острогорского жене от 9 апреля 1898 г. — НГМ-кп-25997/9510(50), ОПИ, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 134, л. 1.
9. а) В. Острогорский. Памяти Пушкина. Спб., 1880.
- б) В. Острогорский. Накануне Пушкинского юбилея — «Новости и биржевая газета», 1886, № 238 от 30 августа.
- в) В. Острогорский. Полувековая годовщина смерти Пушкина. Гранки статьи. 1887 г. — НГМ-кп-25997/9526-55, ОПИ, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 170, л. 57.
- г) Письмо В. П. Острогорского жене от 27 мая 1899 г. — НГМ-кп-

- 25997/5510(74), ОПИ, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 135, л. 28-29.
- д) Письмо В. П. Острогорского жене от 28 мая 1899 г. — НГМ-кп-25997/9510(73), ОПИ, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 135, л. 26-27.
10. Письмо В. П. Острогорского жене от 19 июня 1898 г. — НГМ-кп-25997/9510(55), ОПИ, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 134, л. 10.
11. В. Острогорский. Пушкинская копейка — «Русские ведомости», 1899, № 140, 23 мая.
12. Письмо В. П. Острогорского жене от 27 мая 1899 г. — НГМ-кп-25997/9510(74), ОПИ, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 135, л. 28об.
13. НГМ-кп-25997/9510(73), ОПИ, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 135, л. 26-27.
14. НГМ-кп-25997/9510(74), ОПИ, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 135, л. 27об.
15. Письмо Е. Я. Острогорской мужу от 30 мая 1899 г. — НГМ-кп-25997/9510(67), ОПИ, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 148, л. 8.
16. НГМ-кп-25997/9510(53), ОПИ, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 134, л. 7.
17. НГМ-кп-25997/9510(55), ОПИ, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 134, л. 10.
18. НГМ-кп-25997/9510(54), ОПИ, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 134, л. 8.
19. В. Острогорский. Накануне столетия — «Мир Божий», 1899, № 5, С. 1-24.
20. НГМ-кп-25997/9510(55), ОПИ, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 134, л. 10об.
21. НГМ-кп-25997/9510(56), ОПИ, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 134, л. 13об.
22. НГМ-кп-25997/9510(59), ОПИ, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 134, л. 17об.
23. НГМ-кп-25997/9510(56), ОПИ, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 134, л. 13об.
24. В. Острогорский. Пушкинский уголок. М., 1899.

25. А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985, т. 1, СС. 467-468, 540.
26. В. Острогорский. Пушкинский уголок земли. — «Мир Божий». — 1898. — Сентябрь — Спб., 1898. — С. 230.
27. а) А. Гордин. Пушкин в Михайловском. М.-Л., 1939.
- б) А. Гордин, С. Гейченко. Михайловское в жизни и творчестве Пушкина. Псков, 1946 г.
- в) А. Гордин. Пушкинский заповедник. М., 1956г.
- г) М. Басина. Там, где шумят Михайловские рощи. Л., 1962.
- д) С. Гейченко. В стране, где Сороть голубая. М., 1986.
- е) А. Гордин. Пушкин в Михайловском. Л., 1989.
28. В. Острогорский. Пушкинский уголок земли. — «Мир Божий». — 1898. — Сентябрь, Спб., 1898. — С.201.
29. Там же, СС.214-215, 229.
30. Там же, С. 226.
31. Там же, СС.206, 212.
32. Там же, С.204-210.
33. А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985. — С.467-468.
34. В. Острогорский. Пушкинский уголок земли..., СС.204-210, 224-228.
35. Там же, С.208-209.
36. Г. Чириков. Заметки на новое издание сочинений Пушкина — «Русский архив». — 1881. — №1. — С. 214.
37. П. Драганов. О молитве «Отче наш», стихотворении и переложении А. С. Пушкина и гр. Л. Н. Толстого — «Новое время», 1898, № 8178, 2 декабря.
38. В. Острогорский. Накануне столетия. — «Мир Божий». — 1899. — №5. — С. 19-22.
39. а) В. Острогорский. Накануне пушкинского юбилея — «Новости и биржевая газета», 1886, № 238, 30 августа.
- б) В. Острогорский. Пушкинский уголок земли — «Мир Божий», 1898, № 9, С. 201-230.
- в) В. Острогорский. Пушкинская скорбь — «Русские ведомости», 1899, № 40, 6 февраля.
- г) В. Острогорский. Накануне столетия- «Мир Божий», 1899, № 5, с. 22-24.
- д) В. Острогорский. Пушкинская копейка — «Русские ведомости», 1899, № 140, 23 мая.
- е) НГМ-кп-25997/9510(73, 74), ОПИ, ф. 26, оп.1, ед. хр. 135, л. 26-29.
40. В. Острогорский. Накануне столетия...
41. В. Острогорский. Пушкинская копейка...
42. В. Острогорский. Полувекковая годовщина смерти Пушкина...
43. В. Острогорский. Накануне столетия...
44. В. Острогорский. Пушкинская копейка...
45. Там же.
46. Там же.
47. В. Острогорский. Пушкинская скорбь...
48. В. Острогорский. Пушкинская копейка...
49. В. Острогорский. Полувекковая годовщина смерти Пушкина...
50. В. Острогорский. Пушкинская копейка...
51. Там же.
52. В. Острогорский. Пушкинский уголок земли... С. 203.
53. Там же, с. 202
54. НГМ-кп-25997/9510(59), ОПИ, ф.26, оп.1, ед.хр.134, л.17об.
55. НГМ-кп-25997/9510(65), ОПИ, ф.26, оп.1, ед.хр.135, л. 11об., НГМ-кп-25997/9510(67), ОПИ, ф.26, оп.1, ед.хр.135, л.15.
56. НГМ-кп-25997/9510(52), ОПИ, ф.26, оп.1, ед.хр.170, л.48.
57. а) «Руководство к чтению поэтических произведений» В. Островского. Спб., 1897 — «Новости и биржевая газета», 1897, № 288, 19 октября.
- б) В. Острогорский. К новому, переработанному изданию «Выразительного чтения» Спб., 1895 — НГМ-кп-25997/9511, ОПИ, ф.26, оп.1, ед.хр.47, л.15об.
- в) В. Острогорский. Выразительное чтение. М., 1901.
58. а) В. Острогорский. Письма об эстетическом воспитании. М., 1894.
- б) А. Скобачевский. «Письма об эстетическом воспитании» В. Острогорского — «Новости и биржевая газета», 1894, №41, 10 февраля.
59. В. Острогорский. Родные поэты для чтения в классах и дома. М., 1894.
60. В. Острогорский. Двадцать биографий образцовых русских писателей для юношества. М., 1896.
61. В. Острогорский. Русские писатели, как воспитательно-образовательный материал для занятий с детьми и для чтения народу. Спб., 1891.
62. В. Острогорский. Письма об эстетическом воспитании. Изд.2, Спб., 1896 — Литературное приложение «Нивы», Спб, 1897, С.205.
63. В. Острогорский. Накануне пушкинского юбилея...
64. В. Острогорский. Новые картины из жизни наших писателей. — «Новости и биржевая газета», 1887, № 18, 19 января.
65. В. Острогорский. Пушкинская скорбь...
66. В. Острогорский. Полувекковая годовщина смерти Пушкина...
67. В. Острогорский. Накануне столетия... С.14-15.
68. НГМ-кп-25997/9512, ОПИ, ф.26, оп.1, ед.хр.52, лл. 5-6об, 12-12об.
69. Мицкевич о Пушкине — «Мир Божий», 1899, № 5, С.113-120.
70. И. Иванов. Дни покаяния. Пушкинская годовщина. — «Мир Божий», 1899, № 5, С.255.
71. Там же, С.256.
72. В. Острогорский. Накануне столетия... С. 24.

Подруга была праздной, чернильница моя

Тамара СИГАЛОВА

ПОСВЯЩЕНИЕ

Здравствуйте,
Александр Сергеевич,
Смешливый, ранимый,
совсем молодой,
Хранимый
Россией доверчивой
Стоящей перед бедой.

Опять затянуло тучами
славянский наш небосклон
И вновь, ничему не наученные,
Мы к Вам идем на поклон.
Простите нас,
с ума спятивших,
Что в Ваш деньрожденный
день
Мы не живем, а пятиясь,
растерзанные вдребедень.
Замызганные горем
по уши
С вопросами в детских глазах,
Как хочется, чтобы Вы поняли
наш растревоженный страх.

Ну, это ли не наваждение:
орущих политиков рать,
Которым на Ваш день рождения
попросту наплевать.
Которыми Россия растерзана,
Растаскана по углам,
Откуда они потешные
Явились на горе нам?!
...Сейчас бы открыть шампанское
И выпить за двести годов,
Чтоб не было плохо с памятью
У тех, кто забыть готов.

Ирина САВИНОВА

МИХАЙЛОВСКИЕ РОЩИ

Как людно у тебя, хозяин дорогой:
Мирская суета на маленьком подворье.
В безмолвии брожу над Соротью-рекой.
Петровское стоит за озером, на взгорье.

Я нынче не спешу. Оставлены дела.
Дышу простором нив. Твои стихи читаю.
Сейчас моя печаль прозрачна и светла:
Печалюсь, что тебя нигде не повстречаю.

Над Савкиной Горой нависли облака.
То мелкий дождь пройдет. То солнце ярко глянет,
И зонт заморский открывать устанет
И снова складывать моя рука...

В Тригорском нет знакомых у меня.
В Михайловском навряд ли кто приветит.
И я в кафе пью чай к исходу дня
И не спеша слагаю строки эти.

Скорей, скорей в тенистые аллеи —
Бродить, мечтать и грезить о былом.
В Тригорском чай, наверное, согрели.
Гостей усаживают за столом.

Печален мир без дружеской беседы.
Бокал вина судьбу не повредит.
Несутся дни. Вульф обещался в среду.
Но многих встреч не будет впереди.

Я тороплюсь, как будто на свиданье.
Я чуда жду в прекрасной из аллей:
Вдруг вопреки закону мирозданья
Сам Пушкин выйдет. Может даже с Ней?..

Двери в барском доме все раскрыты.
В старых липах ветер шелестит.
Не стучат ли звонкие копыта
на большом Михайловском пути?

Для соседа баньку затопили.
Сизый дым над Соротью плывет...
Годы все спрессуют это в были.
Память все в музее соберет.

А пока распахнуто окошко.
Гость вбежал желанный на крыльцо.
Время! Воротись хоть на немножко!
Дай мне поглядеть в его лицо!

Одиноко что-то стало.
Навестить ли Ганнибала?
Коль вдоль озера пойти —
Километра три пути.

Ждут? Не ждут меня?
Кто знает:
Время карты все мешает.
Только все же я пойду —
Рифмы новые найду.

Что ты сердисься, Кучане?
Что ты в берег бьешь волной?
Мы с тобою не сельчане,
И пройду я стороной.

Не посетуй — к Ганнибалу!
Навестить его пора.
Только ты не очень балуй —
Рыбакам плоха игра.

Но волну качает ветер.
Славно жить на этом свете.
Здравствуй, Пушкин, на века!
Здравствуй, светлая строка!

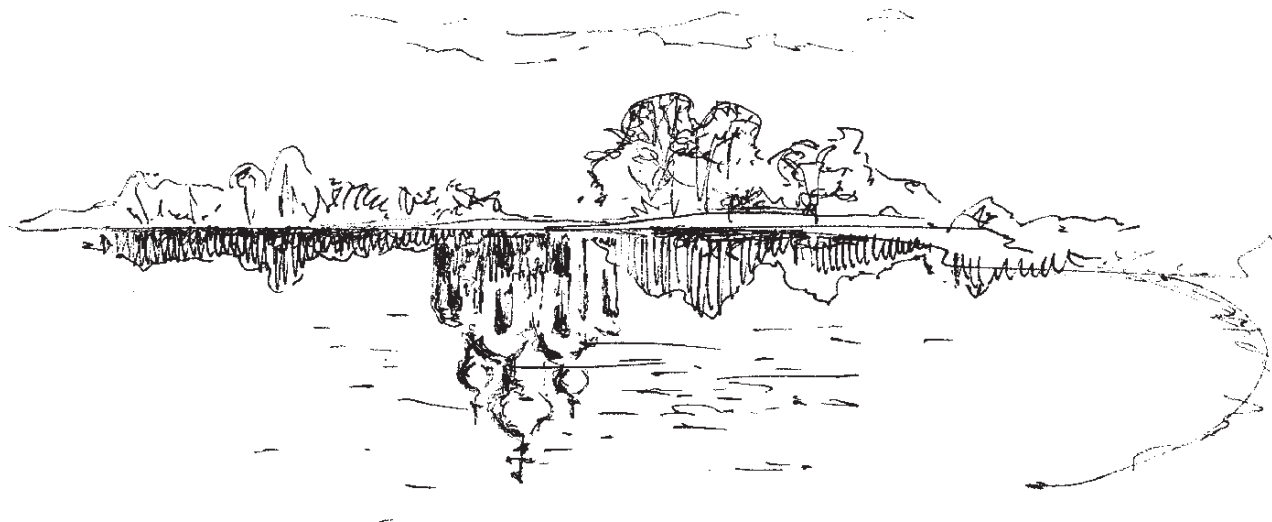
Тишина на маленьком погосте
Возле белых стен монастыря.
К вечеру разъехались все гости.
Красит мрамор алая заря.

Из полей, дубрав твоих зеленых
Принесла я летнюю красу.
В этот край ты был всегда влюбленным.
Но друзья от пули не спасут.

Ты прости им суетные мысли:
Ты для них был праздником в судьбе.
Сквозь века грохочет черный выстрел,
Отзываясь болью о тебе,

Болью за непрожитые годы,
Болью неоконченной строки...
Глянь, Поэт, у гробового входа
Юность разбивает цветники.

Пройдусь на прощанье
аллеей знакомой,
С пригорка сбегу — оглянусь на усадьбу
И буду считать, что Поэт
нынче дома,
Да я не зашла: было грех помешать бы.
Еще он не скоро отсюда уедет.
Пусть Пимен седой
свое кончит сказанье.
Я лучше отправлюсь к тригорским соседям.
С пути не собьюсь —
он лежит, как преданье:
Преданье о дружбе,
преданье о встречах,
О соснах. (Их нынче другие сменили.)
Здесь память людская
бродить будет вечно,
И сердце хранить будет
светлые были.

Алексей ПШАНСКИЙ

НЕЧАЯННО ПРИГРЕТЫЙ СЛАВОЙ

Халтура для актера — второй хлеб. А уж в наше время, наверное, даже основной. Под неблагозвучным словом «халтура» не следует понимать обязательно что-либо низкопробное или плохо сделанное, — вовсе нет: «халтура» не исключает определенного художественного уровня и даже некоторого творческого горения. Для актера «халтура» то же самое, что для шофера — «калым», для слесаря — «шабашка», и т.д., то есть неожиданно подвернувшаяся за пределами театра работа с последующей оплатой вне стен родной бухгалтерии. Проведение новогодних елок, режиссирование в кружках художественной самодеятельности, ломание скоморохами и зазывалами на массовых гуляниях, концертах, всевозможные «левые» спектакли, начитки на радио, съемки на телевидении — все это и многое тому подобное и называется «халтурой». Честно халтурящего актера ни в коем случае нельзя путать с «халтурщиком» в обычном понимании этого слова, то есть с работником недобросовестным, корыстолюбивым и часто даже выпившим. И если уж строго следовать терминологии, то даже для обожаемых нами кинозвезд, чьи трудовые книжки покоятся в отделах кадров академических театров, киносъемки — тоже халтура, каких бы «оскаров» они потом ни получали.

Традиционно «золотым» сезоном актерской халтуры считается новогодняя декада, когда в театре идет борьба за каждую красную шубу и каждую седую бороду, а сорокалетние актрисы с помощью густой косметики, легкомысленных париков и пионерского задора превращаются в очаровательных Снегурочек. Но в этот раз Большая Халтура обрушилась на театр на исходе мая, в ту замечательную пору, когда листья уже распустились, а капризное северо-западное лето еще не началось. Было тепло, над городом сияло солнце, а в городе заваривался грандиозный праздник 1000-летия Крещения Руси, который приурочили к дню памяти равноапостольных Кирилла и Мефодия и назвали «Днями славянской письменности». Новгород бурлил: по улицам сновали всевозможные устроители и украшатели с этикетками на груди, вывешивались транспаранты, приводились в порядок газоны, строились трибуны, помосты и пирожковые ларьки, целыми пассажирскими составами по утрам прибывали очень и в меру именитые гости. В программу праздника входили многочис-

ленные встречи, конференции, митинги, народные гуляния и даже крестный ход, а «гвоздем» его должно было стать грандиозное действо, этакое невиданное доселе театрализованное зрелище небывалого размаха и уровня. Вот уровень-то и призваны были обеспечить приглашенные по этому случаю актеры новгородского театра. А бремя замысла и его воплощения легло, как всегда в таких случаях, на могучие плечи знаменитого нашего Режиссера-Постановщика Массовых Зрелищ.

Сам Режиссер — личность незаурядная и в истории новгородской культуры даже уникальная. Он творил не просто широко — он творил глобально! В его праздничных затеях бывали задействованы эскадрильи самолетов и десантные подразделения, сотни поющих и танцующих ансамблей, конно-спортивные школы, целые флотилии и устрашающее количество пиротехники. Если б он на какой-нибудь юбилей Октября пригнал по Волхову «Аврору» и шарахнул из нее по Кремлю, я бы не удивился. Особенно же мое воображение поразила цифра, коей, помнится, исчислялись надувные шары в смете одного из таких представлений: я так и не сумел определить это астрономическое число, сколько раз нули ни пересчитывал.

Отобрав десятка полтора актеров, Режиссер в двух словах объяснил нам смысл предстоящей работы:

— Нужно будет в лицах показать все исторические пласты новгородской культуры с особенным акцентом на литературу. Вы будете изображать великих русских писателей, которые были в Новгороде, писали о Новгороде, или как-то с ним связаны... Костюмеры в курсе, ваш гример — тоже: подбирайте костюмы, усы, парики, завтра в 12 — репетиция...

Наступило летнее солнечное «завтра». Оделись мы в одной из комнат Путевого дворца, заклеили лица, и... Боже, что это была за компания! Такая сделала бы честь любому Союзу писателей: Кирилл с Мефодием, Лермонтов, Радищев, Герцен, Есенин, Горький, Державин, Достоевский, еще кто-то, — вообще, хрестоматия в лицах. На мою же долю выпала почетная и ответственная задача быть на этом празднике Пушкиным.

На Пушкина, честно говоря, я мало похож. Точнее сказать, не похож вообще. Но в данном постановочном реше-

нии это было и неважно, ибо славный наш Режиссер не изменил и на этот раз вселенским масштабам своего творчества. «Сценой» должен был служить только что открытый для пешеходов Горбатый мост, особенно центральная часть его, а «зрительным залом» — оба берега реки. Понятно, что на таком расстоянии не то что черты лица — даже рост трудно определить. Так что проблема внешнего сходства (вернее, несходства) была снята мудрым режиссерским ходом еще до того, как возникла. Черный сюртук покроя той эпохи, белая манишка, трость, цилиндр, густые бакенбарды — вот вам и Солнце Русской Поэзии.

Вышли мы на исходную, к мосту. Там царил выжидательная, предрепетиционная атмосфера: рысью носились по аллее бравые дружинники и псы-рыцари из конно-спортивной школы, перекуривали бояре, на травке красны девицы в кокошниках жевали бутерброды. Охрипший Режиссер с воспаленными глазами и неизменным мегафоном на ремешке подошел и еще раз объяснил нам, что на мост следует не ломиться сразу всей пишущей братией, а восходить по одному, строго по очереди, потом каждому нужно остановиться на середине, произнести свой текст (естественно, заранее записанный на фонограмму), и с достоинством следовать далее, на противоположный берег. Меня он проинструктировал так:

— Доедешь до середины моста, выйдешь из кареты, подойдешь к перилам и прочтешь стихи. Как только услышишь выстрел — снимай цилиндр, садись спокойно в карету и езжай дальше.

Я поблагодарил судьбу за то, что после выстрела мне придется всего лишь снять цилиндр, а не падать с моста в воду, и отправился искать своего возницу.

Надо сказать, из всей нашей компании классиков личных экипажей удостоились только Радищев, Лермонтов и я, остальным предстояло топтать пешком. Ну, мы с Лермонтовым — это понятно, но Радищев... Да, понимаю — правозащит-

ник, понимаю — пострадал, а все же... Лучше б уж Гаврилу Романовича подвезли, — мне старик с детства симпатичен... Хотя — какое мое дело: режиссерское решение, как и приговор потомков, не обсуждается. Мне здесь нравилось все: погода, предпраздничная суета, собраты по перу, мой извозчик, его лошадь, и даже колючие бакенбарды не отравляли этого светлого чувства.

— Приготовились, начинаем! — прогремел над городом режиссерский мегафон. И сразу весь этот пестрый табор — кокошники, лошади, копы, великие писатели — пришел в движение и стал смещаться в сторону моста. На мост выходили и выезжали в четкой последовательности, согласно сценария. Когда подошел мой черед, я вскочил в карету, крикнул кучеру: «Пошел!» — и потрусили мы медленной рысью. Вдруг, не проехав и половины дистанции до середины моста, я услышал свой голос, разносимый мощными усилителями по всему Поозерью:

— Лишь там над царскою главой
Народов не легло страданье...

Что было делать? Крикнув своему автомедонту: «Живее, погоняй!» — я открыл дверцу, встал на подножку, и прямо на ходу начал отчаянно жестикулировать рукою в такт летящим ямба:

— ...Где крепко с Вольностью святой
Законов мощных сочетание...

— Леша, правильно! Молодец! — услышал я одобрение Режиссера непонятно с какого берега. — Продолжай, не останавливайся!

Я и сам знал, что молодец: не растерялся ведь, и как лихо загладил накладку звукооператора! Так и подмывало крикнуть: «Ай да Пушкин! Ай да сукин сын!» — да не хотелось повторяться... Дальше тоже все прошло, как по маслу: мы подъехали к центру моста, я выскочил из экипажа, по дороге к парапету успел, размахивая руками, дочитать свою порцию «Вольности», получить пулю в указанном месте, после чего картинным жестом снял цилиндр, вскочил в свой транспорт и уехал на Софийскую сторону.

День или два прошли в приятных сборах на гастроли, в Могилев, куда театр должен был отправиться по окончании Праздника. Памятный городишка: году, помнится, в 24-м тамошние офицеры хотели мне ванну из шампанского устроить — еле отбился... Кроме упаковки чемоданов разыскивал московских друзей, приехавших по случаю праздника, встречался, прощался, и даже — не поверите! — пытался перевести текст одной песни с хорватского на русский. Хотя для имеющего за плечами опыт «Песен западных славян» это не Бог весть какая проблема. Впрочем, все было хорошо, все получалось, в том числе и хорватская песня, которую я переложил-таки на русский (с подстрочника, разумеется), и которую впоследствии действительно пел во время гастролей по России Владо Штимац. Да, все шло прекрасно, покуда не настал пик Праздника — день, когда Новгород должен был увидеть, наконец, «гвоздь программы».

В этот знаменательный праздничный день город почти опустел: большая часть населения и многочисленные приезжие сосредоточились по обоим берегам Волхова — на пляже под кремлевской стеной и перед аркадой Гостиного двора. Гремела музыка, народ в ожидании Зрелища закусывал у им-

провизированных буфетов; люди с камерами и микрофонами рвались к центру событий, но милиция и ОМОН надежно обороняли подступы к мосту с той и с другой стороны. Переодевшись, заклеившись и придав себе максимально пушкинский вид, я, помахивая тросточкой, пошел искать извозчика. И вообразите же себе мое изумление, когда в своей карете я вдруг увидел — кого бы вы думали? — Александра Николаевича Радищева собственной персоной!

— Милостивый государь, — говорю я ему, — вы, вероятно, ошиблись: это моя карета! — А он надулся, как сыч, и не говорит ничего, а только знай опробывает мягкость моих сидений: то так, то этак усядется, а меня как будто и нет рядом! Заметив, что учтивостью его не проймешь, я высказался более определенно:

— Ну вот что, чудище стозебно, повторяю: это не твоя карета — вытряхивайся!

— А, привет, — обратился он наконец на меня внимание. — Правильно, — говорит, — это твоя карета. Но меня сюда Режиссер посадил. — И, утратив ко мне всякий интерес, снова принялся обживать мой экипаж.

Ну что с ним будешь делать, — не на дуэль же мерзавца вызывать! Да и каналья-реквизитор наверняка пистолеты не прихватил... Попробовал было у извозчика разузнать, в чем тут дело, но тот только приветливо скалился, а объяснить толком ничего не сумел. Оставалось одно — разыскать в этом столпотворении Режиссера, а это было очень непросто, и если бы он сам случайно не мелькнул поблизости — пришлось бы, наверное, возвращаться к Радищеву и самому отвоевывать свой экипаж. Заметив Режиссера, уйти я ему уже не дал.

— Позвольте, — говорю, — что здесь происходит? Пушкин я или нет? Солнце я русской поэзии или хвост собачий? И за какие такие заслуги господину Радищеву мою карету отдали?

— Видишь ли, — проговорил он рассеянно, глядя сквозь меня куда-то в свои грядущие замыслы, — извозчик, скотина, запил.

— Да нет, — говорю, — я только что его видел. Трезв, как стекло. И он, и лошадь.

— Не твой извозчик запил, радищевский.

— А уж это, — говорю, — его личное радищевское дело: распустил своих мужиков — пусть сам с ними и разбирается. А вы уж, будьте любезны, уберите его из моей кареты: уж очень она ему, кажется, приглянулась.

Режиссер на какое-то время опустил на землю со своих творческих эмпиреев, задумчиво посмотрел на меня и мягко, как-то даже доверительно произнес:

— Ну посуди сам: у нас на троих писателей было три извозчика. Один запил, осталось два. Так? У Лермонтова забрать коляску я не могу — если помнишь, у него как раз диалог с ямщиком. А Радищев... ну, подумай: ведь не мог же он путешествовать из Петербурга в Москву пешком!.. — И, зарывав вдруг в мегафон страшным голосом куда-то в сторону Софийского берега, прошел сквозь милицейский кордон и скрылся в толпе.

Настроение было испорчено напрочь. И печаль моя была далеко не светла. «Вот и всегда так в России с поэтами, — с горечью думал я. — Верно сказал мой Сальери: нет правды на земле, но правды нет и выше, — если, конечно, высшей

инстанцией считать Режиссера». В голову всякие нетворческие мысли полезли. Стало вдруг казаться, что равноапостольные братья в невообразимых хламидах и фальшивых сединах именно обо мне шушукуются и злорадствуют. Обратил внимание, что Лермонтов, у которого, видите ли, коляску нельзя забрать, своей татарской физиономией еще меньше на Лермонтова похож, чем я на Пушкина. А вот Горький — тот действительно похож, прямо хоть в кино снимай. Но — кой черт занес его в Новгород? Или опять в железнодорожных кассах Великий с Нижним перепутали? Впрочем, мысли вздорные, склочные, и Первому Поэту России чести не делающие. Но — «не вынесла душа поэта...»

На горб моста поднимался, как на Голгофу. Рядовые срочной службы, переодетые мужиками и расставленные через каждые пять метров вдоль всего моста, дисциплинированно ломали шапки, но спеси боярской это не тешило, и вообще как-то не радовало. На середине отмахал руками положенные восемь строк, послушал выстрел, снял цилиндр, да и побрел себе на Софийскую сторону. А за спиной уже издевательски цокали копыта лермонтовской лошади...

За мостом, у домика, закурил. Половина классиков уже перекочевала с Торговой стороны сюда, но Действо еще было в разгаре. Через некоторое время смотрю — Герцен с моста спускается. Тоже пешком.

— Пойдем, — говорю, — Толик, по парку пока проедемся: там возле фонтана книжный развал затевали.

— Не пропустят, — указал он на усиленный наряд блюстителей.

— А мы попробуем.

У заграждений перед нами как из-под земли вырос бравый омовонец; я начал ему втолковывать, что большого вреда не будет, если мы с Александром Ивановичем немного по парку погуляем, но тут раздался голос старшего:

— Пропусти. Ты что, не видишь: это же Пушкин!

На душе потеплело. «Это со мной!» — кивнул я в сторону Герцена, и мы вошли в Кремль. Проходя мимо Памятника 1000-летия обернулся посмотреть, как я на нем сегодня выгляжу. Хорош! И компания та же: Лермонтов, Гоголь, — как в школьном анекдоте...

Та часть населения, которая по каким-то причинам не наслаждалась Зрелищем на берегу, прогуливалась по парку. На нас глазели, нам улыбались, с нами здоровались, нам уступали дорогу. Да нет, не нам — мне: Герцена вообще не замечали, несмотря на его сюртук допотопного покроя. А если и замечали, то уж идентифицировать его личность точно не могли. Когда я услышал, как две девушки вполголоса обсуждали гипотезу: уж ни Дантес ли это, — я не выдержал, подвел к ним Толика и сказал:

— Не пугайтесь, барышни, это не Дантес, это — Герцен, Александр Иванович. Он же Искандер. Он же Толик. Он жил в Лондоне, а когда декабристы на шумели — вскочил, не разобрав спросонья что к чему, и стал будить «Колоколом» всех остальных...

Его упорно не узнавали. И даже произнесенная вслух фамилия Герцен мало кого впечатляла. Так он и брел за мною — тихий, печальный. Наверное, думал о былом...

Зато я в полной мере купался в лучах пушкинской славы. И что интересно: абсолютно никого не смущало мое так заметное вблизи явное внешнее несходство с оригиналом, — все единодушно и безоговорочно узнавали Пушкина.

— Здравствуй, Александр Сергеевич!..

— С праздником, господин Пушкин!..

— Видишь дядю в большой шляпе? Это — Пушкин! Помнишь, мы с тобой читали сказку про Золотого Петушка?..

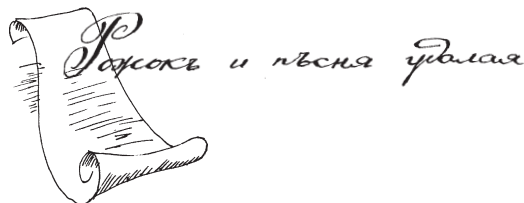
У книжного развала возле фонтана выстроилась приличная очередь; но стоило только появиться — «Подходите, Александр Сергеевич! Да нет, что вы — без очереди!» Ну, раз уж пустили без очереди — нужно что-то покупать. И я купил — «Современник. Избранные страницы». Со своим портретом.

Слепило солнце, одуряюще благоухала молодая зелень, со стороны реки все еще доносились усиленные динамиками голоса; добрые люди улыбались, узнавали, здоровались... И так как-то хорошо на душе стало, что мгновенно испарились из памяти и несправедливо поступивший Режиссер, и узурпировавший мою карету Радищев, и так некстати надравшийся извозчик...

Приняли мы с Искандером по соточке во славу российской словесности, и двинулись обратно. И снова люди улыбались, здоровались... И понятно было, что, как бы красиво я там ни изгалялся на мосту — не меня это узнавали, не мне улыбались, а именно вот этим бакенбардам, цилиндру да стоячему воротничку, — тому светлому образу, который имеет в нашем сознании совершенно четкое и святое понятие: ПУШКИН. Так, наверное, было и два века назад. И, даст Бог, так будет всегда.

Когда мы вышли из Кремля, Зрелище только-только закончилось, кордоны убрали, и новгородцы хлынули на непривычный еще Горбатый мост. В Путевом дворце мы с Герценом передевались последними, — прочих господ литераторов уже и след простыл. По комнатам бегали какие-то ансамбли с инструментами и в экзотических одеждах, — Праздник продолжался. А я, с сожалением отдирая от лица приклеенные бакенбарды и переодеваясь в свое обычное, ничем не примечательное, думал: хорошо все-таки в России быть Пушкиным! Хотя бы и бутаторским.

Марина БУРЬЯК

ПУШКИНСКАЯ ШКОЛА СОБИРАТЕЛЕЙ

*Жил старик со своею старухой
У самого синего моря;
Они жили в ветхой землянке
Ровно тридцать лет и три года.
Старик ловил неводом рыбу,
Старуха пряла свою пряжу...*

Есть в Новгороде такие сказители, которые знают сказки А.С. Пушкина.

Жили баба с дедом. Жили бедно, плохо. Жили на краю озера. Дед рыбу ловил, а баба дома была. И как-то деду попала рыба, и говорит ему голосом человеческим:

– Дедушка, не бери меня, пусти меня в воду. А что захочешь, то тебе я и сделаю. А дед ничего не взял с ней. Вот он приходит домой и говорит бабы, что вот так и так.

– Дурак ты, простофеля ты! Хоть бы попросил корыто б-то. У нас оно совсим дырявое. Дырки там.

Ну, что ж. Пошел он в другой раз. Рыбина опять ему попала. Он и стал говорить:

– Сделай ты мне так, чтоб моей бабы корыто новое бы ты дала.

Приходит, у бабы новое корыто. Опять этака баба его бранит:

– Что ты корыто попросил? Попросил бы хоть новую избу. Ведь валится изба-то.

Опять пошел дед. Ну, опять эта рыбина попала. Он и просит:

– Баба моя совсем с ума сошла. Вот теперь хочет новую избу.

– Ладно, иди, дед, домой.

Дед приходит, избу-то не узнает свою. Не изба, а прос-то царство небесное. Пожили немножко, и снова баба говорит:

– Иди к рыбине. Я хочу быть богатой. Не хочу я быть крестьянкой, а хочу быть дворянкой.

Дед пошел опять просить. Рыбка и говорит:

– Иди, дедушко, не беспокойся.

Пришел домой. А бабка уже и деду не признает. Куды-то выгнала на конюшню. А прислуги ей приданое носят, и красные сапожки, и все на свете. Зачем ей теперь дедка? Потом она захотела быть царицей. И дед опять пошел. Ну, царицей пожила, захотела она быть морской царицей:

– Я хочу быть морской царицей! Дед пошел, попросил рыбку, но она ничего ему не ответила. А пришел дед домой

и видит, сидит баба на дырявом корыте около избы, около старой...

Вот не захотела жить богато, дак осталась, с чем была...

– Это пушкинская сказка, ее нам в школе читали, да и мама сказывала, – вспоминает Любовь Степановна Дмитриева, 1919 года рождения, из деревни Ратицы Волотовского района Новгородской области.

Иванова Лидия Викторовна 1902 года рождения из деревни Прокшино Хвойнинского района и сама не знает, откуда эта сказка взялась:

Жил-был у синева моря дедка с бабкой. У них плохонькая-плохонькая избенка. Дед ходил рыбу ловил, а бабка пряла... Вот пошел разок дедка рыбу ловить, и попала золотая рыбка. Когда он вытащил, она заговорила человеческим голосом:

– Старче, отпусти меня в море. что ты захощь, то я тебе и сделаю.

Ну, он взял и отпустил ее.

– Ну, что ты хошь-то чича(с)?

– Вот у нас корыто совчем худое – плотяное. Дак пус(т)ь хоть новое корыто.

Приходит домой, и правда – новое корыто. Бабке-то рассказал, а бабка:

– Ох, ты дурак, дурак набитой! Ты бы хоть попросил избу новую, а в корыте много ль корысти-то?

Пошел дед, покричал:

– Золотая рыбка, выйди, высунись! Старуха не дает мне покою, что зачем я не попросил избу.

Ну, рыбка высунулась:

– Ступай, старче, будет тебе.

Приходит. (Стоит) новая изба. Ланно. Старуха пожила маленько и говорит:

– Я не хочу быть кресьянкой, а я хочу быть дворовой барыней.

Пошел старик, опять просил-просил, ну, рыбка опять вышла:

– Ступай, будет твоя хозяйка (дворовой барыней).

Приходит, дворец стоит. Она старика и в избу не пустила. Велит отвести его на курятник или на овчарню. Ну, ланно, время идет. Старуха опять старика требует:

– Я не хочу быть дворянкой, а хочу быть столбовой княгиней.

Ну, опять пошел, опять просил, сделал. (Приходит), стража стоит, караулит. Жили-жили, она опять орет старика:

– Я хочу, чтобы у меня золотая рыбка была бы в при-
слугах.

Пошел (старик) к морю. Море волнуется. Вот уж он кричал – кричал, потом все-таки вышла рыбка. Вышла рыбка, махнула хвостом и ничего не сказала деду. Приходит домой, опять эта старая изба стоит и рваное корыто.

(Запись 1989 года).

Известную «Сказку о рыбаке и рыбке» Пушкин намеревался включить в цикл «Песни западных славян». Народная «литература» увлекала Пушкина. Народные песни, которые слушал и записывал поэт, вошли в его произведения («Братья разбойники», «Узник» и другие) и сохранили такую близость к народной поэзии, что становились полностью или частично достоянием устной традиции (скорее всего, через песенники): «Под вечер осени ненастной», «Черная шаль», «Талисман», «Зимний вечер», «Девушки-красавицы» и прочие¹. Некоторые стихи из «Братьев разбойников» вошли в народную драму «Лодка»², в драму «Черный ворон», записанную в деревне Пряткино Костромского уезда и губернии в 1899 году³.

Первые фольклорные записи Пушкина вошли в сборник М.А. Максимовича «Малороссийские свадебные песни» (1827). Вероятно, именно эта работа послужила поводом для собственного издания народного наследия – свода народных песен России. В 1828 году Пушкин обратился к С.А. Соболевскому с предложением готовить собрание народных песен. Но в 1833 году Пушкин передает все свои материалы Петру Васильевичу Киреевскому (у Киреевского была небольшая коллекция песен – 149 номеров, подготовленных для собрания Пушкина), который посвятил всю свою жизнь подготовке фольклорно-этнографических сборников. Но мечты Пушкина и Киреевского начали сбываться лишь после смерти собирателей и до сих пор находят свое воплощение в исследованиях фольклористов, филологов, музыковедов.

Пушкинская «школа» собирателей народной поэзии стремилась к сохранению исполнительского мастерства народных певцов. Пушкин считал необходимым учитывать в текстах характерные особенности народной речи, диалектные слова и выражения, указывать обрядовый контекст, сопровождать свои записи историческими и бытовыми комментариями.

Киреевские в 1820-х годах создали в Долбине (своем тульском имении) школу для крепостных крестьян, чтобы использовать их в качестве писарей семейного архива и записи произведений народного творчества. В 1826 году Киреевский писал об этом матери, Авдотье Петровне: «Университет долбинский здравствует и благоденствует, в нем теперь находится около пятнадцати человек студентов мужского и женского пола, которые все уже пишут очень порядочно и хорошо...»⁴. В другом письме к матери Петр Васильевич напоминает, что «...Мария Васильевна (младшая сестра) может сама не переписывать песни, а передать нашим долбинским»⁵. Долбинская школа, пожалуй, была первой фольклорной школой в России, в которой обучали будущих собирателей старины. В помощь собирателям Петр Васильевич Киреевский разработал инструкции – правила записи произведений народного наследия:

1. Каждую строку начинать прописною буквою.
2. Знаки ставить, где они означены.
3. Там, в строке, где стоит //, нужно делать две строки или стиха.
4. Там, где проведены под словами черты ____, нужно те слова помещать в другой строке.
5. Те слова, которые на конце стиха подчеркнуты, нужно ставить в начале другой строки или повторять в другом стихе.
6. По окончании песни нужно оставлять осьмушку, на которой она переписывалась.
7. Сказки переписывать на четвертке листа, оставляя почти половину поля и каждую на отдельной тетради.
8. Стихи также на четвертке, только без поля.
9. Загадки или замечания, встречающиеся наряду с песнями, не переписывать.
10. Наблюдать как можно вернее правильность в словах, а для этого нужно, прежде всего, разбирать, а потом уже писать»⁶.

Иными словами, Киреевский настаивал на записи песен «прямо с голоса», в отличие от большинства отечественных и зарубежных сборников, где народные произведения «причесаны по последней картинке моды». Данные рекомендации были актуальны при жизни Петра Васильевича для его учеников и родственников (мама Петра Васильевича тоже была вовлечена в работу по сбору народных сказок, которые впоследствии были переданы А.Н. Афанасьеву и опубликованы в сборнике «Народные русские сказки» – помощников, соратников в деле сохранения произведений народного творчества. Основные положения из рекомендаций Киреевского актуальны и сегодня.

Петр Васильевич Киреевский был не только собирателем народного наследия, но и считается основоположником первых в русской науке специальных фольклорных экспедиций. 5 мая 1834 года он совершает оstashковско-новгородское путешествие – с целью записи песен в заранее намеченном районе и их включения в «Собрание русских народных песен». По замыслу Пушкина, Киреевского, Языкова, Соболевского в этот сборник должны были войти песни о новгородской вольнице, о Господине Великом Новгороде. «Киреевский пустился по Старорусской дороге, свернул в сторону, чтобы посмотреть на верховье Волги, и оттуда на пароходе добрался до Новгорода»⁷. Но надежды составителей не оправдались: эпических произведений в Новгороде практически не было, к тому же собирание песен вызвало подозрение полиции и местных помещиков, которые приняли его за «шпиона и карбонара»⁸. Он пишет из Новгорода: «Ездить от-

сюда некуда, кроме как некоторых монастырей, и предания здесь только одни могилы и камни, а все живое забито военными поселениями, с которыми даже и тень поэзии несовместима»⁹. Но это мрачное впечатление о Новгороде изменили встречи и общение с его талантливыми исполнителями. Мещанка Фекла Евстигнеева подарила Киреевскому редчайшие образцы новгородской эпической поэзии:

У колодца у глыбокого,
Не Донской Козак коня поил,
Не коня поил,* он жену губил.
Что жена мужу возмолилася,
Во скоры ноги поклонилася:
«Ах ты муж ты, муж мой, Донской Козак!
«Не губи меня с вечера рано,
«Погуби меня со полуночи:
«Все добры люди спать улягутся,
«Малы детушки поразоспятся,
«Поутру проснуться, матушки схватятся**
«Родный батюшко, где наша матушка?»
– Ваша матушка
– Во высоком-новом тереме,
– Она белится и румянится,
– В цветно платье надевается. –
«Ох вы нянюшки, ох вы мамушки!
Посмотрите вы, где наша матушка?»
«Вашей матушки нет в новом тереме».
«Родный батюшко, куда дедал матушку?»
– Ваша матушка во темном лесу,
Во темном лесу, во сыром бору,
Во сыром бору берет ягоды. –
«Ох вы нянюшки, ох вы мамушки!
«Вы сходите-посмотрите, где наша матушка?»
Вашей матушки нету в темном лесу».
– Ваша матушка во сырой земле,
– Во сырой земле, в гробовой доске,
– В гробовой доске, в золотой парче.
(10 сентября 1834 год, Новгород).

Песня приводится в соответствии с оригиналом из сборника, подготовленного к публикации Комиссией и самим собирателем.¹⁰ Первая часть сборника представляет собой антологию новгородских былин, записанных широким кругом собирателей из различных губерний России: былина «Василий Буслаев» записана А. Харитоновым, доставлена В. Далем из Архангельской губернии, Шенкурского уезда; былина «Садко купец богатый гость» записана Рыбниковым в Олонецкой губернии.

Образец эпической поэзии «У колодца у глыбокого» представлен из второй части сборника «Песни Княжеские» и относится к разделу «Донской казак». Вариант этой песни записан автором статьи от А. Сенченковой в июне 1987 года, в деревне Хотяжа Волотовского района:

Ой, куды сватали-то, туды не отдали,
Куды сама я шла, туды не взяли.
Отдавал меня кормилец батюшка
Да за вора, вора, за разбойника.

Да, на разбой иде(т), ружо(е) с собой бярё:
– Ты молчи, жена, то убью тебя.
– Ты не бей-ка меня рано с вечера,
Да ты убей-ка меня во полночушку,
Да пускай детушки-то спать улягутся,
Да по матрасечку да пораскатаются,
Да а утром-то ены схватаются:
Где ж наша матушка, наша сударынька?
– Ваша матушка вы темном лесу,
Вы темном лесу, да под колодинкой.
Вы не плачьте, мои детушки,
Да вам срублю, срублю горенку новую,
Привяду матку, матку молодая.
– Приведи нам нашу матушку,
Приведи нам нашу сударыньку.

В «Княжеских песнях» Киреевского представлены баллады — «Князь Волконский и Ваня Ключничек» (записанная от новгородца Савелья в деревне Сосница Валдайского уезда) и «Молодец у Короля на вестях служил» (записанная от Акулины в городе Новгороде)¹¹:

Как во городе было в каменной Москве,
Как во улочке было во Дмитровской,
Жил тут поживал тут батюшка
Волконский Князь
Со своей ли верной со Княгинейю.
Жил тут поживал тут Ванюшка Ключник;
Он не год живе со Княгинейю,
Он не год живе, – ровно два года;
Как на третий на годичик Князь-то все доведальсе
Через сennую девчонку, через сennую последнюю.
Как вышел-то Князь на крыльце на (парадное),
Он вскричал-то громким голосом:
«Ах вы слуги мои верные!
«Вы подите-приведите Ваню Ключничка,
Вы поспуйте ему скоры ноженъки,
Вы свяжите назад белыя ручушки!»
Посковали Ванюшке скоры ноженъки,
Как связали назад ему белыя ручушки,
Как ведут ли то Ванюшку под белы-то руки:
На Ванюшке коленкорова рубашка вся изорвана,
Как буйна-то головушка в трех местах проломлена,
Как у Ванюшки скоры-то ноженъки поскованы,
Как сафьяновы сапожки кровью понаполнены.
Вот стоит-ли Князь на крыльце-то (поратном),
Увидал же то Ванюшка Князя-то Волхонского:
– Ах ты батюшка, Князь ты Волхонский!
Ты прости меня большой-то виной,
– Я не буду, я не стану никаких-то дел-то делать! –
Как вскричал Князь Волхонский своим

громким голосом:

«Ах вы слуги мои, слуги мои верные!
«Вы пойдите – вы возьмите заступы железные,

* Отрицательный оборот: на самом деле «Донской Козак» и «коня поил» (примечание П.В. Киреевского).

** Песня постепенно забывается (примечание П.В. Киреевского).

«Вы ройте-тко – копайте две ямы глыбокия,
 «Вы поставьте два столба высокие,
 Положите приводы-то дубовые,
 «Вы повесьте-ко две петли шелковыя,
 «Вы сделайте крючья-то злочные,
 «Три ступени тесовыя,
 «Вы покройте-тко ступени черным сукном,
 «Вы ведите Ванюшку на крутой-то крылец,
 «На крутой-то крылец на тесовый!»
 Идет ли Ванюшенька – поклоняется,
 Со своим добрым людям прощается:
 – Прости батюшка, прости матушка,
 – Прости ты меня, мать сыра земля! –
 Как вошел да то Ванюшко на крутой крылец
 на тесовый,
 Он вскричал ли тут громким голосом:
 – Ах ты батюшка, Волхонский Князь!
 – Ты позволь-ко-ся мне над последним краюшком
 – Или песенку спеть, или на рожке сыграть? –
 «Вешайте вы Ванюшку:
 «Пускай Ванюшка качается,
 «Моя молодая-то княгиня пущай не печалится!
 «Как дознается моя-то верная Княгиня,
 «То-то она попечалится!»
 Со печали-то тоски на третий денек,
 Как на третий ли на денечик верная
 Княгиня померла.
 (6 сентября 1834 г.)

МОЛОДЕЦ У КОРОЛЯ В СЛУЖБЕ

Молодец у Короля на вестях служил:
 Что Король-то его любил-жаловал,
 Королевна его при себе держала.
 Еще стал молодец упиваться,
 При хмелю удалой похвалятися:
 «Много хожено, погулено,
 «И в крашне в хороше похожено,
 Много красных девушек целовано!
 «Поцелована дочь прекрасная,
 «Дочь прекрасная Королевская!
 За досаду Королю показалось,
 За досадушку такую за великую;
 Закричал тут Король на своих верных слуг:
 «Ах вы слуги мои, слуги, слуги верные,
 «Слуги верные и неизменные!
 «Вы подите далече в чисто поле:
 «Уж вы ройте ямы глыбокия,
 «Становите столбы дубовые,
 «Перекладинку кладите клиновую,
 «Вы повесьте петли шелковыя,
 «Вы повесьте Добра Молодца!»
 Молодец палачам по рублю сулит:
 – Не ведите меня позади горницы,
 – Поведите меня вдоль по улице,
 – Чтоб увидела дочь прекрасная,
 – Дочь прекрасная Королевична! –
 Попросила дочь у батюшки:
 «Ты пусти, пусти родной батюшка,
 «Молодецкой смерти поглядети!»
 Молодец на петлях качается:
 Королевна под релью кончается.
 (11 сентября 1834 г.)

Итак, мы видим очень близкие по композиции сюжета варианты эпического образца народной песенной традиции. Новгородские записи П.В. Киреевского сохранили для современников и будущих поколений уникальные игровые, лирические и свадебные песни. Приведем некоторые из них:

(поется гостю)

Володимира матушка
 Во воскресенье спородила,
 В Воскресенску заутреню,
 Что скоро его возростила,
 По головушке гладила,
 Ума, разума учила:
 «Ты будь, мое дитяtko,
 Будь счастливый, талантливый,
 К добрым людям приветливый,
 Ко невестам будь счастливый.
 Ты задумаешь жениться,
 Ты пойдешь ко тестю в дом
 И ко тещеньке к матушке;
 Ты взойдешь на широкий двор,
 Не пущай коня по двору,
 Ты отдай коня конюху,
 Молодому придворничку,
 Чтобы свел на конюшин двор,
 Накормил бы пшеницею,
 Напоил бы сытицею,
 Ты взойдешь во новы сени,
 Не клади просто плеточку,
 Ты повесь ее на гвоздичек,
 Ты взойдешь в нову горницу,
 Скидывай пухову шляпу,
 Ты немного Богу молися,
 Ты не низко тестю кланяйся,
 Ты пониже теще матушке,
 По поклону красным девушкам;
 Узнавай свою сужену;
 Твоя суженая снаряжена,
 Выше всех она посажена,
 Пуще всех припечаливши».

Эта песня, записанная Киреевским в Новгороде в 1834 году, была опубликована его последователями в 1911 году (см. сноску № 7). Сравним ее с современными записями автора 1988 года из деревни Мшага Шимского района (в 55 км от Новгорода):

Вот как Сашина-то матушка,
 Вот как Сашина-то родная,
 В Воскресенский день споранила,
 В Воскресенский день споранила,
 В Воскресенскую заутреню,
 В Воскресенскую заутреню.
 По головке его гладила,
 По головке его гладила,
 Волоса ему помадила,
 Волоса ему помадила,
 Ума-разума научила,
 Ума-разума научила:
 «Ты желанно, ронно дитяtko,
 Ты желанно, ронно дитяtko,
 Будь счастливый и талантливый,
 Будь счастливый и талантливый

Гаворливый и забавливый,
Гаворливый и забавливый,
Ка невестам будь ты счастливый
Ка невестам будь ты счастливый».

Безусловно, это варианты одной песни. Но у Киреевского нет указания на имя исполнителя и место его рождения. И все же мы можем предположить, что не только расстояние во времени – 150 лет – так изменило текстовое содержание песни, но, может быть, и методика записи Петра Васильевича. Якушкин писал, что Петр Васильевич Киреевский брал несколько вариантов одной и той же песни и выбирал из каждого варианта тот стих, который показался ему лучше. При этом он указывал добросовестно именно тот вариант, которым он пользовался. Сперанский так описывает методику записи песен Киреевского и подготовку ее к публикации: «Киреевский, обрабатывая песню, дорожил всякой ее чертой и вносил мелкие изменения лишь в случае крайне необходимом, по его мнению; давая реконструированную (...) песню, он давал налицо и весь материал этой реконструкции: таким образом, ни одна записанная из уст народа песня, ни ее отдельное выражение не пропадала»¹².

Если обратиться к публикации этой песни в Новой Серии (сноска №7), то никаких примечаний относительно внесенных вариантов мы не найдем. Кроме того, сборник вышел в свет не при жизни Киреевского и с правилами редакционной комиссии Общества Любителей Российской Словесности при Императорском Университете. Вот некоторые из этих правил:

№ 8. Малограмотные в орфографическом отношении записи печатаются с соблюдением обычного правописания.

№ 9. Ударения на словах проставляются там, где они представляют особенность сравнительно с обычными, прозаическими, либо имеют значение для стихотворного ритма. В этих случаях сохраняется ударение, поставленное либо первым лицом, записавшим песню, либо П.В. Киреевским в его листах. Относительно введенных вариантов текстов в публикуемый образец правил нет.

Итак, предположения об авторской реконструкции песни вполне допустимы. К тому же Пушкин тоже применял некоторую реконструкцию и даже стилизацию народных песен. Сравнительный анализ сохранившихся пушкинских автографов с современными образцами народно-песенной традиции показывает, что:

– поэт счел необходимым заменить послепетровскую лексику на допетровскую в тексте «Песни о сыне Стеньки Разина»: «губернатора» заменил на «воеводу», «штабам, офицерам» – на «боярам государевым»;

– поэт иногда вкрапывал в песенный текст из одной губернии элементы, характерные для народной культуры другой. «Даже при самом пристальном внимании литературоведов к каждой пушкинской строке подобные вкрапления ранее не были отмечены, и это лучше всего говорит о глубочайшем проникновении поэта в мир народной песни, его мастерстве и такте стилизатора»¹³. Более того, поэт и сам достаточно объективно оценивал эти качества. Об этом мы узнаем из воспоминаний П. Киреевского. Пушкин,

передавая ему свои записи песен, сказал: «Когда-нибудь от нечего делать разберитесь-ка. Которые поет народ, а которые сочинил я сам»¹⁴. До сих пор загадка Пушкина остается неразгаданной.

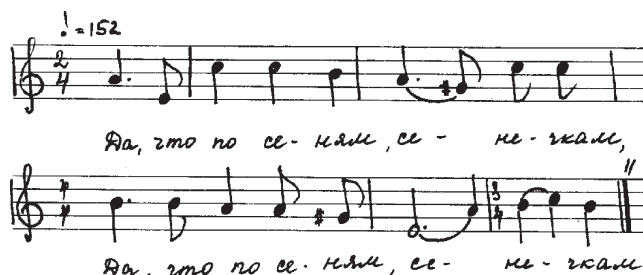
Мы же приведем еще один образец свадебной песни из Новой Серии Киреевского, записанный в Новгородской губернии:

(поется гостям)

По сеньям, по сенечкам
По частым переходичкам
Тут ходила, тут гуляла
Молодая боярыня
Настасья Ивановна.
Во руках она носила
Два яхонта чистестые,
Две алмазные запанки;
Поносивши, положила,
Положа слово молвила:
«Ох вы, яхонты, яхонты,
Две алмазные запанки,
Полежите малешенько,
Пока я молодешенька,
Я пройду потихошеньку,
Я по новья горнице,
По столовая светлице;
Посмотрю я в окошечко,
Что светел ли светел месяц,
Что часты ли часты звезды,
Весела ли моя ладушка,
Во честном пиру сидючи,
И он пьет прохлаждается,
У меня жена умная,
И походка павлиная,
У ней речь лебединая,
Брови черного соболя,
Очи яснаго сокола.
Она пройдет – утешит меня,
Слово молвит – возвеселит молодца.»

В современных записях автора статьи имеется только фрагмент этой свадебной песни, записанной у Болтян Прасковьи Александровны, 1920 года рождения в деревне Деревцово Боровичского района (местная):

Да что по сеньям, сенечкам,
Да что по сеньям, сенечкам,
По частым пиряходичкам,
По частым пиряходичкам.
Что ходила да гуляла,
Что ходила да гуляла
Молодая боярыня,
Молодая боярыня,
Что Татьяна Михайловна,
Что Татьяна Михайловна да.

Сравнительный анализ стиха данной песни показывает, что в тексте Киреевского отсутствуют строфовые повторы. Можно предположить, что редакционная издательская комиссия или не расшифровала запись собирателя со знаком «//», обозначающим повтор стиха строфы (правило № 3 из инструкций Киреевского), или сократила повтор. Упрощение текста могли допустить и ее исполнители. Так, например, в современных условиях данный прием используют исполнители по причине слабых старческих голосов. Диалектная разница в слове «переходички – пираходичка» могла быть также отрецензирована комиссией – правило № 8: малограмотные в орфографическом отношении записи печатаются с соблюдением обычного правописания. Для более скрупулезных выводов необходимо знать точный маршрут фольклорной экспедиции Киреевского по Новгородской губернии, ареалы распространения или пульсирующей традиции рассматриваемого образца. Вариант, наиболее близкий к «киреевскому», присутствует в статье Д. Зеленина «Из быта и поэзии крестьян Новгородской губернии» (По материалам В.А. Воскресенского)¹⁵:

«ДЕВИЧЬИ ПЕСНИ»
(поются невесте)
*Што по горницам, горницам,
Што по светлым светлицам
Тут ходила, тут гуляла
Молодая боярыня,
Да уж Марья-то Павловна.
Во руках она носила
На два чепчику бархату,
Две земчужныи запанки.
Положила на блюдечко,
На серебряну торелочку:
Положите вы запанки,
Хоть немножечко времячка,
Хоть немножечко-малешенько,
Покуль я молодешенька –
Я схожу во высок терем,
Погляжу я в окошечко:
Не светит ли светел месяц,
Да не весел ли мой суженой,
Да мой суженой-ряженой
Олексей да Васильевич.*

Песня записана Евдокимовым в деревне Чауни Селогорской волости, Новгородского уезда (20 км от Новгорода). Об этом свидетельствуют архивы В.А. Воскресенского – директора Гатчинской учительской семинарии. В архивах сохранилось 59 рукописных фольклорно-этнографических материалов 90-х годов XIX века из Новгородской (40 рукописей) и Петербургской губерний. Материалы представлены студентами в качестве домашних заданий во время летних каникул (вакаций): «В бытность мою преподавателем в Академии я обыкновенно просил студентов, уроженцев и жителей уездных записывать сказки, и вообще заниматься наблюдениями этнографическими. Как более близкие к народу, эти студенты, по большей части уроженцы уездные, всегда казались мне более способными и приготовленными, чем студенты университета, по большей части жители и уроженцы городские, к изучению народного быта и местных говоров»¹⁶. Из сказанного следует, что Евдокимов был местным жителем Селогорской волости и записал эту песню, будучи студентом Гатчинской учительской семинарии. Им же записаны тексты наборных хороводов и особенности поведения молодежи

во время их исполнения, и, в частности, лирической «Ты рябинушка, ты кудрявая», которую помнят и берегут современные жители деревни Долгово Селогорского сельского совета. Рукописные материалы студентов В. Воскресенского из различных уездов Новгородской губернии отражают особенности местного говора новгородских крестьян¹⁷, представляют устную традицию новгородской свадебной, святочной поэзии и обрядности, хороводно-игровой, частушечной и плачевой культуры, песенного репертуара нищих и слепцов и их поведения, сказок, легенд. Какими правилами методики записи материала пользовались студенты семинарии? Продолжают ли они традиции Пушкина, Киреевского? Ответы на эти вопросы может дать подробный сравнительный анализ записей различных собирателей школы Воскресенского, но это – отдельное исследование, и пусть оно найдет своего автора.

Мы же обратимся к деятельности Якушкина Павла Ивановича (1822-1872) – преемника взглядов А.С. Пушкина и П.В. Киреевского, одного из первых профессиональных собирателей фольклора, и новгородского в том числе. Павел Иванович усовершенствовал методику записи фольклорных образцов фонетической записью текста, многочисленными повторными записями исполнителей, фронтально изучал определенную местность.

В 1858 году, в экспедиции по Новгородской губернии, Якушкин описал посиделки в селе Ракома (Ракомо), близ Новгорода:

«Изба была просторна, в ней не было ни одного стола. Близ переднего угла горел светец с лучиною, кругом стен по лавкам сидели девки, и все за пряжей. Девки были одеты в сарафаны и повязаны пестрыми бумажными платками помосковски: свернув платок косынкою и подвязав под подбородок.

– Здравствуйте, красные девушки! – сказали мы, помолясь Богу.

– Здравствуйте, молодцы хороши! – отозвались в ответ одни из них.

– Милости просим! – проговорили другие, продолжая прясть (...)

– Садитесь, молодцы хороши, к нашим девушкам! – сказала одна девка, побойчее других. Прежде чем сесть, надо было выказать знак внимания понравившейся девушке: поставить зажженную свечу к ее прялке. По одному – двое приходили на посиделки деревенские парни, и постепенно увеличивалось количество огоньков в избе. Это рождало ни с чем не сравнимое впечатление.

Многие из молодых, затопляя свечи, ставили их на личинки (верхняя часть прялки) девушкам, те отвечали с поклоном: «Спасибо, добрый молодец!», не прерывая работы, а коли пелась песня, одним поклоном, не прерывая песни. Затем молодцы садились около девушек, только когда место не было занято другим; в последнем случае молодец ставил свечку, отходил в сторону или садился около другой. У многих девушек горело уже по две свечи. Спев за работой долгую, протяжную песню, девушки перешли к игре:

– Походимте, девушки, походим, повеселим молодцов? – заговорили некоторые.

– Походим, походим!

– Ну, молодцы хорошие, ходите кто-нибудь!

Не вставая с мест и продолжая прясть, они запели:

Как по первой по пороше,

Как по первой по пороше

Ходил молодец хорошей.

При начале этой песни вышел один «молодец хорошей»

с платком и стал ходить около девиц; при словах песни:

*Он кидает, он бросает
Шелковый платочек
Девке на колени...*

Он бросил платок девке на колени; та взяла, не спеша погасила свои свечи и поставила прялку на лавке в стороне и вышла на середину. Песня, по обыкновению всех хороводных (или как здесь называют, короводных), оканчивалась поцелуем. После чего, когда молодец сел, стала ходить девушка и бросила шелковой платочек парню на колени. Парень вышел при конце песни, поцеловал девуку и начал ходить под ту же песню (...) С час продолжался хоровод, потом опять начали петь простые песни»¹⁸.

Авторские записи в декабре 1995 года из деревни Ракомо Новгородского района Новгородской области показали, что обычаи ракомских посиделок достаточно изменились: керосиновые лампы заменили лучины, гармошка с частушками и плясками под нее вытеснили хороводы. Про хороводы забыли даже самые старые коренные жители этой деревни...

Ракомские посидки (местное название увеселения молодежи) существовали до начала Великой Отечественной войны. «Девчата приходили с керосиновыми лампами, парни откупали гармошку, по рублю – по два гармонисту давали. На поседке в кадрили ходили, играли в «Попа», «Вишеные рвали», – вспоминает Ершов Михаил Федорович, 1926 года рождения. «В «Вишеные» так играли: меня поставят на скамейку, а передо мной два парня с руками на плечах. Мой парень должен запрыгнуть к ним на руки и достать меня поцелуем. Потом на скамейку другую девушку поставят, и ее парень должен «вишеные сорвать» – поцеловаться» (Красильникова Анна Сергеевна, 1910 года рождения, местная).

Якушкин записывал фольклорно-этнографический материал не только расспрашивая информаторов, но и сам включался в реально происходящие обряды, праздники русского народа. Данный способ записи фольклорного материала называется методом включенного наблюдения. Нам, фольклористам уходящего XX века, остается только позавидовать собирателям пушкинских времен, которые имели возможность фиксировать материал реально существующих обычаев и обрядов. В современности многие жанры народной культуры утрачены, многие хранятся в памяти стариков, доживающих свой век. И все же нам удастся встречаться не только с вариантами уже записанных образцов народной культуры, но и открывать для себя новые жемчужины музыкально-поэтического фольклора, как, например, музыкальные народные сказки, которые по праву могут занять достойное место в Своде русских народных песен России.

ПРО МЕРУ ЯГОД

Жили-были папа и мама, было у них три дочки. Этих доченек посылает папа в лес:

– Идите, доченьки, в лес да наберите по мере ягод. А я вам дам по золотому камню.

Вот эти доченьки пошли в лес, нашли много брусники. Брали – брали... Уже стемнело, надо домой идти. Старшая и середнюха набрали да не по мере, и давай у младшей отбирать бруснику. Отбирают, а она ревит, не отдает ягод. Они стали бить, хвостать ее. И до чего оны ее домуштровали, что она умерла. Старшая и середнюха зарыли младшую под кочечку, забрали бруснику и пошли домой. За то, что много брусники принесли, батюка дал им по золотому камню и спросил:

– А где Санюшка?
– Да она сейчас придет, она уж добывает бруснику.

Ночь прошла – нету дочки, утро настало – нету, и день прошел – нету. Вот погнался пастух туда, где они ягоду брали. Коровушки пасутся, а он сел на кочечку, где Санюшка была зарыта. И там на этой кочечке дудочка выросла. Он взял, эту дудочку срезал, сделал рожок и стал трулькать. Этот рожок начал выговаривать:

*Били, губили,
Две сестры родные
За меру ягод,
За золотой камень.*

Погнал пастух коровушек домой, а рожок это же играет:

*Били, губили,
Две сестры родные
За меру ягод,
За золотой камень.*

Мать-то услышала и спрашивает у пастуха:

– Где ты этот рожок сделал?
– А там коров пас, на кочечке посидел и рожок срезал.
– Пойдем, сведи меня на эту кочечку.

Ну, вот, и пошли. Он показал эту кочечку. Мама стала разрывать ее, а там Санюшка мертвехонька лежит. Она плакала-плакала, взяла дочку в охапку и отнесла домой. Санюшка похоронили, а старших дочек уж и побили-то, и поколотили-то. Так и стали эти дочки неродимы.

(3 ноября 1991 года. Информатор – Чернышева Е.В. 1922 года рождения из деревни Заручевье Пестовского района).

ЖИЛИ ДЕД И БАБА

Жили дед и баба. И баба такая непослушная была. Вот пошел дед сено косить и говорит бабе:

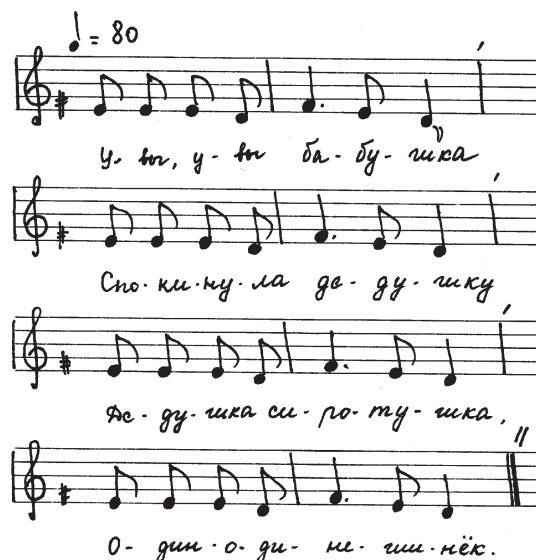
– К полудню принеси мне поись. Только через реку пойдешь, не ходи кладкой, она пристоявшая, может сломаться. Иди мостиком.

– Нет, пойду кладкой!
– Не ходи!
– Пойду!
– Ну, пойдешь, так не трясись.
– Потрясусь!
– Не трясись!
– Потрясусь!

Вот сошла она на кладку-то и вспомнила, что дед не велел трястись. Трях-трях – кладка сломалась, и баба бултых в

воду. Утонула. Блины и сметаны поплыли по воды. Дед ждал-ждал обеда, не дождал: «Поеду домой!» Приехал домой, туда-сюда, бабы нет. Ен и вспомнил: «Пойду-ка я к кладке, не утонула ли она?» Взял кочаргу и пошел. Пришел. Кладка сложившаяся, блины плавают, сметана плавает, бабы нет. Вот ен шарить. Шарил-шарил, бабу нашел, вытащил на берег и заплакал:

*Увы, увы бабушка
Спокинула дедушку,
Дедушка сиротушка,
Один-одинешинек.*

Идет медведь:

– Дедушка, дедушка, чего ты плачешь?
– Да как мне не плакать, баба утонула.
– Давай я поплачу.

– Поплачь, мишенька!

Вот ен так громко заревел, у деда уши заткнулись:

– Мишка, ты худо плачешь.

Мишка ушел в лес, а дед опять заплакал:

*Увы, увы, бабушка
Спокинула дедушку,
Дедушка сиротушка,
Один-одинешинек.*

Идет волк:

– Дедушка, дедушка, чего ты плачешь?

– Как мне не плакать, баба утонула.

– Давай я поплачу.

– Поплачь, волченька.

Вот ен так завоевал страшным голосом, у деда сердце в комок сжалось:

– Иди, волк, ты худо плачешь.

Опять заплакал дед:

*Увы, увы, бабушка
Спокинула дедушку,
Дедушка сиротушка,
Один-одинешинек.*

Идет лиса:

– Дедушка, дедушка, чего ты плачешь?

– Да как мне не плакать, баба утонула.

– Давай я поплачу!

– Плачь, лисынька.

Вот ена так хорошо завела голосом, так хорошо заплака-

ла. Голосок-то тоненькой. Деду так понравилось:

– Ой, лисынька, как ты хорошо плачешь, что тебе за это?

– Курочку.

Принес дед курочку:

– Лисынька, поплачь еще.

Ена опять заплакала тонким голоском:

*Увы, увы, бабушка
Спокинула дедушку,
Дедушка сиротушка,
Один-одинешинек.*

– Ну, чего что тебе за это?

– Теперь носи гусыньку.

Ен и гусыньку принес. Она и гусыньку съела, еще лучше заплакала:

*Увы, увы, бабушка
Спокинула дедушку,
Дедушка сиротушка,
Один-одинешинек.*

– Теперь носи овечку.

Вот ен за овечкой-то пошел, а лиса бабу в лес утащила. Дед пришел – ни лисы, ни бабы. Загоревал пуще того и пошел домой. И сейчас живет один, горюит.

Ну, и сказка вся,

Говорить нельзя,

Кабы рюмочку винца,

Я б сказала до конца!

(Июнь 1987 года. Информатор – Герасимова Татьяна Алексеевна, 1912 г.р. из деревни Клопцы Вологодского района). Вариант данной музыкальной сказки «Дед и лиса» опубликован в сборнике Е.Н. Разумовской «Традиционная музыка русского Поозерья». СПб., 1998. – С. 206.

ПРО ЛИСУ И ЗАЙЦА

У зайца была избенка лубяная, а у лисы была со снегом сделана. У лисы растаяла избушка, и она пошла попросилась к зайцу пожить. Заяц как добрый пустил его пожить. Вот живут-живут малыши, она его и выгнала. Идет заяц по дороге плачет, встречается ему волк. Вот волк его и спрашивает:

– Ты чего, заяц плачешь?

– Да как мне не плакать? Вот была у меня избенка лубяная, у лисы ледяная, лисы растаяла. Она попросилась ко мне пожить, да меня и выгнала.

Волк говорит:

– Пойдем, я выгоню.

Пришел, там завуял. А лиса закричит на него:

– Как выскочу, как выпрыгну, как полетят клочки по заулочку!

Волк спужался и ушел. Опять пошел заяц по дороге, плачет. Попадает собака ему навстречу:

– Пойдем, я выгоню.

Собака полаяла, полаяла. А лиса как закричит на нее:

– Как выскочу, как выпрыгну, как полетят клочки – кусочки по заулочку!

Собака спужалась и убежала. Идет заяц по дороге, плачет. Попадает зайцу птун:

– Заяц, а заяц, ты чо плачешь?

– Как мне не плакать. У меня была избенка лубяная. У лисы – ледяная. У лисы растаяла. Она попросилась ко мне пожить, да меня и выгнала.

– Пойдем, я выгоню.

– Да нет, Пятун, уже волк гнал – не прогнал, собака гнала – не прогнала, и тебе не прогнать.
– Пойдем, я сказал, что выгоню.
Пошли. Пятун запел:
– Ку-ре-ку-ку, иду на пятах, несу косу на плечах. Лисы голову снесу!

Лиса молчит. Он опять запел:
– Ку-ре-ку-ку, иду на пятах, несу косу на плечах. Лисы голову снесу!
Вот лиса и кричит:

– Удеваюсь!
Он еще громче запел:
– Ку-ре-ку-ку, иду на пятах, несу косу на плечах. Лисы голову снесу!
Тогда она кричит:
– Убуваюсь!
Как он еще-то раз запел: ведь все-таки коса, лисы голову снесу. Лиса спужалась, выскочила, убежала в лес. А оны с петушком зайчик стали жить поживать да добра наживать.

Сколько у меня их выросчен? (27 октября 1998 г., информатор Дмитриева Л.С. из деревни Ратицы Волотовского района). Четыре внука и внучка. И все оны у меня жили маленькие. Вот, бывало, ложишься спать:
– Ну, бабушка, скажи сказку.
И начинаю говорить. Расскажу, а потом уговариваю:
– Курочки вси спят, и петушки спят, давай и мы будем спать.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ По материалам В.М. Сидельникова «Фольклоризация произведений Пушкина». «Пушкин на юге. Труды Пушкинской конференции Одессы и Кишинева», изд. 2. Кишинев, 1961, С. 15-29.

² Народный театр. - М., 1991, С.69-70.

³ Там же, С.78.

⁴ Г.Н. Парилова, А.Д. Соимон //Киреевский П.В. Собрание русских народных песен П.В. Киреевского. Тула, 1986. – С.46.

⁵ Там же, – С.45.

⁶ Там же.

⁷ Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия. Изданы Обществом Любителей Российской словесности при Императорском Московском Университете под редакцией действительных членов Общества академика В.Ф. Мюллера и профессора М.Н. Сперанского. Выпуск 1 (Песни обрядовые). – М: Печатня А.И. Снегирева, 1911. – С. XX.

⁸ Русский архив. 1905, №2. – С. 146.

⁹ П.В. Киреевский. Публикация П.Д. Ухова. Вст. статья А.Д. Соимова. Комментарий Н.П. Колпаковой // Киреевский П.В. Собрание русских народных песен П.В. Киреевского. Тула, 1986. – С.600.

¹⁰ «Песни, собранные П.В. Киреевским». - М; типография Бахметова, 1863. Вып.5. Песни былевые: I. Новгородские, II. Княжеские - С.114.

¹¹ Там же, С.147, 164-165.

¹² Киреевский П.В. Собрание русских народных песен П.В. Киреевского. Тула, 1986. - С.81.

¹³ М.А. Лобанов, К.Е. Корепова, А.Ф. Некрылова. Нижегородская свадьба. Пушкинские места. Нижегородское Повольжье. Ветлужский край. - СПб: КультИнформПресс, 1998. - С.11.

¹⁴ Ф.И. Буслаев. Мои воспоминания. – «Вестник Европы», 1891, №10. – С. 6370.

¹⁵ «Живая старина», под редакцией В.И. Ламанского. Год четырнадцатый. СПб., 1905. Вып. 1 и 2 – С.26.

¹⁶ Там же, С. 232.

¹⁷ Подробные наблюдения о говоре новгородских крестьян представлены М.А. Синозерским в публикациях: «О говоре жителей Левочской волости, Боровичского уезда» на примере четырех свадебных песен, записанных со слов Елисаветы Богдановой-крестьянки деревни Звягино Левочской волости 20 июля 1845 года // Живая старина. Вып. III, IV. 1895 // Отдельный оттиск. Материалы по Новгороду. Сборник 22. – С. 376 –380.; «Духовные стихи, записанных со слов слепой крестьянки Крестецкого уезда, Лажинской волости, д. Жарухи, Матрены Матвеевой» // Живая старина. Вып. III и IV. 1895 // Материалы по Новгородскому уезду. Сборник 22. – С. 449-499; «Сказки, записанные со слов крестьянки д. Погорелки, Минецкой волости // Живая старина. 1903. Вып.4. – С. 489-496. Соловьев В.Ф. Особенности говора Новгородского уезда. СПб., 1904. – 60 с.

¹⁸ Якушкин П.И. Путевые письма (1858)//Сочинения Павла Якушкина. СПб., 1884, С.181-185. Переиздано в кн. Якушкин П.И. Сочинения. М., 1986, с. 43-44; М. Лобанов. Посиделки в Новгородской области. Песни и игры. – Н., 1988. – С.3.

Борис ЗОРИН

ПУШКИНСКАЯ ТЕМА В ТВОРЧЕСТВЕ НОВГОРОДСКИХ КОМПОЗИТОРОВ РИМСКОГО-КОРСАКОВА И ЛЯДОВА

В своей поздравительной речи, произнесённой в честь Николая Андреевича Римского-Корсакова на чествовании композитора 27 марта 1905 года в театре В. Ф. Комиссаржевской после завершения оперы «Кощей Бессмертный», великий русский критик, наставник композитора, страстный поклонник его творчества Владимир Васильевич Стасов, говоря о высоком назначении художника, его роли в искусстве и той борьбе за это искусство с обывателями, которую вёл композитор, процитировал строчки из «Полтавы» Пушкина: «тяжелый млат, дробя стекло, куёт булат».[1, с. 84] Такое сравнение далеко не случайно: великий поэт и музыкант жили в разные времена, но жизнь и судьба объединяет их в высоком служении своему искусству и той неприязни и противодействию реакционных сил общества, которое это подлинное искусство вызывало.

Пушкинская тема в творчестве Н. А. Римского-Корсакова, этого «летописца земли русской», по словам Стасова, и певца Новгородской земли (он родился в городе Тихвине Новгородской губернии), занимает особое место. Она проходит через весь его яркий и долгий жизненный путь и представлена во всех излюбленных жанрах творчества композитора. Многообразие этих жанров, приёмов и способов выражения музыкального материала повлекли за собой богатство прочтения пушкинского наследия. И здесь сочинения этих великих творцов имеют много общего. Как и у Пушкина, с одинаковой лёгкостью и совершенством создающего роман в стихах, драму или историческую повесть, произведения Римского-Корсакова на сюжеты Пушкина исключительно разнообразны по своей жанровой выразительности и средствам музыкального языка. Уровень художественного воплощения этих произведений позволяет безусловно считать их одной из кульминаций в пушкинском музыкальном наследии, которое нам оставил XIX век. Этому утверждению есть основания, если попытаться кратко сформулировать основные исторические этапы прочтения пушкинского творчества в музыке.

Как известно, пушкинское наследие получило достойное воплощение ещё при его жизни. Современник поэта М. И. Глинка, познакомившийся с Пушкиным в 1819 году, не только стал свидетелем расцвета его дивного дарования, но и первый воплотил художественные образы Пушкина в музыке. Не случайно Глинку в музыкальной литературе принято

называть «Пушкиным русской музыки», опираясь на высокий художественный уровень и содержание его музыкальных произведений, которые положили начало русской музыкальной классике. В музыкальной литературе о Римском-Корсакове неоднократно подчеркивалась неразрывная связь творчества Римского-Корсакова с традициями классического искусства и творчеством Глинки, а также то, что первыми произведениями, которые изучает молодой композитор, не достигший ещё 20-летнего возраста, стали клавиры опер Глинки.[2,3] Опера «Руслан и Людмила», написанная Глинкой в 1842 году уже после трагической гибели поэта (как известно, Глинка глубоко сожалел о том, что Пушкин сам не мог принять участие в создании либретто оперы), стала эталоном для последующего музыкального прочтения пушкинского наследия, сконцентрировав в себе высочайшее художественное мастерство, демократичность и народность музыкального языка, совершенство инструментовки. Трагическая мелодия-эпитафия поэту «Есть пустынный край, безотрадный брег...» стала тональностью, определившей особенную чистоту и внимание музыкантов, прикасающихся к пушкинскому наследию в дальнейшем.

Другой важнейшей вехой в биографии Римского-Корсакова стало его сближение с величайшим русским музыкантом-классиком А. С. Даргомыжским и посещение его домашних вечеров. Особенности музыкального языка этого самобытнейшего композитора, одного из музыкальных наставников Римского-Корсакова, который оставил нам обширное творческое наследие произведений на слова Пушкина, а также то, что Римский-Корсаков окончил, оркестровал и издал оперу «Каменный гость» Даргомыжского — «капитальнейшее музыкальное создание XIX века»[1, с. 75], оперу, открывшую новые пути и музыкальный язык речитатива в прочтении пушкинских «Маленьких трагедий» — позволяют нам сделать вывод о глубоком влиянии музыкального речитатива на творческий язык Римского-Корсакова (о чём он и сам упоминал в «Летописи моей музыкальной жизни»).[4]

Следует отметить также дружбу, совместную работу и даже «совместно житьё» в начале 70-х годов с музыкантом трагичнейшей судьбы — Модестом Петровичем Мусоргским, затем оркестровку и редакцию оперы «Борис Годунов» на сюжет пушкинской драмы, которую Римский-Корсаков выполнил с присущим ему творческим своеобразием.

Пушкинское наследие Римского-Корсакова включает в себя музыкальные произведения, которые композитор создавал на протяжении всей своей долгой творческой биографии в различных музыкальных жанрах. Центральное место в нём занимают оперы — «Моцарт и Сальери» (соч. 1897 года), «Сказка о царе Салтане» (соч. 1899 года) и «Золотой петушок» (соч. 1906-1907 годов). Рамки статьи не позволяют сделать объёмный анализ этих произведений, поэтому позволю себе кратко остановиться на основных особенностях их музыкального языка.

Опера «Моцарт и Сальери» — драматические сцены ор. 48 на текст одноименной маленькой трагедии Пушкина — посвящена памяти А. С. Даргомыжского. Это музыкальное произведение — настоящая камерная опера, сочинённая в 1897 году и поставленная годом спустя, явилась этапом, открывшим новые пути в творчестве композитора. К этому времени автор уже семи опер и многочисленных симфонических, вокальных, камерных произведений, Римский-Корсаков пытался расширить выразительные возможности музыкального языка. «Почувствовал, что сочиняю... иначе, чем прежде. Мелодия... следя за изгибами текста, стала выходить у меня чисто вокальной, то есть становилась таковою в самом зарождении своем, сопровождаемая лишь намёками на гармонию и модуляцию. Сопровождение складывалось и вырабатывалось после сочинения мелодии, между тем как прежде, за малыми исключениями, мелодия создавалась как бы инструментально, то есть помимо текста... Я набросал небольшую сцену из пушкинского «Моцарта и Сальери»... причём речитатив лился у меня свободно, впереди всего прочего, подобно мелодии последних романсов...» Сочинение оперы происходило на даче в Смычкове в шести верстах от Луги. «...Я принялся за пушкинского «Моцарта и Сальери» в виде двух оперных сцен речитативно-ариозного стиля. Сочинение это было действительно чисто голосовым; мелодическая ткань, следящая за изгибами текста, сочинялась впереди всего; сопровождение, довольно сложное, образовалось после, и первоначальный набросок его весьма отличался от окончательной формы оркестрового сопровождения. Я был доволен; выходило нечто для меня новое и ближе всего подходящее к манере Даргомыжского в «Каменном госте».[4] Эта блестящая литературная зарисовка из «Летописи моей музыкальной жизни» Римского-Корсакова проливает свет не только на процесс творчества композитора, рассказанный самим автором сочинения, но и является свидетельством постоянных творческих поисков максимально точного, соответствующего замыслу поэта воплощения совершенного по своим литературным достоинствам литературного текста «маленькой трагедии».

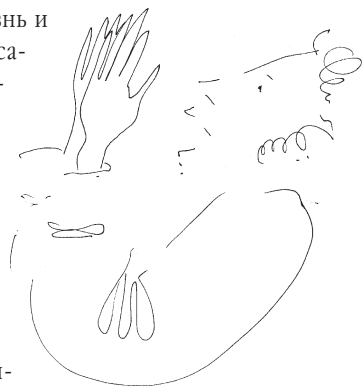
Оперное воплощение «Моцарта и Сальери» Пушкина было по достоинству оценено современниками композитора благодаря великолепному исполнению роли в опере великим Ф.И. Шаляпиным, который создал подлинный музыкальный спектакль-трагедию, по глубине психологического содержания и воплощению образа приближающийся к лучшим образам романов Ф.М. Достоевского. Стасов писал об этой опере, что она представляет «громадный перевес правды, вдохновения, творчества, изумительной характеристики художественного мученика Сальери — и красоты. Чудный речитатив самого Моцарта перед исполнением отрывка из «Реквиема» есть высший речитатив среди всех, что сотворены до сих пор Римским-

Корсаковым».[1, с. 74] Восторженные оценки произведения В. В. Стасовым не потеряли своего значения до наших дней. Действительно, достоинства этого сочинения, неоднократные постановки которого осуществляются многими музыкальными театрами мира, являются мелодический речитатив высокого художественного уровня, глубоко продуманный модуляционный план и форма произведения, укрепленная каркасом, лейтмотивов, а также особая «камерность» сочинения — тенденция, продолжение которой можно обнаружить в музыке XX века. Добавим к этому особый малый состав оркестра, стилизованный под моцартовское время, особенную «русскую» идею борьбы добра и зла, гения и злодейства, внутренней борьбы правды и лжи, преступления и наказания, и то, что композитор воспользовался текстом Пушкина практически без всяких изменений. «Моцарт и Сальери» — произведение зрелого мастерства композитора, отличающееся не только глубиной психологических образов, но и открывающее новые пути оперного искусства XX века (опера «Мавра» И. Стравинского, написанная также на пушкинский текст).

Сказки А.С. Пушкина, наряду с драматическими произведениями, стали основой замечательных музыкальных произведений композитора. Опера «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре Гвидоне Салтановиче и о прекрасной Царевне Лебедь» в четырёх действиях с прологом на либретто Владимира Ивановича Бельского по одноименной сказке Пушкина (соч. 1899-1909 годов) представляет собой новое слово в жанре оперы-сказки. Соловцов в книге «Жизнь и творчество Римского-Корсакова» пишет: «Было бы упрощением сказать, что «Сказка о царе Салтане» — опера-лубок: такое определение не охватило бы всех жанровых особенностей «Салтана». Но элементы лубочности, шуточных песенных и театральных народных жанров несомненно весьма характерны для стиля «Салтана». Лубочный, нарочито наивный, подчас «скомороший» характер выдержан в развитии фабулы «Салтана» и в большой степени в тексте».[1, с. 456]

Музыкальный язык оперы отличается нарочитой театральностью. Практически в каждой сцене присутствуют элементы яркой изобразительности (чего стоит знаменитый «полёт шмеля», который стал уже одним из самых популярных сочинений всех времён и народов!), «речитативам придан особый характер сказочной наивности»[4], как говорит сам автор. Содержание пушкинского произведения раскрывается в большей мере посредством оркестровой звукописи симфонических законченных эпизодов — музыкальных картинок, которым предпослан эпитафия Пушкина («Три чуда», тема марша Салтана, тема «моря-окияна» и тому подобное), поэтому общее содержание этого музыкального шедевра позволяет говорить о Римском-Корсакове не только как о «добром сказочнике», но и глубоком поэте русской природы, музыкальными средствами иллюстрирующим поэтический мир Пушкина.

Опера «Золотой петушок» («Небылица в лицах») в трёх

действиях с прологом и эпилогом на либретто В. И. Вольского по «Сказке о Золотом петушке» Пушкина (соч. 1906-1907 годов), поставленная в 1909 году, явилась практически последним крупным сочинением композитора, последним мощным аккордом, созданным 65-летним мастером. Вслед за Пушкиным, закончившим своё произведение словами «Сказка ложь, да в ней намёк! Добрым молодцам урок» (как известно, эти слова были изъяты из первого издания Пушкина по требованию цензуры), Римский-Корсаков создал музыкальное произведение острой сатирической направленности, полное политических намёков, современного злободневного для композитора смысла. Не случайно постановка оперы 1909 года уже после смерти композитора вызвала цензурные запреты и изменения в тексте оперы. Таким образом, и у Пушкина, и у Римского-Корсакова, это произведение обрело актуальное звучание. Текст либретто оперы, составленный Бельским, при сохранении основного содержания сказки и строгом следовании фабуле сюжета, претерпел значительные изменения, что не уменьшило остроты сатирической окраски. В основе этого музыкального произведения лежит другой тип музыкальной драматургии — гротеск, решенный с помощью целого комплекса музыкальных средств: использование характерной для композитора гармонии (увеличенное трезвучие), особый колорит оркестра (инструментовка отличается предельной изысканностью и виртуозностью), использование персонажей как типов — «смешных масок», за которыми кроются страшные личины действительной жизни (инструментальные тембры голосов, неестественно высокие регистры в партиях Звездочёта и Шемаханской царицы) и так далее. Всё это делает произведение уникальным на русской сцене в начале XX века, когда композитор со свойственной ему чуткостью к современным течениям музыкальной мысли вносит в музыкальный язык оперы элементы экспрессии.

Говоря об оперном творчестве Римского-Корсакова на сюжеты Пушкина, следует сделать вывод о выдающемся значении этих музыкальных произведений. Музыкально-психологическая драма, добрая сказка, злая сатира нашли в творчестве Римского-Корсакова яркое воплощение и стали центральными произведениями в его прочтении пушкинского наследия.

Пушкинская тема нашла достойное воплощение также в симфоническом, вокально-симфоническом и вокальном творчестве Римского-Корсакова. В 1879 году композитор начал писать симфоническую пьесу «Сказка». Несмотря на неодобрение музыки произведения М.А. Балакиревым, Римский-Корсаков закончил его в 1880 году, параллельно работая над оперой «Снегурочка» (влияние этого произведения на «Сказку» отмечал сам композитор). Эпиграфом к «Сказке» Римский-Корсаков взял слова пролога из пушкинской поэмы «Руслан и Людмила»:

*У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том... —*
особенно выделив строки пролога:
*Одну я помню: сказку эту
Теперь поведаю я свету...*

Творческий замысел сочинения представляет собой музыкальную иллюстрацию образов русского сказочного эпоса. Тонкая, виртуозная звукопись симфонического оркестра,

изображающего волшебный лес, образы Бабы Яги, русалок, лесного озера, создают чрезвычайно яркий, картинный образ волшебных персонажей русской сказочной мифологии, однако лишены определенной сюжетности. Это произведение — настоящий «калейдоскоп сказочных образов»[4], как писал сам автор произведения.

Что касается кантаты «Песнь о Вещем Олеге», написанной в 1899 году для тенора, баритона, мужского хора и оркестра (оп. 58), то замысел этого сочинения возник у композитора как творческий отклик на торжества по поводу столетия со дня рождения Пушкина, которые проводились в 1899 году довольно широко, и Римский-Корсаков отдавал много времени работе в комиссиях по устройству этих торжеств. Это произведение задумано и написано в традициях «русско-славянской оперы», которую композитор наметил в качестве «единственной дороги, по которой способен идти».[4] Однако сценическая судьба кантаты, которую Римский-Корсаков исполнил сам в концерте Русского музыкального общества в качестве дирижера, сложилась неудачно: исполнение было посредственным, успеха было мало, вещь прошла незамеченной. «Очень печально», — сетовал композитор в своей «Летописи».[4]

Особое место в творчестве Римского-Корсакова занимают романсы, которых композитор написал около восьмидесяти. Среди них главное место принадлежит пушкинской лирике. Одно перечисление этих произведений дает представление о многообразии тематики и многожанровости вокального творчества композитора: «На холмах Грузии», «Мой голос для тебя и ласковый и томный», «Я верю: я люблю», «Заклинание», «Для берегов отчизны дальной», «Ты и вы», «Редает облаков летучая гряда», «Эхо», «Поэт», «Анчар», «Пророк», «Медлительно влекутся дни мои», «Не пой, красавица, при мне», «Цветок засохший», «Красавица», «Ненастный день потух», «Гречанка», «Сновидение».

Характер музыки вокальных произведений композитора позволяет говорить о том месте, которое они занимают в его творчестве. С одной стороны, романсы были своеобразными «этюдами», творческими эскизами, на которых Римский-Корсаков оттачивал свое перо для создания более крупных произведений (в письме к В.И. Бельскому композитор писал: «летом, вероятно, буду писать мелочи — романсы, дуэты, хоры и т.д. Надо поучиться, то есть сделать побольше этюдов, а тогда уже приняться за большое...»).[4] С другой стороны, исследователи творчества Римского-Корсакова отмечают особое место романсов в творческом наследии композитора, поскольку их язык резко отличается по характеру мелодики от романсов его предшественников (Глинки, Даргомыжского) и одновременно в самом творчестве композитора стоит особняком.[5] Следует отметить главные особенности вокальной лирики Римского-Корсакова: безупречный художественный вкус, безукоризненную отточенную технику письма, превосходное чувство стиля. Некоторая «явно ощущаемая рассудочность, холодноватость», которую отмечает Соловцев, по чьему мнению эта музыкальная стилистика «помешала им найти дорогу к аудитории», как раз еще раз подчеркивает ту высокую эстетику воплощения поэтического слова, которая находится в центре внимания Римского-Корсакова. Романсы-элегии на слова Пушкина представляют высочайший эстетический пик стиля, когда пылкость и ро-

мантическую открытость высказывания заменяет рассудочная строгость, эмоциональная сдержанность, тонкость зарисовки. Выражаясь языком живописи, эти произведения написаны акварельной манерой, требующей от автора глубочайшего профессионального совершенства. С другой стороны, совершенное выражение в романсах композитора нашли и восточные (ориентальные) мотивы, и жанр баллады («Анчар»), образы которого нарисованы суровыми, зловещими трагическими красками. Таким образом, эта часть наследия композитора занимает совершенно особое место в его творчестве и является одной из лучших страниц отечественной музыкальной пушкинианы. Подытоживая в целом роль Римского-Корсакова в музыкальном воплощении пушкинской темы, следует сказать об исключительно важном для истории русской музыки и мировой музыкальной культуры значении творчества этого бескомпромиссного Мастера, Художника и Учителя.

Творчество композитора Анатолия Константиновича Лядова, одного из последних русских композиторов-классиков конца XIX века и любимейшего ученика Римского-Корсакова («большой природный ум, добрейшая душа и огромный музыкальный талант») представляет собой одну из примечательных страниц истории музыки прошлого столетия. Следуя традиции своего учителя, Лядов пошел по пути, проложенному композиторами Могучей кучки и черпал идеи и образы своих сочинений из сокровищницы народного искусства. Безусловный отпечаток на его творчество отложило пребывание в Полиновке и усадьбе Благодарное (близ города Боровичи Новгородской области), где композитор отдыхал в летнее время в разные периоды своей жизни и отразил образы природы этого края в своих произведениях («Волшебное озеро»), образы фантастического мира русской народной мифологии («Баба Яга», «Кикимора»). Вместе с тем, специфической особенностью творчества композитора была склонность к миниатюризации музыкального материала, программной живописности и тонкой звукописи музыкальной ткани, поэтому даже в своих симфонических произведениях Лядов предстает как лирик.

Пушкинские произведения были горячо любимы и ценятся композитором с юных лет. В одном из шуточных обращений к другу в стихах он писал:

Пишу Онегинским размером.

Высоко Пушкина цена,

Увлёкся я его примером.

Прости, о господи, меня.[6, с.159]

Отзывы композитора о творчестве Пушкина полны восхищения и преклонения перед его личностью («влюблен» в

Пушкина, «даже не влюблен, а раздавлен им», — сообщает он в июле 1890 года).[7, с.35] Вместе с тем пушкинское наследие в творчестве Лядова совсем невелико и включает в себе всего несколько сочинений: романс оп.1 «Не пой, красавица, при мне» (сочинение 1873-74 годов) и «Польский памяти Пушкина» (соч.49 1899 года для большого оркестра).

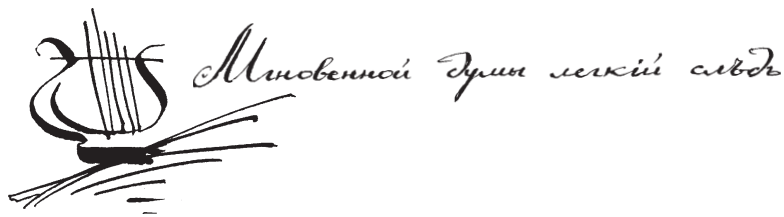
Романс «Не пой, красавица, при мне» оп.1, написанный в период консерваторского учения, вызвал восторженную оценку М.П. Мусоргского, который в письме В.В. Стасову отмечал «Воистину талант! Легко, бесхитростно, бойко, свежо и с силой...».[8, с. 269] В этом произведении композитор следует по пути своего учителя — Римского-Корсакова, однако сам автор оценил произведение критически, видимо предполагая, что ему не удастся превзойти корсаковского совершенства в вокальной лирике, и язвительно отмечал, говоря о своем первом опусе, что «слава, приобретенная романсами — дешевые лавры».[9, с.17] В дальнейшем это направление творчества не приобрело у Лядова развития и опыт сочинения сольной вокальной музыки в традициях русской классики не был продолжен.

Сочинение 49 — симфоническая пьеса «Польский памяти Пушкина», созданное к 100-летию юбилею поэта — явилось данью преклонения композитора перед его памятью и не отражало основной линии индивидуального творческого почерка композитора. Яркий и своеобразный музыкальный мир А.К. Лядова отражает образы пушкинского мира лишь опосредованно — через внимание к традициям русской народной песенной культуры и мифологии, традициям русской сказки.

ЛИТЕРАТУРА:

1. В.В. Стасов. Статьи о Римском-Корсакове. М.: Гос. муз. изд-во, 1953.
2. А.А. Соловцев. Жизнь и творчество Н.А. Римского-Корсакова. М.: Музыка, 1964.
3. И.Ф. Кунин. Н.А. Римский-Корсаков. Жизнь и творчество в воспоминаниях, письмах и критических отзывах. М.: Сов. композитор, 1974.
4. Летопись моей музыкальной жизни. Л.: Музыка, 1974.
5. С. Маггид. Стилистические особенности романсов Н.А. Римского-Корсакова. Ц. по книге А.А. Соловцева.
6. Н. Запорожец. А.К. Лядов. М.: Гос. муз. изд-во, 1954.
7. М. Михайлов. А.К. Лядов. Очерк жизни и творчества. Издание 2-е, дополненное. М.: Музыка, 1985.
8. М. Мусоргский. Письма и документы. М.-Л., 1932.
9. Архив А.Н. Римского-Корсакова. А.К. Лядов, гл. II, ц. по книге Н. Запорожец «А.К. Лядов».

Владимир ТЮРИН

НАЧАЛО ВСЕХ НАЧАЛ

Русский литературный XVIII век не только был подытожен Пушкиным, но и явился как бы Пушкиным до Пушкина — в совокупности всех родов литературы, всех художественных направлений, жанров и изобразительных средств. Величайшие возможности и потенции русской и мировой литературы Пушкин возвел на уровень универсализма и гениальности. У него не было периода ученичества и подражательности предшественникам. Художником он родился как бы сразу, в одночасье, будучи еще практически ребенком.

Универсалом проявил себя Пушкин в трех литературных направлениях — классицизме, романтизме и реализме. Классицистический жанр оды поэт раскрыл в ее доселе неизвестных ипостасях («Вольность», «Деревня»), и возвел на новый уровень. На высоте своего гения оказался он и в романтических поэмах — «Руслан и Людмила», «Цыгане», «Кавказский пленник», «Братья-разбойники», «Бахчисарайский фонтан». Становится Пушкин также зачинателем и оформителем русской реалистической литературы в то время (20-е годы XIX века), когда этот метод только формировался и в литературе

европейской (Гёте, Мериме). Здесь можно назвать и «Евгения Онегина», и «Бориса Годунова», и «Графа Нулина», и «Повести Белкина», и так далее. Причем у Пушкина ни в одном художественном методе не было «главных» и «неглавных» произведений, «шедевров» и «нешедевров». Тем более нельзя говорить о наличии у него слабых, неровных произведений, — их просто не было. В том числе и среди многочисленных набросков, фрагментов, начинаний.

Удивительно универсален Пушкин был в жанровом отношении, превосходя в этом плане абсолютно всех предшественников и писателей последующих поколений. И здесь рядом с ним могут стоять, пожалуй, только француз Вольтер и немец Гёте. Одно только перечисление пушкинских жанров, предположим, в лирике — это целый список: элегии, эпиграммы, пародии, сонеты, поэмы, баллады, сказки, оды, антологические стихи, подражания (только как жанр), политические инвективы, романсы, песни, стансы, эпитафии, сатиры, альбомные стихи, надписи и так далее. И в каждом жанре поэт, в стремлении к синкретизму, к их взаимообогащению, преодолевал жанровые каноны, раздвигал их рамки. В одном и том же стихотворении Пушкин сочетает различные жанровые структуры: послания и оды («К вельможе»), альбомного стихотворения и элегии («Что в имени тебе моём?..»), политической инвективы и баллады («Олегов щит»), элегии и оды («Андрей Шенье»), и так далее, создавая тем самым свои, пушкинские жанры. Трудно назвать жанр, которого не было бы в пушкинской лирике. Казалось бы, нет басни. Но диалог, басенная мораль — найдутся. Хотя бы, к примеру, в «Сказке о попе и работнике его Балде» («...не гонялся бы ты, поп, за дешевизной!»)

Как бы уравнивает пушкинскую лирику его драматургия. Есть высокая трагедия — «Борис Годунов», написанная белым стихом. У Пушкина ничего не написано в жанре комедии, но комедийное начало, в значительной мере свойственное его таланту в той же лирике, компенсирует отсутствие комедии в его творчестве. Но, не написав ни одной комедии, Пушкин создал новый жанр в драме — «Маленькие трагедии», уравнившись в них по художественному совершенству и с «Борисом Годуновым», и с лирикой.

В прозе Пушкин достиг таких же вершин, как в лирике и драме. «Повести Белкина», «История села Горюхина», «Дубровский», «Капитанская дочка», окончательно закрепили ре-

алистические начала в русской прозе. И здесь Пушкин разнообразен в жанрах: есть у него и повести, и стоящий на грани повести и романа «Дубровский», и роман «Капитанская дочка». В жанре путевых заметок написано «Путешествие в Арзрум». Есть множество набросков, которые могли стать рассказами, романами или повестями...

Универсален Пушкин был и в тематике произведений. Пожалуй, невозможно назвать тему, которой бы он не коснулся. Темы его стали зернами тех многочисленных тем, которые развивала после него последующая русская литература — начиная от Лермонтова и Гоголя и кончая Чеховым.

Универсализм Пушкина проявился в изображении всех сословий и классов. Крестьяне, дворяне всех состояний, чиновники, священники, военные, государственные мужи, мещане, самодержцы, князья, завоеватели, самозванцы, рыцари, волхвы, мелкие торговцы и прочие, — все они представлены на страницах пушкинских творений. Представлены у него и все ступени социальной лестницы — от раба («Анчар») до царя («Медный всадник»). То же в изображении наций и народностей: русские, армяне, грузины, тунгусы, молдаване, французы, евреи, испанцы, «литвины», африканцы — далеко не полный их перечень. То же можно сказать и о «географии» его произведений: список «мест действия» и упоминаемых им географических пунктов был бы не менее обширен. Неутомимый путешественник, Пушкин покрыл путь в 20 тысяч верст. И это при том, что он был «невыездной». Можно только представить, где бы он еще побывал, дай ему государь свободную подорожную!

Прекрасно зная европейскую литературу, поэт широко

использовал в своем творчестве мифы, образы и мотивы мировой культуры — от античных до почти современных ему. Перерабатывая «чужой» сюжет, он делал его «своим», оригинальным и неповторимым.

Гений берет «свое» там, где находит. К примеру, все «Маленькие трагедии» построены на

заимствованных сюжетах. Однако кто сможет сказать, что «Маленькие трагедии» — не пушкинские?

Универсален и гармоничен Пушкин в изображении человеческих страстей и эмоций. Ни одно чувство в его изображении не стало абсолютизированным, преобладающим над другими, каждое из них уравнивается противоположным: раздражение — восторгом, спокойствие — тревогой, ненависть — нежностью, проклятие — молитвой. «...Мне грустно и легко, печаль моя светла...»

У Пушкина нет слабых, плохих произведений. Абсолютно во всем он был на высоте своего гения, равен своему гению, в то время как до него, в его время и после него у всех художников слова (от Ломоносова до Бродского) случались и слабые, и просто плохие произведения. Только один Пушкин был наделен идеальным чувством художественной меры. Пушкин — эталон, у него нет «главного» и «неглавного»: у него всё — г л а в н о е.

Руслан ДЕРИГЛАЗОВ

ТРИ ЭТЮДА

ПОКОЙ И ВОЛЯ

«Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит», — пишет Пушкин летом 1834 года.

Это было страшно трудное для него, изматывающее лето: печатание «Истории Пугачева», хлопоты по отцовскому Болдину — в попытках спасти родителей от разорения, напряжение, неудачи.

«Мой друг» — Наталья Николаевна, уехавшая на лето с детьми — «Машкой и Сашкой» — в калужское имение Гончаровых Полотняный завод.

Стихотворение обращено к жене.

Оно не дописано — в рукописях сохранился план его продолжения:

«Юность не имеет нужды в at home (в своем доме), зрелый возраст ужасается *своего* уединения. Блажен, кто находит подругу, — тогда удались он *домой*.

О, скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню — поля, сад, крестьяне, книги; труды поэтические — семья, любовь etc. — религия, смерть».

И само стихотворение и его предполагаемое продолжение является выражением состояния души поэта о ту пору. Подтверждение тому мы находим в письмах к Наталье Николаевне — стихотворение буквально вырастает из них.

И все-таки есть некая загадочная странность в строке: «На свете счастья нет, но есть покой и воля».

Соблазнительно толковать строку просто как противопоставление «счастья» — «покою и воле», как отрицание счастья.

Но перечитайте письма поэта Наталье Николаевне — как это «счастья нет?» — это письма счастливого человека. Да, живущего трудно, обремененного многими заботами, оскорбленного бесцеремонностью полицейского надзора — и все-таки счастливого!

Да и что такое — «несчастный» Пушкин!..

В письмах к жене он пишет о счастье их любви, желанном счастье независимости. Небезынтересно и такое его рассуждение о счастье в письме П.В.

Нащокину (конец марта 1834 года): «Говорят, что несчастье хорошая школа: может быть. Но счастье есть лучший университет. Оно довершает воспитание души...»

И вот тот же счастливый человек пишет: «На свете счастья нет...»

Да: нет, разумеется, счастья *вообще* — есть, мы понимаем, *счастье покоя и воли*, счастье независимости. Зачем же тогда это противопоставляющее, взаимоисключающее как будто «но»?

В свете счастья нет, может быть?

Да, конечно: счастье — там, где «поля, сад, крестьяне, книги; труды поэтические — семья, любовь...» — в единении с природой, народом, культурой, в трудах поэтических и «чистых негах» *дома*, семьи.

Все как будто, со всей очевидностью, так. И вместе с тем — не так. Потому что ничего не сделаешь с простой и недвусмысленной убежденностью пушкинской строки: «На свете счастья нет, но есть покой и воля». — И далее: «Давно завидная мечтается мне доля — / Давно, усталый раб, замыслил я побег / В обитель дальную трудов и чистых нег».

Кстати, о «трудах поэтических». Пушкинский взгляд на них этого времени проясняет его письмо к М.П. Погодину (начало апреля): «...Пишу много про себя, а печатаю поневоле и единственно для денег... Было время, литература была благородное, аристократическое поприще. Ныне это вшивый рынок».

Следовательно, «труды поэтические» в плане продолже-

ния стихотворения — «про себя», не для «рынка».

Поэзия, желающая остаться поэзией, становится частным, чуть ли не домашним делом.

«Усталый раб» — раб не только императорского двора, но и рыночной литературы. И от этого рабства он тоже хотел бы освободиться — подать в отставку.

Отставка не удалась. Император через Бенкендорфа и Жуковского выразил свое неудовольствие — «и трухнул-то я, — пишет Пушкин жене, — да и грустно стало».

А как мечталось об отставке! о «побеге»!

«...Я не должен был вступать в службу, — пишет поэт жене 8 июня (за три недели до подачи прошения). — Зависимость жизни семейственной делает человека более нравственным. Зависимость, которую налагаем на себя из честолюбия или из нужды, унижает нас...»

Вот почему «на свете счастья нет» — потому что «покой и воля» оказываются недостижимыми для «усталого раба».

Вот почему не закончено само стихотворение: оказалось, что не дано перенести поэту свои пенаты в деревню. Не сбросить с себя тесный камер-юнкерский мундир, не освободиться от цепких лап «вшивого рынка».

Продолжение потеряло смысл.

Выросшее из интимной переписки и глубоко личных переживаний, это стихотворение стало со временем ярчайшим документом трагедии поэта и его времени. Смысл этого документа как никто раскрыл Александр Блок — в своем выступлении-завещании 10 февраля 1921 года «О назначении поэта»: «...Пушкина... убила вовсе не пуля Дантеса. Его убило отсутствие воздуха. С ним умирала его культура». — И далее:

«Покой и воля. Они необходимы поэту для освобождения гармонии. Но покой и волю тоже отнимают. Не внешний покой, а творческий. Не ребяческую волю, не свободу либеральничать, а творческую волю — тайную свободу. И поэт умирает, потому что дышать ему уже нечем: жизнь потеряла смысл».

Покоя и воли не достало величайшему поэту России.

*Кому-то отдавать поклоны,
преlestннzu фyткu целоватъ ~
и знатъ свешло и непреклонно
все то, что им нет нужды знатъ.*

В БРОНZE И В СЛОВЕ

(Два памятника)

Сто девятнадцать лет назад было совлечено покрывало — и его задумчивому взору открылась любимая им Москва.

Сто девятнадцать лет назад он предстал взорам своих поклонников — тогдашних и будущих. И давно уже виден всему миру.

Рукотворный, бронзовый. Опекушинский.

Один век выдохся, другой век пронесся над ним, вокруг него, обдавая своим беспокойным тяжелым дыханием — го-

рячей, чем африканский самум.

Или: он спокойным — раздумчивым — бронзовым шагом прошел сквозь эти годы — и пришел к нам — и идет дальше?..

А вокруг — иное время, кипение иной жизни, иных страстей и судеб... то самое «племя младое, знакомое», накатывающее волна за волной...

К нему не зарастает народная тропа. И не увядают (не переводятся просто) цветы у его подножия.

Идут и идут к нему — на встречу, на поклон — тысячи и тысячи плененных его бессмертной лирой, которой он «чувства добрые пробуждал» — и продолжает пробуждать. И звучат стихи в его честь и слова памяти, преклонения и благодарности.

Второй век уже звучат.

И так и не высказано всего о Пушкине — да и не высказано.

И все же сказано — многое. И многое — незабываемо. Но и среди незабываемого — мудрого, сердечного, близкого — особь статья — речь о Пушкине, произнесенная Федором Михайловичем Достоевским на торжествах по случаю открытия памятника поэту работы А.М. Опекушина в Москве.

Достоевский возвел Пушкину свой памятник. Гений — гению.

Бронзовый был признан сразу и навсегда.

Словесный — потряс всех (речь Достоевского, по свидетельству современника, слушали, как откровение, «как будто до тех пор никто и ничего не говорил о Пушкине»), но сразу и надолго вызвал споры, борьбу мнений и сомнений, поlyingание страстей. Споры эти не окончены и по сей день.

Так по-разному сложилась судьба двух памятников. И это естественно.

Время гудело вокруг — и мимо — бронзового.

А словесный жил во времени. Его несло по всем крутым перепадам из века в век, через «разрывы времен», и на каждом из переломов истории от него требовали своего и понимали по-своему. А он оставался все тем же — оставался неисчерпанным (а может, и неисчерпаемым).

Он жив и сегодня.

Сегодня ясно, что речь Достоевского о Пушкине — не только памятник великому русскому поэту, не только одно из высших проявлений духа и творческого дара великого русского прозаика, это ведь еще и его «заветное слово», завещание потомкам. Значит, и нам. Вслушаемся же в глуховатый и вместе страстный голос Достоевского, «поэта нашей совести».

«Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа, сказал Гоголь. Прибавлю от себя: и пророческое», — так начал Достоевский свою речь. И вся она посвящена раскрытию главнейших, характернейших черт пророческого дара Пушкина. (Пушкинский «Пророк», как известно, был для Достоевского творческим девизом, высшей формулой назначения поэта).

В своих рассуждениях Достоевский исходит из того, что Пушкин был «великим народным писателем», нашедшим «свои идеалы в родной земле». И речь свою он ведет от лица *народа и родной земли* — берет на себя такую вот смелость! (И кто усомнится в его праве?..).

С этих-то высочайших позиций он рассматривает пушкинских «Цыган» и «Онегина». Гениальным открытием Пушкина он считает образ «несчастливого скитальца в родной земле» (Алеко и Онегин), зародившегося «в нашем интеллигентном обществе, оторванном от народа, от народной силы». «Тип этот верный и схвачен безошибочно, тип... надолго у нас, в нашей русской земле поселившийся. Эти русские бездомные скитальцы продолжают и до сих пор свое скитальчество, и еще долго, кажется, не исчезнут», — провидит Достоевский, навлекая на себя гнев прогрессистов. И — оказывает прав.

Действительно, оглянитесь вокруг...

Вот некоторые только черты этого «нравственного эмбриона»: бесплодный мечтатель, он поглощен «фантастическим деланием целей своих», он «в своей земле сам не свой», он «не знает, что ему тут делать, и чувствует себя как бы у себя же в гостях», родной земле «он не доверяет». Он эгоист — «никого не любит, да и не способен даже кого-нибудь любить». «Любит фантазию, да ведь он и сам фантазия». Мгновенно при малейшей обиде загорается «глупенькой злобой» — и тогда страшен: «чуть не по нем, и он злобно растерзает и казнит за свою обиду, или, что даже удобнее... возопиет к закону». И еще характерная черточка: в меру их приобщенности к европам, «в этих мировых страдальцах так много подчас лакейства духовного!»

В наших школьных учебниках литературы эти «скитальцы-страдальцы» носили прозвище «лишних людей» (не знаю, как сейчас). В окружающей нас жизни многообразно проявляется дальний уже их потомок: *интеллигентный обыватель* — или *образованец*, по Солженицыну.

Достоевский в своей речи судит и его. Но, верша этот высокий нравственный суд, он понимает, что оторванность «скитальца» от родной почвы, от народной силы — не только его вина, но и его беда, и, сострадая несчастному, вызывает к нему: «Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость. Смирись, праздный человек, и прежде всего потрудись на родной ниве!» Это «русское решение вопроса» неоднократно предавалось разной интернациональной образцованщиной осуждению как «проповедь рабской покорности». Никак не хотели (не могли) они понять, что — иных средств обрести почву нет: «Не у цыган и нигде мировая гармония, если ты первый сам ее недостоин, злобен и горд, и требуешь жизни даром, даже и не предполагая, что за нее надобно заплатить». Эти слова, произнесенные больше века назад, не так же ли злободневны и сегодня?

И совершенно естественно и непреходяще в связи с проблемой нравственной ответственности каждого за жизнь и перед жизнью звучит заветнейший вопрос Достоевского: «А разве может человек основать свое счастье на несчастье дру-

гого?» — Этот вопрос сегодня звенит в воздухе, но его старательно — не слышат, а реформаторы и идеологи «новорусского» сознания дают на него свой ответ: они — *могут!* И они — *будут!* И что им несчастье отдельного ли человека, целого ли народа! (Впрочем, это уже «Бесы», это другой разговор). У Достоевского в вопросе совершенно однозначно звучит ответ. Через этот вопрос-ответ он приходит к пониманию духовной красоты положительных образов Пушкина. «Да, это есть, стало быть, и дух народа, его создавший, есть, стало быть, и жизненная сила этого духа есть, и она велика и необъятна. Повсюду у Пушкина слышится вера в русский характер, вера в его духовную мощь, а коль вера, стало быть, и надежда, великая надежда за русского человека». И далее (говоря о пушкинской «всемирной отзывчивости»): «Став вполне народным поэтом, Пушкин тотчас же, как только прикоснулся к силе народной, так уже и предчувствует великое грядущее назначение этой силы. Тут он угадчик, тут он пророк». А назначение это, по Достоевскому, «бесспорно всемирное»: «стать братом всех людей»... «внести примирение в европейские противоречия...» Эти прогнозы сегодня, когда «брат всех людей» всеми унижен, обобран и оклеветан и слоняется по перепутьям земли с протянутой рукой, — кому-то могут показаться смехотворными. Не спешите злорадствовать, господа. Еще не вечер... Еще читаются во всех православных храмах предостережения другого пророка: «И иже аще совет совещаете, разорит Господь: яко с нами Бог». — «С нами Бог, разумеете языцы, и покарайтесь...»

Не будем впадать в уныние. Останемся при Достоевском — и при его пророческом взгляде на исторические судьбы русского народа.

Он закончил свою речь словами: «Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем».

Все продолжаем разгадывать. Разгадаем ли когда?

Достоевский, во всяком случае, разгадал многое. И возвел Пушкину свой памятник. На века.

*Слепа надежда и слепа удача.
Любовь слепа — и ненависть незряча.
Души потемки. Сердца глухота.
Спасаящая где же красота?*

«ПРИЮТ СВОБОДНОГО ПОЭТА»

«Я изъездил всю страну, видел много мест, удивительных и сжимающих сердце, — писал Константин Паустовский, — но ни одно из них не обладало такой внезапной лирической силой, как Михайловское».

Здесь Пушкин открыл русскую природу.

Д.С. Лихачев указывает на особое значение чисто русского ландшафта Михайловского и Тригорского — ландшафта, «по-русски обжитого, ухоженного, «обласканного» псковичами со времен княгини Ольги, а то и раньше, то есть за целую тысячу лет. И не случайно, что именно в обстановке

этой русской «исторической» природы... родились подлинно исторические произведения Пушкина — и прежде всего «Борис Годунов».

Природа — парки, леса, озера, Сороть голубая да невысокое небо над всем этим — вот, может быть, главное, что живо здесь с пушкинских времен.

Три парка... три парка!

Тригорский — солнечный даже в ненастье — веселый, праздничный, танцевальный — под его сводами, кажется, все еще звучат, теряясь в немолчном говоре листвы, дружеская болтовня, девичий смех, лукавые вздыханья — и вот-вот, кажется, полетят быстрые шаги по направлению к скамье Евгения Онегина — шаги Пушкина и Языкова...

Отшельнический Михайловский парк — приют одиночества и вдохновения; он высок, суров и величествен — как и окружающие его вековые леса... В этой строгой оправе особенно трогателен своей малостью и щемящей подлинностью домик Арины Родионовны... И липовая аллея ветреницы Анны Керн ничем не нарушает общего чина и тона... А с обрыва над Соротью видны «двух озер лазурные равнины» — Маленца и Петровского (или Кучане) — вот так же они были видны и Пушкину...

Темен и сыр, как погреб, Петровский парк — здесь обитал угрюмый и вздорный пушкинский дед — П.А. Ганнибал, сын «Арапа Петра Великого»...

Здесь все, так или иначе, прикосновенно к судьбе поэта. Так, в церквушке погоста Воронич Пушкин отслужил панихиду по Байрону. А насчет деревни Савкино писал П.А. Осипов: «Нельзя ли мне приобрести Савкино? Я построил бы здесь избушку, поместил бы свои книги и приезжал бы проводить несколько месяцев в кругу моих старых и добрых друзей»... Да, все здесь и по сей день озарено немеркнущим светом его сердечной приязни.

А в нескольких километрах от Михайловского высится на холме Святогорский монастырь, под стенами которого похоронен Пушкин.

Здесь — последний предел его гениальной жизни.

Здесь — эпицентр его бессмертия.

«...В разны годы под вашу сень, Михайловские рощи, яв-

лялся я», — писал Пушкин. Да, он приезжал в Михайловское не раз — и провел в этом «приюте спокойствия, трудов и вдохновенья» в общей сложности около двух с половиной лет. Большая часть этого срока приходится, понятно, на ссылку 1824-1826 годов. О ней — особо.

Ближайшие из современников восприняли ее почти трагически. Из южной ссылки — в северную. В «глушь Псковской губернии», где, как опасались, например, Вяземские, под сивой луной молодого поэта ждет нравственная смерть — а, может, и не только нравственная — застрелится, пожалуй, от тоски... Так казалось из светского, из столичного далека. Но — почитайте письма Пушкина из Михайловского тем же Вяземским, Дельвигу и Языкову, Рылееву и Бестужеву... Первое же из них (по времени) — «Здравствуй, Вульф, приятель мой!» — напроочь опровергает все опасения, а каждое последующее — укрепляет нас в этом. Где же тут тоска? — где уж тут тоске!

Все как раз наоборот. В михайловской ссылке, как свидетельствовал сам Пушкин, его «духовные силы достигли совершенной зрелости». Подтверждением тому — такие шедевры пушкинской лирики, как «К морю», «Все в жертву памяти твоей», «Мой первый друг, мой друг бесценный», «Пророк», «Я помню чудное мгновенье», центральные главы «Евгения Онегина», «Борис Годунов», «Граф Нулин»!.. Добрая сотня произведений, пожалуй, приходится на Михайловское.

Его жалели, ему сочувствовали: ах, бедный Пушкин! Ах, несчастный Пушкин!.. А он был — всегда — выше, счастливее, богаче — любого из сострадателей!

Пушкина сослали — куда же? — в глубь России! К отцу-матери, к родному народу, к родной природе! Александру I, видно, невдомек было, что в России художника сослать нигде нельзя — обречь на светскую суету можно и убить в светской давке можно — только светская жизнь и опасна настоящему для художника. Ссылая — самодержец спасал. Карая — миловал.

Николай же I пожаловал Пушкина камер-юнкерским «полосатым кафтаном», а в отставку — отказал.

«Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит», — писал он летом 1834 года. И — горел нетерпением: «О, скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню...»

Ах, когда бы пожаловали его ссылкой! Да хоть в то же Михайловское... «Покой и воля»... «счастье независимости»... Увы! все это оказалось не для него.

Не сослали — не спасли.

Впрочем, нет, — сослали. В Михайловское же. Но — после смерти.

После времени.

Сослали — в Вечность.

Юрий ФАБРИЧНИН

В Ы Б О Р

Обратитесь с воплем к небу, — оно ответит вам.*(П.Я. Чаадаев — А.С. Пушкину. 1829 год)***Есть мистический смысл во многих жизнях, но не всеми верно понимается. Он дается нам чаще в зашифрованном виде, а мы, не расшифровав, отчаиваемся, как бессмысленна наша жизнь. Успех великих жизней часто в том, что человек расшифровал спущенный ему шифр, понял и научился правильно идти.***(Вяч.Всев. Иванов)***Подсознание подключено к вселенскому банку информации.****Но, к сожалению..., мы не научились сознательно читать подсознание.***(Владимир Финогеев, современный хиролог)***С**амые глубокие из моих ранних мысленных впечатлений об Александре Сергеевиче Пушкине.

На грязных, пыльных улицах Одессы весной-летом 1823 года прохожие встречают невысокого, курчавого, с арабским профилем молодого человека. Он прогуливается с неизменной железной тростью. Вес ее более семи килограммов. Эпатажный Пушкин тренирует руку. Забияка, задира, порох — в случае дуэли он должен быть на высоте.

За Черной речкой в окрестностях Петербурга так же, как и тогда, в 1837 году, — февральский снег, чувствительный ветер, пятнадцатиградусный мороз. Втыкая в снег сухую ветку, отсчитываю десять шагов, оборачиваюсь — и всего-то! Если вытянуть руку — почти что ствол в ствол. Расстояние однозначно смертельное.

Надгробие, напоминающее старинный сундук. Среди опавшей листвы — черный, с проседью мрамор. На нем — золотом — «Ланская».

...Одна из тех, к кому Пушкин был неравнодушен в Одессе, носила странное для русского слуха имя — Каролина-Розалия-Текла. В истории Каролина Собаньская могла бы остаться по многим причинам. Она происходила из знатного польского рода, ее брат был известным писателем, мужем ее сестры стал Оноре де Бальзак. В саму Каролину был безумно влюблен и воспел ее в стихах Адам Мицкевич. Кроме всего этого она была любовницей начальника Южных военных поселений. И кроме всего этого Каролина оказывала услуги по политическому сыску и шпионила за Пушкиным. И этой женщине Пушкин посвятил, пожалуй, самые пламенные строки из своего эпистолярного наследия. «Вам обязан я тем, — писал он Собаньской, — что познал все, что есть самого судорожного и мучительного в любовном опьянении, и все, что есть в нем самого ошеломляющего... Я рож-

ден, чтобы любить вас и следовать за вами — всякая другая забота с моей стороны — заблуждение или безрассудство».

Эти строки написаны в феврале 1830 года, когда Собаньская прибыла из Одессы в Петербург. Пушкин только что вернулся из Псковского имения, волочась там напропалую за «нежной, томной, истерической, потолстевшей Нэтти», — заблуждение. Через месяц-второй он подается в Москву делать второе предложение Натали — безрассудство.

Собаньская оказалась как бы промежуточным эпизодом — пусть ярким и сильным.

Таким же эпизодом — ярким и сильным — отношение к ней поэта получило отражение в одной из сцен «Каменного гостя».

Творениям Пушкина, как, пожалуй, никаким другим, свойственна им же самим выданная формула искусства: мера и красота. В «Каменном госте» основная фабула несложна. Дон Гуан возвращается в Мадрид, в пригородном монастыре встречает донну Анну, затевает интрижку, влюбляется, добивается свидания, вызывает ответное чувство. И вдруг в этом сюжете совершенно, казалось бы, нелогичная сцена, происходящая у Лауры. Готовый к свиданию Гуан посещает Лауру, убивает оставленного ею на ночь брата Командора и тут же, при трупe, он и Лаура предаются своим прежним утехам.

Вряд ли можно согласиться с исследователями, утверждающими, что Дон Гуан очистился любовью к донне Анне, что чувства его глубоки и возвышенны. Но нельзя не признать, что многие и зрители и читатели трагедии, или, по крайней мере, многое в их душе — на стороне Дон Гуана. Завораживают, околдовывают слова его, которых так страшится донна Анна, перед которыми она не устояла.

Лаура — это Собаньская. И не только характером, нравом, поведением. Строки письма Пушкина Каролине чуть ли

не дословно перенесены в текст трагедии: «Но вы увянете, — пишет Пушкин, — эта красота когда-нибудь покатится вниз как лавина». И в трагедии:

...Но когда
Пора пройдет, когда твои глаза
Впадут и веки, сморщась, почернеют...

И в письме, и в сцене есть слово «мелодия». Оно породило широко известную мысль, высказанную одним из гостей Лауры: «Из наслаждений жизни одной любви музыка уступает; но и любовь — мелодия».

Для Пушкина любовь была мелодией. В его поэтической душе она могла звучать единственной, их могло быть несколько, они могли дополнять друг друга, одна могла звучать слабее, другая сильнее, могла затухать и вспыхивать вновь, наслаиваясь на существующую и рождающуюся. Ради этого — «любовь — мелодия» — Пушкин и нарушил, как мне кажется, композиционную стройность драматического повествования.

Но личностное не только в этом эпизоде «Каменного гостя». И в самом деле. Трагедия отношений Дон Гуана и Командора — не в соперничестве, не в притязаниях на сердце Анны. Ведь, убивая на дуэли Командора, повеса не был даже знаком с его женой-красавицей. Трагедия в предназначении, в дороге. Кто-то из них устремился на чужую колею. Произошло столкновение. Кто? Дон Гуан? Но он верен своей звезде (может быть, и для этого — сцена с Лаурой). Командор? Весьма возможно. Он попытался жить не по любви. Овладел не посланным ему свыше. Возможно, возможно... Но есть еще третье действующее лицо — Анна. Именно ей было дано развести движущиеся объекты: не выйти за Командора, не приветить, не дать надежду Гуану.

В жизни едва ли кто-либо встанет на сторону Командора (держал, видите ли, Анну взаперти). Не поэтому ли, чуть только похоронила мужа, она тут же позволила Гуану соблазнить себя словом. И дело не кончилось постелью только потому, что даже каменному ее супругу стало стыдно за нее. В то же время, как уже отмечалось, у кого не вызовет сочувствия Дон Гуан? В этом наша даже не двойственность, как монетные орел-решка, а двоичность, как единица и ноль. Мы даже не замечаем вины Дон Гуана. Он просто умело находит струны. Он трогает их в нежном изнеможении. Извлекаемые им звуки вызывают в нем жажду (гибельную) и страдание (вечное). Она — его живое дополнение и продолжение, ее с ним единство. Целительница (спутница, любовница, жена) не может не откликнуться. И пусть сначала слабым звучанием на струнах инструмента, именуемого «любовь». Она так далеко схоронила в себе свое отрицание воли и полета, она так оберегала это захоронение холодом и мрамором! Но жар слова растопил их.

Дон Гуан убил Командора, как бы зная, что за донну Анну. Мистическая — во времени — перестановка: должно бы влюбиться и убить, а он убил и влюбился. Ведь из текста трагедии мы не знаем, за что убил. Однако загадки-то, выходит, и нет: за Анну убил. Выходя замуж за Командора, она уже предназначалась другому, ему, Дон Гуану. Предназначалась судьбой.

Автор даже не намекает, кто виноват в этом треугольнике. «Проваливаются», наказуемые, в финале трагедии все. Но

это — в трагедии. А в жизни? Литературоведы уже отмечали, что Пушкин воплотил себя и в Дон Гуана, и в Командоре. Его единение с первым понятно, а со вторым? Когда писалась трагедия, Пушкин еще не был женат. И с Командором у них, пожалуй, общее было лишь одно: пожатые каменной десницы. Вспомним Одессу, железную трость. Современники отмечали крепкую, очень крепкую руку поэта. Да, может быть, еще одна деталь: маленький, тщедушный Командор наткнулся на шпагу Дон Гуана, как стрекоза на булавку. Что-то похожее произошло (хотя там были не шпаги, а пистолеты) и на дуэли Пушкина с Дантесом. Но это уже были предвидение, пророчество, предугаданная судьба.

ука судьбы, ее случайности и превратности то и дело вплетаются в дуэльную историю. В захолустном немецком городишке грязной промозглой осенью пересеклись дороги двух главных действующих лиц этой истории — Дантеса и Геккерна. Исследователи до сих пор гадают, что их — молодого француза, оказавшегося не у дел, и голландского посланника сорока с лишним лет — сблизило. П.Е. Щеголев называет «темным предчувствием» запись в немногословном дневнике Пушкина, сделанную им ровно за три года до дуэли о том, что никому не известный Дантес будет принят в гвардию офицером. Станным образом не заметили друг друга при встрече схавший на дуэль Пушкин и возвращающаяся домой Гончарова. Примеров подобного рода немало, но здесь главное — сама дуэль. Дантес почему-то выстрелил, целясь очень низко, попал в бедренную кость и пуля срикошетила — надо же так — в брюшину. Раненый Пушкин полулежа выстрелил гораздо удачнее, чем Дантес. Пуля его легко пробила мякоть руки, защищавшей грудь. Но куда она делась дальше, никто не знает. Предполагают, что попала в пуговицу подтяжки панталон. Удар ее был так силен, что Дантес упал, но последствий выстрела практически никаких не оказалось, словно кто-то таинственный разметил пути зарядов и — не в пользу поэта. В таких случаях в народе говорят: так уж было предписано.

Пушкин если и не знал, то очень ясно предчувствовал это предписание. Выбор — быть дуэли или не быть — он с мужественной легкостью сделал в осенние месяцы 1830 года.

Болдинская осень стала знаменательной не только в творческом отношении, но и в расшифровке знаков, посылаемых ему свыше. Эти знаки касались его женитьбы, ее следствий, и были они даны в виде сюжетов, образов, строк в создаваемых им в эти месяцы произведениях. Можно сказать, что Небо водило его рукой. И действительно, как можно творить, сидя на карантинных чемоданах, как можно творить, не будучи уверенным в благополучном исходе сватовства к женщине, от которой глупеешь, тягостно «задумываясь о предположении семейственном»? Как можно творить, если на тебе неотвязчивым грузом висят денежные долги? Как можно творить, если критики хором твердят, что ты исписался, что ничего путного из-под твоего пера уже не выйдет? Как можно творить при расстроенных вдрызг деревенских делах? А он писал — вдохновенно, легко, без помех, принимая свыше дары словесные. Созданные им болдинские шедевры таят в себе удивительно пророческие предчувствия.

Уже первое стихотворение, которое он записал набело в

Болдине, говорило о той колдовской карусели, которая ему, осеннему Пушкину, предстояла в ближайшие годы.

*Бесконечны, безобразны
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны
Будто листья в ноябре...*

И на следующий день поэт, совсем недавно отметивший свое 30-летие, — как стон, как крик — выплеснет на бумагу:

*Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и...*

Сначала он напишет «мечтать», но слишком это было для него, для его будущего бытия жизнерадостно и просветленно. И он зачеркнет «мечтать» и найдет более точное «страдать». Но даже страдания ему не отпущено судьбой. И он осознает эту безнадежность: «Не хочу, о други, умирать» — как свершившееся, как приговор. Приговор этот вынес он сам себе, сделав свой выбор. Чуть раньше болдинского периода, после помолвки с Натальей Гончаровой, он начнет один из своих прозаических набросков весьма определенными словами: «Участь моя решена. Я женюсь». И вся тяжесть мысли на первом слове, и точка — не запятая, не двоеточие, не тире, — о покорном принятии неизбежности, о намеренном предпочтении предполагаемого трагического финала.

Пушкин был суверен. Хорошо известен случай, когда он, приглашенный на именины (в том же 30-м году, в том же Болдине) соседкой, будучи почти уже у места, вернулся за десяток верст домой, потому что дорогу ему перебежал заяц, и опоздал к столу почти на три часа. Сколько раз он со своим другом Нащокиным распрягал карету только потому, что из дома выносили вдруг кем-то из них забытую безделицу. Уже увидев впервые на балу Натали и охваченный вспыхнувшим внезапно чувством, он продолжает сердечную дружбу с Екатериной Ушаковой. Та соглашается выйти за него замуж (до этого у него было несколько огорчительных отказов от других его избранниц). И вот однажды поэт заявляется к Ушаковой и сообщает:

- Я только что был у знаменитой гадалщицы.
- И что она предсказала вам?
- Что я умру от своей жены.

И Пушкин рассмеялся своей белозубой улыбкой.

— Вы не послушались... Я вам говорила: не надо ходить к этой гадалщице. Теперь я не могу сделаться вашей женой.

В скобках добавим, что это было не мимолетное увлечение. Перед смертью Ушакова сожгла письма Пушкина. «Мы любили друг друга горячо, это была наша сердечная тайна: пусть она и умрет с нами».

До этого было у поэта и другое предсказание: кишиневская цыганка наворожила ему, что он умрет от руки высокого блондина.

Суеверный до кончиков своих длинных ногтей, Пушкин (это, видно было, в роду у них: сестра поэта также была крайне суеверна) пренебрег вышесказанным.

Пушкин был экстравагантен. Его неискоренимой чертой было стремление выделиться из окружающих: необычная прическа, необычная одежда, те же ногти, шокирующие выходы (в театре он аплодировал, хлопая ладонью по плечи своего соседа), вызывающая готовность драться с кем и когда угодно на дуэли. Разные необычные вещицы, которые он любил показывать друзьям (перстень, золотые монетки, та

же железная трость). Женившись, он, как ребенок, гордился своей женой-красавицей. Такой ни у кого не было. Стесняясь на балах стоять рядом с Натали (и некрасивость, и невысокий рост), он не скрывал своего необыкновенного удовольствия: первая московская красавица была «женкой» его, первого поэта России.

Не было ли суеверие вытеснено этой непреодолимой слабостью?

Через год после женитьбы Александра Пушкина выходила замуж Александра Россет. Дружбу с ней он водил до последних своих дней. Натали даже ревновала поэта к ней. В альбом Россет Пушкин написал строки, которыми как нельзя точнее характеризует и себя:

*В тревоге пестрой и бесплодной
Большого света и двора
Я сохранила взгляд холодный,
Простое сердце, ум свободный,
И правды пламень благородный
И как дитя была добра;
Смеялась над толпою вздорной,
Судила здраво и светло,
И шутки злости самой черной
Писала прямо набело.*

И вот Александра выходит замуж. Ее ответ на немой вопрос поэта:

— Смирнов богат, добр.

— Он же внутренне чуждый вам человек.

— Но он был так настойчив в предложении своем, он любит меня.

— Не представляю, как вы могли согласиться?

— Я долго молчала. Страшилась, конфузилась. В сердце было «нет», а я сказала «да».

— Какую глупость вы делаете! Я ценю вашего Смирнова, он славный малый. Но он никогда не создаст вам положения в свете.

— Ах, Пушкин, к черту положение в свете. Сердце хочет любить. А любить совершенно некого. Некого любить, Пушкин. За шесть тысяч душ продала я себя. Шесть тысяч душ для моих братьев. Кто им еще поможет?

Многое в этом почти документальном диалоге перекликается с ситуацией вокруг женитьбы самого поэта. Но одна деталь особо привлекает внимание.

Наталия Гончарова так же, как и Россет, и Пушкин, была отзывчива и добра сердцем (я люблю лицо твое, а душу твою люблю еще более). Что, если... Когда в течение года в семье Гончаровых обдумывалось и обсуждалось почти отвергнутое жениховство поэта, положение старших сестер, подошедших уже к критическому возрасту, было решающим аргументом. Они «засиделись», их надо было вывозить в Москву, в столицу, искать партию. Что, если именно забота о перезревших сестрицах растопила и суровость будущей тещи, и холодность и рассеянность самой Натали? Немало не обходясь в течение этого года с Пушкиным, первая вдруг стала передавать ему поклоны, вторая отвечала благосклонностью, а затем и чуть ли не любовью. Что изменилось? Не радование ли о сестрах (как со стороны Россет — о братьях)? Не жертвенность ли?

А обернулось все по-другому. Вот уж действительно благие намерения ведут в ад. Сестры и в самом деле переехали к Пушкиным. Два лета подряд затем дача их располагалась рядом с летними лагерями кавалергардского полка. Офицеры и

барышни — танцы, гости, вечера, пикники, костры, спектакли. А девушек нельзя было по традициям того времени отпускать одних. И Наталья (младшая!) сопровождала Екатерину и Александру, как мамка. И рядом с изящной, влюбившейся по уши в Дантеса Екатериной всегда была она — прелестная Натали. Пушкина же занимали дела. Так что петербургские зимние балы были лишь послесловием к лагерно-дачным «тусовкам».

В заневестившийся дом Гончаровых Пушкина, занесенного в полицейский список московских картежных игроков 36-м номером, ввел граф Федор Толстой, занимавший в этом реестре первую строку.

В течение месяца поэт непрестанно наезжал в гости. Стыдился и краснел под внимательными взглядами семьи, недипломатично дискутировал с будущей тещей по поводу царских особ и благочестия и все старался угадать, что он — для нее, для Натали.

— С тех пор, как я вас увидел, я полюбил вас. Голова моя идет кругом, когда вы рядом. Могу ли я рассчитывать на какую-либо определенность?

— Право, не знаю. Полагаю, с маменькой вам об этом говорить гораздо лучше было бы.

Маменька, Наталья Ивановна, благосклонно позволила надеяться. Так понял, хотел понять содержание ее ответа прошивший руки ее дочери поэт. Ответ этот был дан 1 мая 1829 года. Есть все основания предполагать, что приведенный выше разговор Пушкина с Натали не мог не состояться, и что, по всей логике развития сватовства, состоялся он где-то за неделю до официального письменного предложения. В этом разговоре Натали не отвергла его. И если это так, то с этого момента, с момента разговора до свадьбы, оставалось 666 мучительных дней.

Не в силах вынести тоски безысходности, Пушкин сразу же уезжает на Кавказ. И здесь, в Тифлисе, он переживает мгновения, подобных которым не знал ни до, ни после.

Образованная молодежь устроила в честь поэта настоящее празднество. Всю ночь за рекою в медовом виноградном саду в честь гостя выступали песельники, танцовщики, баядерки, трубадуры. На ветвях деревьев горели свечи и разноцветные фонари. В середине сада над всеми красовался вензель поэта. Звучали приветствия, рассказы, анекдоты, то и дело раздавалось громкое «ура!», в глазах светился восторг. Пела зурна, немели в лезгинке ноги, к светлой грусти взывали персидские мотивы. И вдруг — стихи Байрона — о том, как трагически прекрасна и скоротечна жизнь.

*Fare thee well, and if for ever
Still for ever fare thee well.*

Русский хлеб-соль, серебряные вазы, цветы и фрукты, чаши, искры шампанского. Все говорило, веселилось, пело. Все вокруг него, для него, в честь него.

Как поэт Пушкин был скромен! С точки зрения поэти-

ческого мастерства он ненароком или по высокомерию не обидел ни одного современника. Хотя, конечно же, осознавал свою гениальность. Ему так хотелось сердечного отклика, тепла, радушия. И вдруг неожиданно все это выплеснулось на него. На него, который в светских сборищах, относящихся зачастую к нему, как к экзотичному фигляру, был отчужден, молчалив и мрачен. И вдруг — это празднество. Под непрерывные «ура!», под гром музыки его, увенчанного, подняли на плечи, усадили на возвышение — в зелени, в цветах.

— Я не помню дня, в который я был бы веселее нынешнего.

При заздравных бокалах — тосты, тосты, тосты...

— Я вижу, как меня любят, понимают, ценят.

Кто как мог, кто как умел, но все — с искренней душой, от чистого сердца.

— Сегодня я узнал, что значит быть счастливым. — Несдержанные слезы на смуглых щеках отразили первую робкую утреннюю зарю. Это было прощание с молодостью, с прежней холостой жизнью, с романтической влюбленностью в нее, в друзей, в женщин.

*Завтра с первыми лучами
Ваш исчезнет вольный след.
Вы уйдете — но за вами
Не пойдет уж ваш поэт.*

Это последние строки болдинской осени. Здесь, в родовом поместье, он пристально всматривается в свое будущее. Гибельный для него выбор сделан, но он словно не верит этому. И считает, расшифровывает кажущиеся ему возмож-

ными варианты. Он в образе каменной статуи, пускай погибшей, все-таки приходит расквитаться со своим молодым соперником. Финальное «проваливаются» заключает сцену, в которой Дон Гуан, пылко излив свою любовь, обезоруживает донну Анну: она — его. Эта картина очень напоминает завершающее действие «Евгения Онегина» (и трагедия, и восьмая глава романа — создания болдинской осени). В романе мы расстаемся с героем, также изливающим свои чувства перед Татьяной. Какой-то эксцентричностью веет от этих сцен. Кажется, что

главное для Дон Гуана — не добиться от Анны ответного чувства, а совершить это в присутствии Командора. Вся интрига трагедии, собственно, в этом: пусть он, неудачник, посмотрит, насколько крепка женская верность. И герой «Евгения Онегина» также, в какой-то степени, неадекватен. Зададимся вопросом: с какой целью он преследует своими признаниями Татьяну? Чего он, собственно, добивается, этот, казалось бы, благородный чудак? Любви? Но любовь была и есть. Ему, как и Дон Гуану, нужна измена, и измена при отягчающих обстоятельствах (воспитанная на патриархальных принципах Татьяна, благопристойный муж ее, чуть ли не друг Онегина). Пружина поступков героев — высшее блаженство соращения. Иначе не скажешь.

Но для Пушкина, разглядывающего сквозь «магический

Рисунок
Александра Сергеевича
Пушкина

кристалл» свою судьбу, важно не поведение Гуана и Онегина. Для него главное — психология героинь. С одной стороны Татьяна — любящая, но верная мужу, неприступная. И нет никакой возможности поколебать ее в этом. С другой стороны Анна — еще не определившаяся в своем чувстве, но уже готовая уступить. Конечно, поэту хотелось бы видеть в своей будущей супруге ларинские черты. Кстати, в характере Натали немало сходства с характером Татьяны (скромность, застенчивость, стыдливость, верность). Но в Натали, по всей видимости, таилось и другое — естественность, романтичность, увлеченность, доверчивость, то есть то, что присуще Анне. Наблюдательные современники отмечали, что из-под длинных бархатных ресниц Гончаровой смотрели веселые глаза с подзадоривающими искорками. В ней сидела ее бабушка, которая, будучи замужем, бежала с ее женатым дедом, и тот привез ее в свою усадьбу, к своей жене, обвенчанный дважды; и она родила ему дочь, и вместе с другими — законными — выросла равноправно в семье и получила, как и все, наследство. Пушкин мог не знать всего этого, но он не мог этого не предугадывать в своей супруге.

Трагизм ситуации и в трагедии, и в романе в том, что герои пытаются овладеть, завладеть «не своим». Волею Неба им предназначенным, но по закону бытия принадлежавшим другим. Вспомним и деда Пушкина, который повесил на деревенских воротах учителя-мусью за то, что того полюбила его жена. Для Пушкина прежнего любовь — высший закон, для Пушкина, пережившего Болдинскую осень, высший закон — преданность, супружеская верность. Конфликт этот не мог разрешиться мирно ни в предположениях, ни наяву. Пока он только это сознавал, а за несколько месяцев до дуэли увидел воочию. В один из семейных тягостных вечеров (приближалась развязка, и поэт интуитивно ее чувствовал) он ходил по комнате из угла в угол. Натали была рядом. Вдруг она увидела, что муж остановился перед большим зеркалом и стал внимательно что-то в нем разглядывать.

— Наташа! — позвал он странным сдавленным голосом. — Что это значит? Я ясно вижу тебя и рядом, — так близко! — стоит мужчина, военный... но не он, не он! (Пушкин имел в виду — не Дантес). Этого я не знаю, никогда не встречал. Средних лет, генерал, темноволосый, черты неправильны, но недурен, стройный. С какой любовью он на тебя смотрит! Да кто же это может быть? Наташа, погляди! (А.П. Арапова, дочь Гончаровой и Ланского).

Наталия, конечно, ничего не увидела. А ведь она могла бы узнать своего будущего мужа, генерала Ланского. Ведь это он, будучи еще ротмистром, стоял в добровольном дозоре при памятном, злосчастном свидании Натали и Дантеса, которое окончательно взорвало Пушкина.

Пушкин покидал Болдино не без приключений, словно судьба давала ему еще один знак. Его карета, съехав по кособокору от барского дома на мост через речку Азанку, обрушила его и застряла. Мужики помогли выволочь ее, а церковный причт отслужил благодарственный молебен по поводу благополучного исхода.

Карета покатила дальше, Пушкин был спокоен, десятки шедевров вышли из-под его пера за эти девять дней. Он освободил из крепостных Ольгу Калашникову, с которой у него была связь еще в Михайловском. А где-то в Москве его ждала его 113-я, как он писал о Наталье Гончаровой, любовь.

(Кстати, донна Анна была у Дон Гуана 1003-ей). Он был спокоен. Обращенный к Небу, он уловил и понял, и сделал выбор.

Он никогда не узнает, что через десять лет родится самая любящая его, пожалуй, душа. Родится во Франции, но будет до мозга костей русской. Она выучит язык России, будет говорить и писать по-русски, обожать Россию и все русское только потому, что здесь родился Пушкин. Она превратит свою комнату в молельню, и перед аналоем поставит большой портрет Пушкина. Она развесит по стенам комнаты другие его портреты, она будет молиться пред его образом, она будет знать почти все стихи Пушкина наизусть, и от этой большой любви лишится рассудка, и умрет незамужней и одинокой. Имя этой необыкновенной девушки Леония-Шарлотта, а фамилия — Геккерт. Родителями ее были Жорж Дантес и Екатерина Гончарова.

Дантес к тому времени уже начинает входить в круг политических и деловых деятелей. Любопытно, что за свои заслуги он вскоре будет произведен в командоры одного из французских орденов.

Просто какая-то фантазмагория. Конечно, все можно списать на странные совпадения, но уж слишком они как-то тесно переплелись: художественные и реальные герои. Отметим, что командор в одном из своих значений был равен в России генералу. И вот — Командор и Анна, Татьяна и генерал, Натали и Ланской (тоже генерал). Более того, Онегин убивает Ленского просто так, чтобы встать затем на колени перед сестрой его невесты. Дантес убивает Пушкина (не скажешь, что просто так, но многое в этой неясной дуэли близко к такой ситуации). Так вот, Дантес, убив Пушкина, стал мужем сестры его жены. Дон Гуан убивает командора тоже просто так, еще не подозревая о том, что вспыхнет возвышенным чувством к его супруге. Можно отметить еще, что Дантес и Ланской — офицеры одного полка, а Ленский и Ланской — чуть ли не однофамильцы. Кроме того, во всех этих историях не только «генеральское», но и «поэтическое». Поэтами были не только Пушкин, но и, как ни странно, Ленский, и даже Дон Гуан.

Может быть, когда-нибудь исследователей, стоящих на позициях более тонкого материального мира, заинтересуют эти (и другие) переплетения в судьбе Пушкина. Нас же интересует лишь одна плотная завязь. Онегин, Дон Гуан, Пушкин — приверженцы и глашатаи свободного чувства, высшего «из наслаждений жизни». Их противовес, антипод — генеральское трио. Будто генерал (дословно — главный) — символ крепкого, устойчивого семейного положения. Небо предлагает человеку соблазн страсти, но с определенной целью, лишь для того, чтобы пребывал вовеки род людской. Сама же по себе страсть по ниспосланному нам завету — пустышка, пусть и подвигающая человека на поступки самые благородные. Пушкин, как уже отмечалось, заявив о своем идеале («мой идеал теперь — хозяйка, да щей горшок, да сам — большой»), обрел себе в жены предмет всеобщего обожания и страсти (и при этом сам не смог порвать со своими гусарскими замашками — у Натали были поводы для ревности). Он сделал выбор, неугодный Небу, но однако сознавал, на что идет. Финал был предопределен.

Но вполне можно рассуждать и о другой дилемме, которая при тасовании человеческих судеб решается (возможно, как эксперимент) на небесах. Кто — мужчина или женщина — первопричина трагических земных коллизий, конечный

толчок к порушительству закона «быть роду»? Нам кажется, что вообще виноватых искать не стоит: предугадать нам не дано. Просто в дополнение к приведенному (Леония-Шарлотта) вспомним еще один исторический факт.

В губернском центре Тула, у генерала Тулубьева был званый обед. В доме собрались знатные особы. Засидевшийся за гостевым столом Лев Толстой неотрывным, проникающим взглядом (словно пронизывая всю насквозь) проводил прошедшую мимо даму. Секунды длилась эта сцена, но длительность этих секунд казалась неизмеримой. Долгим, вневременным был взгляд Льва Николаевича.

— Кто это? — спросил он затем, уже прогуливаясь.

— Дочь поэта Пушкина, — отвечали ему.

— Да-а-а, — протянул Толстой.

Эта протяженность завершилась последней точкой романа «Анна Каренина», самого пушкинского из толстовских произведений, как утверждают литературоведы. Мария Александровна, урожденная Пушкина, стала прообразом героини романа. Какие черты своей Анны увидел писатель в этой сорокалетней плотной даме, в которой угадывалась легкая пушкинская походка и гончаровская прямая, изящная стать — загадка. Но Анна бросит себя под тяжелый, сопящий поезд, а Толстой возьмет эпиграфом к роману фразу из послания апостола Павла «Мне отмищение, и Аз воздам».

Но это, повторим, конкретный, отдельный случай.

Поэт В. Жуковский, один из самых близких друзей Пушкина, столько раз вытаскивавший его из самых сложных педеряг, долго оставался один, когда все уже ушли, перед смертным одром. «Что выражалось на его лице, — запишет он потом, — я сказать словами не умею. Оно было для меня так ново и в то же время так знакомо! Это был не сон и не покой! Это не было выражение ума, столь прежде свойственное этому лицу; это не было также и выражение поэтическое! нет! какая-то глубокая, удивительная мысль на нем развивалась, что-то похожее на видение, на какое-то полное, глубокое, удовлетворенное знание».

И все-таки, в завершение этих полумистических, полуреальных заметок, приведу строки Александра Сергеевича о любви, которая была для него не только высшим наслаждением, но и высшим проявлением свободы, к которой он так стремился, и счастья, о котором он так мечтал. Строки эти известны, и вместе с тем в таком виде они публикуются впервые. Это — монолог Дон Гуана, составленный мною из разрозненных фрагментов маленькой траге-

дии. Я рискнул это сделать и, на мой взгляд, ничего подобного в мировой любовной лирике нет.

*...Я только издали с благоговеньем
Смотрю на вас, когда, склонившись тихо,
Вы черные власы на мрамор бледный
Рассыплете — и мнится мне, что тайно
Гробницу эту ангел посетил,
В смущенном сердце я не обретаю
Тогда молений. Я дивлюсь безмолвно
И думаю — счастлив, чей холодный мрамор
Согрет ее дыханием небесным
И окроплен любви ее слезами...*

*О пусть умру сейчас, у ваших ног,
Пусть бедный прах мой здесь же похоронят
Не подле праха, милого для вас,
Не тут — не близко — дале где-нибудь,
Там — у дверей — у самого порога,
Чтоб камня моего могли коснуться
Вы легкою ногой или одеждой,
Когда сюда, на этот гордый гроб
Пойдете кудри наклонять и плакать.*

*Или желать кончины — знак безумства?
Когда б я был безумец, я б хотел
В живых остаться, я б имел надежду
Любовью нежной тронуть ваше сердце;
Когда б я был безумец, я бы ночи
Стал провождать у вашего балкона,
Тревожа серенадами ваш сон,
Не стал бы я скрываться, я, напротив,
Старался быть везде б замечен вами,
Когда б я был безумец, я б не стал
Страдать в безмолвии...*

*[О], если б
Я прежде вас узнал — с каким восторгом
Мой сан, мои богатства, все бы отдал,
Все за единый благосклонный взгляд;
Я был бы раб священной вашей воли,
Все ваши прихоти я б изучал,
Чтоб их предупреждать; чтоб ваша жизнь
Была одним волшебством непрерывным.*

Увы! — Судьба судила мне иное.

Ирина САВИНОВА

«ВРЕМЯ НЕЗАБВЕННОЕ!...»

Громадным событием, наполненным гражданско-го смысла, стала для А.С. Пушкина война 1812 года. К ее теме поэт возвращался в стихах и прозе на протяжении всей своей жизни. В стихотворении на лицейскую годовщину 1831 года «Была пора» он писал:

*Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас...*

В воинском потоке шли и полки Новгородского ополчения, которые под Полоцком соединились с ополчением Санкт-Петербурга и совершили военный поход до стен Данцига (ныне Гданьск), взятием которого после многомесячной осады завершили свое участие в войне с Наполеоном. Любая война кончается миром. Тогда «и возвратимся в мирные жилища наши», — писал родным в Старорусский уезд начальник Второй бригады Новгородского ополчения полковник Дмитрий Петрович Десятов, которому было доверено командование возвращавшимися ратниками.

Ратник ополчения в крестьянской избе. 1814 год

Весть о приближении ратников летела впереди них. 19 мая 1814 года псковский губернатор сообщил новгородскому соседу, что через Ковно идет на Псков Новгородское ополчение в числе 3131 человека¹. 27 мая Псков встречал колонну новгородских ратников. Полковник Десятов отослал в Новгород с нарочным сообщение, что его команда «имеет вступить в Новгород будущего июня 6 числа». Вместе с этим посланием ушел рапорт и флота капитана II ранга В.Я. Деревецкого, начальника Первой колонны. Он доносил, что движется вместе с войском Десятова и также рассчитывает вступить в Новгород 6 июня. Под командою Деревецкого двигалось 6 штаб-офицеров, 72 обер-офицера, 1388 человек нижних чинов, и сверх того один лекарь, два священника и два причетника.

Путь оказался нелегким. В колонне Десятова находилось 205 больных. Лошади нуждались в отдыхе. Возвращение в Новгород задержалось и состоялось 8 июня 1814 года.

Незабываемые радостные дни для русского человека! Вот как описывал возвращение войск очевидец событий Александр Сергеевич Пушкин в своей повести «Метель»: «Между тем война со славою была кончена. Полки наши возвращались из-за границы. Народ бежал им навстречу. Музыка играла завоеванные песни: «Vive Henri-Quatre», тирольские вальсы и арии из Жоконда. Офицеры, ушедшие в поход почти отроками, возвращались, возмужав на бранном воздухе, обвешанные крестами. Солдаты весело разговаривали между собою, вмешивая поминутно в речь немецкие и французские слова. Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове *отечество*! Как сладки были слезы свидания! С каким единодушием мы соединяли чувства народной гордости и любви к Государю!»

Именно о такой встрече рассказывает архивный документ — рапорт старорусского городничего Толстого, который он представил вице-губернатору Н.Н. Муравьеву: «19 июня 1814 года команда Старорусского ополчения в составе 12 обер-офицеров и 203 человек нижних чинов под предводительством майора Федорова прибыла в Старую Руссу». Го-

родничий сообщал: «...Надлежащая встреча мною сделана, которая происходила следующим образом. При вступлении в город, мне вверенный, означенного Старорусского ополчения, я с приглашением градских жителей встретил храбрых борцов с поздравлением с победой и славой. При встрече каждый из них возглашал: «Ура! Да здравствует Государь Император Александр Павлович! Да здравствует избавитель Европы!» И народ восхищался. По окончании встречи ратоборцы были расставлены на отведенные им квартиры. На другой день 20-го числа градской глава служили с купечеством и мещанством, желая воздать Господу Богу благодарность, для чего пригласил здешнего Спасского монастыря архимандрита, который прибыл с крестным ходом, с духовным и монашествующим причтом на назначенное посреди города место. Сперва освящали воду, служили о убиенных воинах панихиду, а потом благодарственный с коленопреклонением молебен. А по окончании сего гражданское общество доброхотно за славу и храбрость ополчения угощало яко друзей и братьев своих. А господам офицерам был дан в градском общественном доме обеденный стол...»²

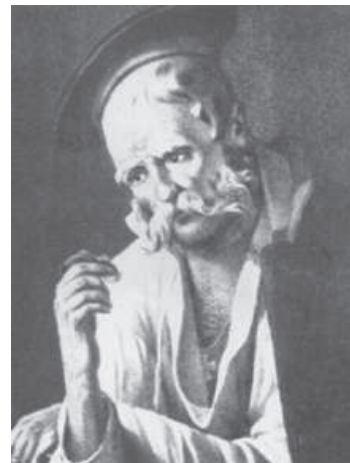

Памятник Новгородским ополченцам 1812 года

Торжественные встречи, подобные приведенной, состоялись во всех уездных городах, начиная с губернского Новгорода. В Крестцы вернулась команда в 207 человек во главе с подпоручиком И.А. Гордеевым. В Боровичи — 542 ополченца под руководством В.Я. Деревецкого, в Валдай — 271 человек под командой штабс-капитана А.Г. Максимова. Ушли в «дома свои» тихвинская, белозерская, устюженская команды.

Губернский город был переполнен людьми. Как доносил 15 июня бухгалтер казенной палаты Дмитрий Петров, нет возможности удовлетворить кормовыми деньгами «беспременно прибывающих из разных мест воинов Новгородского ополчения». 140 человек нижних чинов и 4 обер-офицера привел в Новгород флота лейтенант П.М. Теглев. Многие воз-

вращались группами по 2-3 человека: после излечения в госпиталях, отставшие от своих частей. Прибывали из самых разных мест — Витебска, Митава, Эльблонга (Польша), Пскова. Деньги на их пропитание казна отпускала полицмейстеру под расписку. Через Новгород возвращались в свои края воины Тверского и владимирского ополчений, которых также необходимо было накормить и дать приют для отдыха.

П. Пети. Ветеран войны с медалью

В канун 25-летия Отечественной войны из архивов были подняты все документы и по ним составлены два доклада: военный путь Новгородского ополчения и бухгалтерский отчет об экономической помощи новгородцев своему ополчению.

Вся пожертвованная дворянами и другими сословиями денежная сумма по губернии равнялась 211808 рублям 45 копейкам. Если же к ней причислить годовое продовольствие на 10 с лишним тысяч человек, жалование урядникам и нижним чинам, поставку фуража, лошадей, медикаментов, то общая сумма в денежном выражении приравнялась к одному миллиону рублей. Наибольший взнос сделали жители Старорусского уезда — 56720, Новгородского — 50000 рублей.⁴

В память об участии новгородцев в Отечественной войне в Новгороде, в кремле, на обширной площади перед зданием губернских присутственных мест, был воздвигнут памятник по рисунку известного русского архитектора А.П. Брюллова. В связи с открытием в Новгороде в 1862 году памятника «Тысячелетие России» монумент в честь войны 1812 года переместили из кремля на Софийскую площадь, напротив здания Дворянского собрания. В годы революционных событий памятник исчез безвозвратно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ф-138, оп.1, д.59, л.29.

² Ф-139, оп.1, д. 445., л.282.

³ Ф-138, оп.1, д.59, лл.14, 20, 23, 43.

⁴ Ф-141, оп.1, дд.31, 29.

Евгения ШЕДОВА

ПУШКИНЫ В БОЯХ ЗА ЗЕМЛЮ НОВГОРОДСКУЮ

Александр Сергеевич Пушкин в Старой Руссе не бывал, но был о ней наслышан. 3 августа 1831 года он пишет своему другу П.А. Вяземскому из Царского Села в Москву о бунте в военных поселениях: «...ты, верно, слышал о возмущениях новгородских и Старой Руси... Но бунт Старо-Русский еще не прекращен».

А вот правнуку его, Григорию Григорьевичу Пушкину, пришлось не только увидеть пылающую Руссу, но, выполняя долг защитника Родины, сражаться на земле старорусской.

Дед его, Александр Александрович, участвовал в русско-турецкой войне 1877-1878 годов. В операции под Сливно гусары Александра Александровича Пушкина проявили мужество и стойкость, а их командир — находчивость и высокое воинское искусство.

Отец, Григорий Александрович, в Первую мировую войну командовал 91-м Двинским полком. Когда свершилась Октябрьская революция, он, полковник царской армии, пришел в солдатский комитет, снял погоны, сдал личное оружие и вступил в Красную гвардию. Красный командир, он сражался с белогвардейцами. Был ранен, контужен, и после демобилизации вернулся в родовое поместье.

Григорий Григорьевич Пушкин родился 6 декабря 1913 года в Лопасне, там и провел свое детство. В 1934 году ушел служить в армию. Участвовал в финской кампании 1939-1940 годов, потом работал в МУРе. В начале Великой Отечественной войны Григорий Григорьевич добровольцем вступил в московское ополчение, затем был переведен в партизанский отряд специального назначения, действовавший в районе Нарофоминск – Дорохово. Старший разведчик, а потом командир небольшого партизанского отряда, Григорий Григорьевич участвовал в рейдах по тылам врага у Волоколамска. В 1943 году отряд влился в 1-ю Воздушно-десантную дивизию и был переброшен на Северо-Западный фронт, на Ловать, под Старую Руссу. Старшина артдивизиона Г.Г. Пушкин на Ловать пришел уже бывалым и опытным воином.

Военная обстановка, сложившаяся под Старой Руссой на Ловати, в начале весны 1943 года была очень сложной. В

феврале 1942 года в ходе успешных боев в районе Демянска и южнее Старой Руссы войска фронта окружили почти 100-тысячную группировку противника в демянском выступе, глубоко вклинившемся в расположение наших войск на северо-западном направлении. Немецкое командование стремилось любой ценой сохранить демянский выступ как плацдарм для будущего наступления на Валдай и Бологое, чтобы перехватить шоссейную и железную дороги Москва-Ленинград и разъединить группировки советских войск, действовавших на западном и северо-западном направлениях. Последующие драматические события сложились не в пользу наших войск. Около десяти месяцев шли упорные и кровопролитные бои. Северо-Западный фронт не обладал к началу 1943 года достаточным количеством сил, хорошо обеспеченных в материально-техническом оснащении. Не хватало авиации, танков, артиллерии, средств ПВО, боеприпасов, продовольствия. Он нуждался в усилении для ликвидации демянского плацдарма противника. Операция по ликвидации началась 15 февраля. Противник, понеся значительные потери, сдал Демянск и к 28 февраля отвел свои главные силы за реку Ловать. Фашисты имели заранее подготовленную в течение полутора лет сильно укрепленную и развитую в глубину оборону.

В начале марта 1943 года, после перегруппировки и подхода свежих сил, Северо-Западный фронт возобновил наступление с целью прорыва вражеской обороны на левом берегу Ловати и выхода в тыл ленинградско-волховской группировки врага. Сюда, на землю старорусскую, и была переброшена 1-я Воздушно-десантная дивизия, в которой воевал Григорий Григорьевич Пушкин.

Командовал дивизией гвардии генерал-майор Александр Федорович Казанкин. В дивизию входил и 4-й артиллерийский полк, командиром которого был гвардии подполковник Самойленко Виктор Тимофеевич, а штаб полка возглавлял гвардии майор Демидов Василий Петрович. В условиях весенней распутицы, по бездорожью, не имея кожаной обуви, части дивизии совершили тяжелый марш в 220 километров, неся на себе все вооружение, боеприпасы, продовольствие.

9 марта 1943 года дивизия в полном составе сосредоточилась в районе Заробье — Кулаково (упомянутые выше населенные пункты — деревни Дубковского сельского совета Старорусского района), привела личный состав и материальную часть в порядок. А с 13 по 19 марта вела активные наступательные действия, в результате которых прорвала сильно укрепленную полосу обороны противника, форсировала реку Ловать, захватив населенные пункты Шелгуново, Козлово, Семкина Горушка (названные выше населенные пункты — деревни Дубковского и Зехинского сельских советов). После упорных, кровопролитных боев к утру 17 марта части дивизии, сломив упорное сопротивление, основными силами преследуя в беспорядке отходящего противника, вышли на рубеж реки Редья, захватив еще 4 населенных пункта. Дальнейшее продвижение частей дивизии было остановлено на заранее подготовленной 2-й линии обороны противника с сильно укрепленными опорными пунктами немцев Чернышово, Новое Село, Иванова Березка, Коновалова Березка, где было сосредоточено большое количество артиллерии и минометов (упомянутые выше населенные пункты — деревни Зехинского сельского совета Старорусского района). За время с 13 по 24 марта дивизия продвинулась на 17 километров, освободив от немцев площадь в 100 километров.

После сдачи обороны по приказу командования 34-й армии 1-я Воздушно-десантная дивизия была переброшена в район Старой Руссы, где получила приказ — быть готовой к прорыву переднего края обороны противника в полосе — роща «Единица» справа, Деревково слева, шириной в 3,5 километра. (Упомянутые выше названия роща «Единица» — напротив деревень Аринино и Пенно, Деревково — деревни Новосельского сельсовета Старорусского района).

Дивизия с поставленной задачей справилась блестяще, прорвав сильно укрепленную полосу противника, которая состояла из двух сплошных дерево-земляных валов шириной 2 метра и высотой 1,7 метра в 3 кола сплошных проволочных заграждений, перед которыми были минные поля из противотанковых и противопехотных мин, большого количества дотов и дзотов и блиндажей с хорошо построенной системой огня. Кроме того, оборона прикрывалась тяжелой артиллерией до 5-ти артполков и минометов до 5-ти дивизионов. За день до начала атаки тщательно проделали проходы в минных полях и проволочных заграждениях (на каждую роту было проделано по 2 прохода шириной 6-8 метров). В день атаки, после трехчасовой артиллерийской подготовки, за огневым валом части штурмом ворвались в первую линию укрепления, где в течение трех часов вели рукопашный гранатовый бой. После захвата первой линии вала сразу же начали наступление на вторую линию. Используя артиллерийскую подготовку, части смелым броском, преодолев минное поле, оказавшееся между укреплениями, ворвались во вторую линию вала, где еще сильнее разгорелся рукопашный бой. И здесь, как при обороне столицы, показывает Пушкин образцы бесстрашия и самоотверженности. В одном из донесений командования говорилось: «Презирав смерть, во главе группы бойцов-разведчиков ночью пробрался он в тыл к врагу и с боем захватил «языка».

В течение трех дней дивизия вела ожесточенный бой, прорвала сильноукрепленную полосу противника, продви-

нулась вперед к Старей Руссе на 4-5 километров. При этом за весь период боев было уничтожено более 2500 солдат, захвачено много техники. Надо заметить, что дивизия наступала с открытыми флангами, так как наступающие справа 26-я и слева — 17-я успехов не имели. Немцы, не желая оставлять важные в тактическом отношении пункты, подтянули резервы в течение дня 19 августа 1943 года и шесть раз пытались атаковать наши части, но все атаки были отбиты с большими для немцев потерями. Григорий Григорьевич в письме к матери писал: «А насчет гитлеровцев скажу: «Хмельна для

Григорий Григорьевич Пушкин, правнук
А.С. Пушкина. 10 февраля 1980 года

них славян кровью, но тяжко будет их похмелье.»

За образцовое выполнение поставленной задачи в дивизии было награждено орденами и медалями Советского Союза 2058 человек, и среди них — Пушкин Григорий Григорьевич, награжденный Орденом Великой Отечественной Войны 2-й степени.

После выполнения поставленной задачи 1-я Воздушно-десантная дивизия по приказу Ставки Верховного Главнокомандующего сдала боевой порядок и была переброшена на Степной фронт. Григорий Григорьевич участвовал в боях на Курской дуге. Уже под конец войны командир дивизиона как-то сказал: «Эх, Пушкин, как бы тебя не убило». И отправил учиться на офицерские курсы. Войну Г.Г. Пушкин закончил лейтенантом. Домой вернулся с орденами Отечественной войны 2-й степени, Красной звезды и медалями.

В 1946 году, после демобилизации, вернувшись домой в Москву, работал в МУРе. Женится на Марии Ивановне — жене убитого бандитами друга, удочерил Светлану, потом у них родился сын Саша. После МУРа Григорий Григорьевич работал печатником. В 1973 году вышел на пенсию, подружился с Иваном Семеновичем Козловским. Козловский с Вульфом предложили принять участие в пропаганде пушкинского наследия. Григорий Григорьевич ездил по стране под эгидой общества «Знание» и читал лекции о семейных пушкинских традициях. В 1993 году, выступая в Геттингене на 4-м Между-

народном Пушкинском симпозиуме, прочел свое единственное стихотворение:

Я только правнук, не поэт,
Писать стихи таланта нет!

В 1991 году умерла жена, через год, в 1992 году, умер сын Саша — прямой потомок поэта, праправнук Пушкина. Григорий Григорьевич остался в очень тяжелом моральном и материальном положении, с мизерной пенсией. Заботилась о нем приемная дочь Светлана. 17 октября 1997 года в Москве умер Пушкин Григорий Григорьевич — последний в мире прямой правнук Александра Сергеевича Пушкина по мужской линии.

За землю новгородскую сражался и праправнук А.С. Пушкина — Олег Всеволодович Кологривов. Родился он 1 апреля 1919 года в городе Бобруйске. В 1930 году

Олег Всеволодович Кологривов,
праправнук А.С. Пушкина. 1941
год

семья переехала в Москву. Когда началась война, Олег Кологривов учился на 3-м курсе Московского института прикладного и декоративного искусства. Летом 1941 года в составе специального студенческого отряда тушил пожары на крышах московских домов, на которые фашисты сбрасывали зажигательные бомбы. Затем добровольцем ушел на фронт. Служил в пехоте. Был пулеметчиком. Участвовал в прорыве блокады Ленинграда.

В одном из сражений на Волховском фронте, на Синявинских боло-

тах, Олег Всеволодович получил тяжелое ранение. Захлебываясь кровью, преодолевая мучительную боль, он с трудом добрался до медпункта.

Позднее О.В. Кологривов участвовал в освобождении Гдова, Пскова и Порхова. Под Лядами был ранен. Военные действия на Псковщине завели Олега Кологривова в Михайловское — усадьбу великого прапрадеда.

В конце войны сражался в Прибалтике, на территории Германии. С войны вернулся с наградами — орденом Красной Звезды и медалями.

Военный Совет 2-го Белорусского фронта вручил Кологривову Благодарственное письмо — «как память о Великой Отечественной войне», подписанное Маршалом Советского Союза К.К. Рокоссовским. Это письмо по сей день находится среди самых ценных бумаг в семье Олега Всеволодовича Кологривова.

Умер он 1 июля 1984 года.

ЛИТЕРАТУРА:

Жилиева Я. Последний Пушкин Российской империи //Моск. комсомолец. — 1999. — 3 апр. — С.4.

Исторические формуляры Военных и Десантных дивизий и их руководящего состава //Фонд музея Северо-Западного фронта. Опись №-21416. Дело 297. Л 1-6.

Ильина В. Дабы утихла брань племен.//Ветеран. — 1990. — №7.- С.10.

Лепешев С. «Мой отец был кооператором». Встреча. В гостях у правнука великого поэта //Сов. торговля. — 1987. — 24 янв. — С.3.

Назаров Н. Два часа с правнуком Пушкина //Моск. правда. — 1985. — 23 марта. — С.3.

Назаров Н. Правнук великого прадеда //Моск. правда. — 1985. — 16 апр. — С.3.

Назаров Н. Пушкин, правнук Пушкина //Сов. торговля. — 1985. — 30 марта. — С.2.

Правнук А.С. Пушкина сражался под Старой Руссой //Новг. комсомолец. — 1959. — 20 июня.

Поляков М. Правнуки и внуки //Старорусская правда. — 1967. — 23 июля. — С.3.

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10-ти т. — М.: Наука, 1979. — С.289.

Русаков В. В гостях у правнука Пушкина Г.Г. //Ленинский путь. — 1974. — 12 января.

Русаков В. Григорий Григорьевич рассказывает //Ленинский путь. — 1974. — 17 января.

Русаков В. Уважены за имя. Рассказы о потомках Пушкина. — М.: Сов. Россия, 1987. — С. 41, 157, 176, 178.

Тамара СИГАЛОВА

ЕГО ПОСЛЕДНИЙ БОЙ БЫЛ ПОД НОВГОРОДОМ

В то лето Святая Троица совпала с днем рождения Пушкина. Во Пскове гудели колокола, в соборах, пахнущих мелко изрезанной травой, горящими свечами и ярким солнцем, шли праздничные службы. И многие из тех, кто со всего мира приехал в Михайловское, стараясь успеть к шестому июня, смог поприсутствовать на чудных, умиротворяющих службах в храмах Псковщины. Из мужского монастыря в Печёрах, который ослепил своей архитектурой, роскошью, таинственностью, мы проехали к могиле поэта в Святогорском монастыре, потом прошли к Тригорскому и от него, сняв обувь (такова традиция), полем, мимо «дуба зеленого» — в Михайловское. Там уже чувствовался праздник. На балконе Пушкинского дома флейтист играл «Я помню чудное мгновенье», в домике Арины Родионовны собрались сказительницы, знатоки русской песни, фольклористы. В доме хранителя музея-заповедника Семена Степановича Гейченко кипели самовары (самые большие из его великолепной коллекции), а на Певческом поле поэты шумно обсуждали программу своих выступлений. Я увидела Беллу Ахмадуллину, Андрея Вознесенского, Юлию Друнину. Чувствовалось, что они взволнованы этим праздником и тем, что они вместе, и тем, что они — у Пушкина в гостях...

Вышел из дома Семен Степанович Гейченко, хранитель Михайловского, и тотчас же около него собрались друзья, приезжие туристы, литераторы. Он откинул прядь волос, упавших на лоб, будто раненая птица взмахнул пустым рукавом легкой сатиновой рубашки, негромко позвал всех на берег Сороти. Я помню тишину, которая сопровождала его обращение к гостям. Лишь только птицы, как и при Пушкине, звенели торжествующим гимном лета над Михайловским.

— Вы все поэты, все писатели, у каждого свой стиль и почерк, — говорил он, — но корни у всех вас здесь, в Михайловском...

Какой чудесный это был праздник! Мы слушали поэтов на Певческом поле, бродили по аллеям с тайной надеждой увидеть ту, прелестную, которой Он посвятил стихи. В доме было прохладно, таинственно. Везде: на столах, каминах —

букетики милых полевых цветов. А на рабочем столе Александра Сергеевича — торжественный букет высоких черных роз. Каждый год, ко дню рождения поэта, их присылает сюда, в Михайловское, один из поклонников творчества Пушкина. Он — из Армении.

Во второй половине дня небо затянуло тучами, обрушился холод, мы собрались в автобусе и праздник продолжался. Кто-то начал рассказывать о Гейченко. Ленинградцы говорили о том, как он любит получать письма от друзей, как любит отвечать на них, волнуется, переживает, когда писем нет. Москвичи — о его редком трудолюбии и железной воле (при мягком, добром характере), которую проявлял он каждый раз, когда дело касалось обустройства, ремонта, хранения реликвий Михайловского. Вспомнили и новгородцы может быть самую печальную страницу в жизни Семена Степановича — его последний бой в той страшной, Отечественной, в начале сорок четвертого. До этого дня он познал на войне «всё ужасное, что есть в этой страшной работе» (его слова). Он был минометчиком, таскал на себе батальонный миномет и пару мин. В тот бой шли по льду Волхова, вышли на озеро Ильмень. Фашисты лупили по чём попало, отчаянно сохраняя позиции. Лед Волхова дыбился, в прогалинах плавали повозки, люди. Это был крошечный ад, и в том аду, у же на окраине Новгорода, осколок зацепил руку.

Псковский прозаик продолжил рассказ новгородца. Под шум дождя по крыше автобуса, рассказал, как весной 1945 года, года Победы, прибыл в Михайловское фронтовик с зашпиленным булавкой левым рукавом рубашки, Семен Гейченко. Академия наук СССР направила его в Пушкиногорье для восстановления заповедника. Семен Степанович испугался вначале, думал, что никаких сил не хватит возродить к жизни эти места. Да и на самом деле. Кое-как добравшись из Ленинграда до разрушенного, вдреизг разбитого Пскова, мимо воронок от авиабомб и снарядов, по расшатанным тяжелыми гусеницами мосткам, он увидел жуткое зрелище. Михайловское «являло вид печальных развалин». Увековеченные пушкинской строкой липы и сосны срублены топором, изу-

вечены взрывами. Фашистские доты у Сороти. На лугах и полянах — колючая проволока с надписями: «Заминировано. Прохода нет», колодцы с отравленной фашистами водой, печные трубы вместо деревень. Но местные жители не унывали: растаскивали бревна из фашистских блиндажей на строительство домов. А в самом Михайловском уже вовсю работали саперы — им было поручено обезопасить святые места. По словам очевидцев, мин было страшное количество, их обнаружили даже под памятником Пушкину.

И — все-таки! 6 июня 1945 года Пушкинский праздник состоялся. Тысячи людей пешком, на попутном транспорте, добирались до Михайловского. Один из саперов, как умел, нарисовал на ткани поэта и приписал слова, идущие от души — «Здравствуй, Пушкин!» И когда Гейченко увидел обращенные к нему глаза не убитых войной людей, когда он на руинах услышал стихи, понял — должен, обязан восстановить Михайловское. Президент Академии наук Сергей Иванович Вавилов, благословляя Гейченко на работу в Михайловском, сказал: «Будет трудно. Я надеюсь на вас. Беритесь! Восстанавливайте!»

Прошло немало времени с того Пушкинского праздника, много перечитано, пережито. Много познано о человеке, имя которого можно золотыми буквами вписать в скрижали истории России. Но чаще всего, в минуты личного отчаянья, обрушившейся слабости я обращаюсь к письму Гейченко, которое он оставил нам: «Мне идет на девятый десяток лет! Я видел и пережил в жизни все виды страха, горя, ужаса. Я пережил и радость труда, и радость нужной находки, открытия, созидания в науке и искусстве... Страдание было движущей силой многих лет жизни и в детские и юношеские и в зрелые годы... Я жил в детстве в нищенской семье... Я чуть не умер от голода в годы гражданской войны... Во время боев под Новгородом я чуть было не утонул в реке Волхов... Во время войны потерял всё, всё, всё, что накопил за годы самостоятельной трудовой жизни, — и книги, и художественные произведения, все свое имущество. После войны поступил на работу в Пушкинский заповедник в апреле 1945 года, когда в нем было еще все пронизано духом фашистских оккупантов...

И все же за все годы моей трудовой жизни я написал свыше восьмидесяти книг и брошюр, написал свыше тысячи газетных и журнальных заметок, несколько сценариев доку-

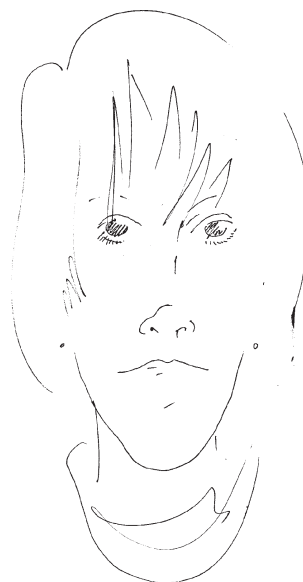
Семен Степанович Гейченко

ментальных фильмов о Пушкине и Пушкинском заповеднике, около 300 рассказов и новелл, прочитал около 3000 лекций и докладов, организовал около 100 выставок современных художников на пушкинские темы, провел, вероятно, не менее 25 тысяч экскурсий по Ленинграду, Пушкину, Петергофу, Михайловскому, Святогорскому монастырю.

Все это укрепило мой дух.

И еще слова, которые стали путеводителем для многих: «...по секрету скажу, что у меня на душе всегда висела и висит ладанка, в которой негасимо горит глагол блаженства, воспетый Пушкиным. «Трудись и помни вечно, что всё на свете быстротечно».

Елена ТОРОПОВА

БОЛЬШОЙ ЗНАТОК НОВГОРОДСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

На сегодняшний день на территории Новгородской области известно более трех с половиной тысяч памятников археологии от эпохи мезолита до позднего средневековья. Это результат многолетней работы археологов и краеведов по сбору и систематизации материалов по археологии Новгородской земли. Эпизодически новгородские археологические древности попадали в поле зрения различных исследователей начиная с 30-х годов XVIII столетия. Однако первые попытки их систематического выявления и изучения были предприняты в середине XIX века Руфом Гавриловичем Игнатьевым (1819-1886), чье имя в дальнейшем оказалось фактически забытым в отечественной историографии.

Руф Гаврилович Игнатьев родился в 1819 году в Бронницком уезде Московской губернии (причем с его смертью род бронницких дворян Игнатьевых прекратился). Образование он получил в Лазаревском институте восточных языков в Москве, а затем обучался в Парижской консерватории музыке и отчасти сценическому искусству.

В течение двух лет (с 1850 по 1852) Р. Г. Игнатьев состоял членом Императорского Русского Археологического общества, а затем с 1865 года вплоть до его смерти на 67 году жизни — членом Императорского Московского археологического общества. Лучшей характеристикой его деятельности являются слова в некрологе, опубликованном в «Исторической записке...» к 25-летию существования Императорского Московского археологического общества: «Покойный не обладал громкими титулами, не щеголял общественным лоском, а еще менее материальными средствами. Вся жизнь Руфа Гавриловича протекала в тяжелых трудах, страданиях и лишениях, но резко выделялся он неустанными и безвозмездными научными трудами известному нашему обществу, которого он был одним из старейших членов ... Руф Гаврилович имел светлый ум, обладал подвижностью мысли и глубокими познаниями по истории, этнографии, археологии, археографии и был большой знаток в древней русской письменности...»¹.

Несколько лет (с 1849 по 1854(?) год) Руф Гаврилович Игнатьев проживал в Новгороде. Известен даже его точный адрес, который он сообщает в одном из писем в Русское Археологическое общество: «Жительство имею в г. Новгороде, 2-й Торговой части, на Михайловской улице, в доме госпожи Лесковой»².

Коллежский секретарь Игнатьев сотрудничал в Новгородских губернских ведомостях. В конце 40-х — начале 50-х годов прошлого столетия повсеместно отмечен интерес к отечественным древностям, связанный прежде всего с общим подъемом национального самосознания, и, как правило, сведения о местных достопримечательностях публикуются в губернской прессе. Не стал исключением и Новгород. Так Журнал Министерства Народного Просвещения в 1852 году сообщает о том, что редакция «Новгородских Губернских ведомостей» по указанию губернского начальства приняла сбор сведений и «...подробное описание древних городищ и курганов, находящихся в большом количестве в Новгородской губернии...»³. Из переписки тогдашнего новгородского губернатора Ф. О. Бурачкова с министром внутренних дел графом Л. А. Перовским и местными чиновниками мы знаем, что была разработана программа сбора информации о памятниках, включающая в себя как их общие характеристики (местоположение, размеры), так и предполагаемые даты и причины сооружения⁴. В этом же сообщении Журнала Министерства Народного Просвещения говорится, что «...данный труд принимает на себя сотрудник «Новгородских Губернских ведомостей» Р. Г. Игнатьев...» и, по мере поступления и обработки материалов, сведения о памятниках будут публиковаться в этом издании будущего 1853 года⁵.

Однако имеется источник, свидетельствующий о том, что к этой работе Игнатьев приступил значительно раньше. Так на полях черновика письма Новгородского губернатора Ф. О. Бурачкова графу Л. А. Перовскому о предпринятых мероприятиях по сбору сведений о памятниках есть пометка: «Не

присовокупить ли, что с 1849 года розысканием археологических древностей в Новгородской губернии занимается Р. Г. Игнатьев»⁶. Таким образом губернское начальство было осведомлено о круге интересов молодого сотрудника Новгородских Губернских ведомостей. Заметим, что круг этот был весьма широк. Естественно, что богатый древними памятниками Новгород и его окрестности не могли не привлечь пристального внимания любознательного ученого. Так, например, он подготовил к публикации первый в истории Новгорода путеводитель по памятникам архитектуры, описал древности Старой Руссы и прочее.

В апреле 1850 года Игнатьев обращается в Русское Археологическое общество с просьбой принять его в члены-сотрудники, где отмечает, что «...занимаясь несколько времени изысканиями по части Отечественной истории, в особенности же всего, что относится до Новгорода и его древнего быта, я успел собрать довольно число любопытных и неизвестных донныне фактов...» Его просьба была удовлетворена, поскольку в дальнейшей переписке он просит официально подтвердить его членство в Обществе, чтобы его свободно допускали осматривать памятники⁷. И уже в январе 1851 года Игнатьев отправляет в Общество первую информацию о сопках и курганах. Он сообщает, что подобные памятники находятся в Новгородской губернии в значительном количестве и что в них часто находят оружие, доспехи, монеты, кресты, украшения и прочее и дает перечень мест, где находятся сопки. Этот перечень состоит из 32 пунктов, без конкретного указания количества насыпей и их точного месторасположения и размеров. В этом списке впервые названы такие известные памятники, как сопки у деревень Лобыни, Середка, Подцепочье, Теребыни и т. д.⁸

По всей видимости, в дальнейшем Игнатьев также направлял в Общество сведения о сопках, которые значительно дополнили предыдущий список. Эти материалы были опубликованы в 1852 году в 4 томе «Записок Русского Археологического общества» в статье П. С. Савельева «Старинные доспехи, найденные в сопках Новгородской губернии». Этот свод дан согласно тогдашнему территориальному делению по 14 округам пахотных солдат Новгорода и Старой Руссы и включает в себя перечень уже из 50 пунктов и сведения о 95 сопках. Здесь в ряде случаев более подробно указывается месторасположение насыпей, их количество, размеры и состояние. Отмечается, например, что сопки находятся на поле или позади дворов, у реки, у дороги в другую деревню, у часовни и т. п., а также автор указывает на факт раскопок сопки в селе Велебицы близ псковской дороги в 1848 году. В этой сводке впервые сообщается о сопках у деревень Змейско, Солоницко, Коровитчино, Кулаково, Лука и т. д.⁹

В 1852 году Игнатьев выбывает из Русского Археологического общества. Официально причина не указывается, но, по-видимому, это связано с его разногласиями с И. Куприяновым о качестве, представленных в Общество прорисей надписей из Софийского собора. Однако это ни коим образом не повлияло на его исследования.

В первых двух номерах Новгородских Губернских ведомостей за 1854 год публикуется очередной перечень археологических памятников. Этот свод не повторяет, а дополняет предыдущий и содержит информацию о 438 памятниках археологии из 120 населенных пунктов Боровичского, Крес-

тецкого и Демянского уездов. Руф Гаврилович Игнатьев не пытается каким-либо образом интерпретировать имеющийся у него материал, однако очень важным является то, что он выделяет четыре типа памятников: городища, как места древних поселений, сопки, курганы и жальники. Говоря о времени сооружения сопки Руф Гаврилович просто замечает, что «...предание основание их относит ко времени Литовских войн...». В представленном своде памятников впервые указаны сопки у деревень Золотое Колено, Волма, Сурики, курганы у деревни Полищи, городище и курганы у деревни Молвотицы и т. д.¹⁰

При анализе имеющихся трех перечней памятников археологии, составленных Игнатьевым, неизбежно встает вопрос об источниках получения им информации. Во-первых, по-видимому, именно к нему направлялись сообщения исправников, землемеров и прочих об археологических памятниках, собирать которые их обязывало указание губернского начальства¹¹. Во-вторых, Игнатьев сам имел возможность выезжать для осмотра, а в некоторых случаях и для раскопок древних сооружений. Косвенно об этом свидетельствует запись от 20 июля 1860 года в дневнике Павла Ивановича Якушкина. Он приводит сообщение крестьян из деревни Пестово Устюженского уезда: «А у нас так из Новгорода чиновник приезжал лет десять тому назад, чиновник приезжал вместе с исправником; рыли они сопки; вот как поедешь отсюда к Устюжне, так не доедешь до Мологи с версту так там сопки есть ... Только рыли они маленькие сопки, а большие не трогали; рыли, рыли, все ничего не нашли, никакого клада, нашли какой-то церковный сосуд да бусы, и только...» Павел Иванович далее комментирует этот рассказ: «После мне говорили, что чиновник этот был Игнатьев; я после осматривал эти курганы, которые он разрывал; мне кажется, что они стоят того, чтобы ими подробнее заняться. Г-н Игнатьев или другой господин, который рассматривал эти курганы, не имел или средств, или, может быть, времени; у него работали два дня десять человек, и, если он с таким числом людей и в столь короткое время нашел такие вещи, то, вероятно, при больших усилиях можно добиться больших результатов»¹².

Составленный Р. Г. Игнатьевым свод археологических памятников Новгородской земли был использован в дальнейшем при создании обобщающих исследований. В отделе рукописей Государственного исторического музея хранится рукопись сочинения Алексея Сергеевича Уварова «Зачем нужно копать курганы ильменских славян?», являющаяся первой попыткой представить расселение древнерусских племен по археологическим данным. Она датируется 1881 годом. А. С. Уваров особо отмечает, что «...сведения о новгородских курганах были доставлены Р. Игнатьевым...». Полученные материалы позволили ему локализовать ильменских словен на территории вокруг Ильмена, по Волхову, Мете, Ловати, Поле и Шелони¹³. А. А. Спицын в своей обобщающей работе «Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении ...» также особо отмечает роль Руфа Гавриловича. Он пишет: «Благодаря, главным образом, трудам г. Игнатьева и Кулжинского, памятников старины в Новгородской губернии в виде курганов, городищ и жальников известно уже значительное количество»¹⁴.

Таким образом, начало формирования источниковой базы на памятники археологии Новгородской губернии путем их

систематического выявления и изучения необходимо отнести к середине XIX века. Первый свод памятников, составленный Руфом Гавриловичем Игнатьевым, содержал информацию более чем о 500 памятниках археологии и послужил

основой как для составления последующих сводов памятников, так и для создания обобщающих работ по истории и археологии не только Новгородской земли, но и России в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Историческая записка о деятельности Императорского Московского археологического общества за первые 25 лет его существования. М. 1890. С. 303.

² Архив ИИМК. Ф.3. Д. 18. Л. 6

³ Описание городищ и курганов Новгородской губернии и издание находящихся в ней древних иностранных надписей // ЖМНП. СПб. 1852. Ч. LXXVI. С. 91.

⁴ ГАНО. Ф. 138. Д. 1435. Л. 4 -12.

⁵ Описание городищ и курганов ... С. 92.

⁶ ГАНО. Ф. 138. Д. 1435. Л. 12-об.

⁷ Архив ИИМК. Ф. 3. Д. 18. Л. 4-6.

⁸ Протокол заседания Археологического общества от 8 января

1851 г. под председательством Я. Я. Рейхеля // Архив ИИМК. Ф. 3. Д. 391. Л. 3-об-4.

⁹ Савельев П. С. Старинные доспехи, найденные в сопках Новгородской губернии // ЗРАО. СПб., 1852. Т. 4. С. 10-12.

¹⁰ Архив ИИМК РАН. Ф. 5. Д. 349. Л. 364.

¹¹ Торопова Е. В. У истоков археологического изучения Новгородской земли // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. 1998. С. 334-347.

¹² Якушкин П. И. Сочинения. М., 1986. С. 159-160.

¹³ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Д. 224. Л. 31, 50.

¹⁴ Спицын А. А. Обзорение некоторых губерний в археологическом отношении. Новгородская губерния. Псковская губерния, С.-Петербургская губерния. Тверская губерния // ЗРАО. СПб., 1897. Т. 9. Вып. 1-2. С. 247.

Геннадий КОВАЛЕНКО

НОВГОРОДСКИЕ РЕПОРТАЖИ ЮХО ПААСИКИВИ

Юхо Кусту Паасикиви (1870-1973) – видный государственный деятель Финляндии, премьер-министр (1944-1946), президент (1946-1956). Он возглавлял финляндскую делегацию на мирных переговорах в Тарту в 1920 году, участвовал в советско-финских переговорах в 1939 году и в мирных переговорах в 1940 году. Примкнув к мирной оппозиции, он повлиял на выход Финляндии из Второй мировой войны и способствовал созданию атмосферы доверия и добрососедства в отношениях Финляндии с восточным соседом. С его именем связано проведение внешнеполитической линии, направленной на развитие добрососедских отношений с Советским Союзом, получившей впоследствии название «линии Паасикиви-Кекконена».

Паасикиви не был поклонником СССР. Понимая сущность «советской демократии», он стремился предотвратить ее распространение в Финляндии. Однако личные симпатии и антипатии отступали на второй план, когда речь шла о реальной политике. Он считал, что забота России о безопасности ее северных границ законна, и Финляндия должна гарантировать неприкосновенность этой границы. Он говорил: «Главным и

определяющим во внешней политике Финляндии является отношение нашей страны к великому восточному соседу – Советскому Союзу ... По моему убеждению, в коренных интересах нашего народа проводить впредь внешнюю политику так, чтобы она не была направлена против Советского Союза» (1955). Он не считал такую политику национальным унижением, поскольку моральным и разумным было все то, что шло на пользу Финляндии. Мысль Паасикиви о том, что самым важным для Финляндии есть и будет сохранение хороших отношений с Россией, определила всю послевоенную политику Финляндии.

В 1944-1956 годах он был почетным председателем общества «Финляндия – СССР». За большой вклад в развитие дружественных отношений между Финляндией и Советским Союзом в 1954 году он был награжден орденом Ленина.

Несмотря на достаточно критическое отношение к царской России и Советскому Союзу, Паасикиви через всю жизнь пронес интерес к русской культуре, который зародился у него

во время обучения в Александровском университете в Хельсинки, где он изучал русский язык и литературу. Россия была для него «другим миром», духовные ценности которого он хотел понять. В 1891 году он решил поехать в Новгород для совершенствования своих знаний и ходатайствовал перед консисторией университета о выделении денежных средств на эту поездку. Однако его просьба не была удовлетворена. Тогда он взял в долг деньги у купца К.В. Куннаса, и в конце весеннего семестра выехал в Новгород. Отсюда он отправил пять репортажей в финскую газету *Uusi Suometar*, в которой они были опубликованы в июле – ноябре 1891 года.

Полугодовое пребывание Паасикиви в Новгороде было

его первой заграничной поездкой и первым близким знакомством с Россией. Теперь ему было труднее, чем раньше, принимать основанное на незнании негативное отношение своих земляков к своему восточному соседу. Однако его репортажи из Новгорода свидетельствуют о том, что он достаточно критически относился к политической системе Российской империи и жизненному укладу русской провинции.

Тем не менее его отношение к Новгороду было не столь негативным как у Герцена, считавшего Новгород невыразимо бедным и скучным, лишенным всяких удобств «дрянным городишком», нравы которого «представляют уродливую и отвратительную пародию на петербургские».

Юхо ПААСИКИВИ

Письмо из Новгорода (О некоторых чертах церковной жизни)

В городе Новгороде, с которого более тысячи лет тому назад началось нынешнее Российское государство, расположенное большей своей частью на землях финских племен, для любопытного есть много напоминающего о прошлых временах.

В центре города находится внутри Кремля древний собор св. Софии, на ровной площади перед которым во времена народной демократии жители Новгорода проводили свои собрания. Кремль окружают много раз разрушенные и вновь отстроенные стены. Эти стены, как и другие постройки, разумеется в несколько восстановленном виде, видели на своем веку восемь — десять столетий. Со всех сторон город окружают земляные валы, у склона которых прорыты рвы. Внутри и за пределами городских стен находятся оставшиеся от башен необычной формы руины, которые напоминают о том, что на этих землях когда-то раздавался звон меча.

Природа как бы предназначила здешнюю местность для проведения сражений. На сколько хватает глаз, перед городом простирается равнина, заросшая высокой травой. Леса нигде не видно. Можно только в некоторых местах заметить одинокий купол церкви или деревенку.

Когда приезжаешь в старый русский город, обилие церквей и часовен сразу же бросается в глаза, и разница между православием и привычной нам религией особенно заметна. Всего в Новгороде 42 церкви и часовни. Перед всеми русские осеняют себя крестным знамением. Когда с вокзала едешь

на извозчике, с которым прежде недолго поторговался о сходной цене, то по дороге он с десяток раз сдернет шапку и перекрестится. Прибыв к месту, он может клясться, что назначенная цена была в два раза больше.

Из всех видов построек русские больше всего заботятся о церквях. Драгоценные украшения и стоящие многие сотни тысяч позолоченные купола представляют собой образец русской щедрости в этом отношении.

В первую очередь из всех церквей Новгорода заслуживает внимания упомянутый Софийский собор. В первый раз его построил в 1052 году после рождества Христова князь Владимир, сын великого князя Ярослава Первого и святой княгини Анны. С течением времени собор был, разумеется, много раз отремонтирован, но, например, стены еще сохранились в том виде, в котором их сложили константинопольские мастера 850 лет тому назад.

В церкви есть на что посмотреть. Древние украшения, столетние иконы, из которых многие считаются чудотворными, и о которых церковные прислужники рассказывают истории одна занимательней другой. Многие из них в местах изображения рук и ног истерлись от поцелуев верующих. Тому, кто видит такое в первый раз, это кажется странным.

Две позолоченные двери, свидетели прошедших времен, ведут в маленькую боковую часовню. Их называют Сигтунскими вратами; по преданию они достались новгородцам как военные трофеи после удачного, и в финской истории также упоминаемого, похода в шведский город Сигтуна в 1187 году. Позолота уже по прошествии семи веков частично стерлась. Кроме них в соборе еще есть также в свое время великолепные так называемые Корсунские ворота, которые, по преданию, были доставлены из города Корсунь, места крещения Владимира Святого, но на самом деле они скорее всего были сделаны в Германии в XII веке. Их украшает сложная, в основном религиозного содержания, символика. Однако сделавший их немецкий мастер Риквин поместил на воротах также свое изображение.

В соборе находятся останки многих православных святых. Они помещены в драгоценные серебряные раки. С ними связано множество удивительных историй, которые церковный служка, какое-нибудь жалкое существо, благоговейно рассказывает, и которые каждый верующий в Новгороде знает. Эти серебряные раки приобретены какой-нибудь богатой княгиней или другим высородным верующим для демонстрации своего религиозного рвения. На одну из них, даже не самую большую по размеру, пошло 12 лиспунтов¹ 11 фунтов чистого серебра и 1 лиспунтов 1 фунт золота.

Среди святых находится князь Федор Ярославич, родной брат Александра Невского, который по воле своего отца должен был вступить в пятнадцатилетнем возрасте в брак, но скончался в день свадьбы. Это случилось в начале XIII века. Князь покоем в расположенном неподалеку Юрьевском монастыре до начала XVII века, пока митрополит Новгородский, узнав о том, что завоевавшие город шведские солдаты оскверняли могилу, перенес останки с разрешения де ла Гарди в Софийский собор, причем тогда все заметили, что останки эти нетленны. Так гласит святое предание.

На своде самого высокого купола изображен Спаситель. Об этом изображении рассказывают следующее. Во время строительства собора константинопольский живописец писал Спасителя и изобразил Его ладонь открытой. Когда на следующий день строители пришли в собор, они заметили, что вместо открытой ладони рука была сжата в кулак. По приказу тогдашнего епископа Новгородского Луки ладонь опять изобразили открытой. На следующий день она опять была сжата в кулак. Так повторилось четыре раза. На четвертый раз услышали строители голос, который на старославянском, на коем употребляемые в русском богослужении книги написаны, произнес: «Живописцы, живописцы, о живописцы! Не рисуйте мою руку в благословении, но сжатой. В руке своей держу я весь Великий Новгород. Когда раскроется моя рука, тогда придет конец этому городу». Сейчас видно, что рука только наполовину сжата.

В соборе сохраняется древнее церковное облачение, которое, к сожалению, у меня не было возможности увидеть. Например, древняя митра митрополита и жезл, которые до того тяжелы, что нынешние духовные пастыри не в состоянии поднять их. Это показывает, насколько человеческий род ослаб.

Рядом с собором, в жилище архиерея, находится неболь-

шая часовня, в которой проводятся богослужения два раза в день. Среди прочего здесь можно заметить рукомой и икону Спасителя, с которыми связана одна легенда. Рукомой раньше находился в келье Новгородского епископа, которого бес соблазнял в зримом образе, и даже один раз в виде обнаженной девушки. Однажды накрыл епископ беса, который много раз его соблазнял, этим рукомоем и поместил сверху крест, так что тот не осмелился выйти из-под него. Тогда бес начал молить епископа о том, чтобы тот выпустил его. Епископ согласился с тем условием, что бес доставит его в Иерусалим и принесет обратно. Что и было выполнено за одну ночь.

Вот еще один чудесный рассказ об иконе Спасителя. В 1170 году суздальский князь Андрей привел свои войска в Новгород, чтобы завоевать его. Силы новгородцев по сравнению с силами суздальцев были ничтожны, и верное поражение грозило им. Архиепископ молился дни и ночи перед этой иконой Спасителя, и что произошло! На четвертый день услышал он голос, который приказал ему идти в Преображенскую церковь, одну из древнейших церквей Новгорода, и взять оттуда икону Божьей матери, и понести эту икону на городские стены для защиты их от неприятеля. Архиепископ послал протодиакона за иконой, но тот не смог ее сдвинуть с места. Тогда отправился сам архиепископ во главе большого крестного хода и провел богослужение, и когда после этого он намерился прикоснуться к иконе Божьей матери, тогда она сама снялась с места и поднялась в воздух. Все упали на колени и вскричали: «Господи, помилуй». Тогда архиепископ взял икону и в сопровождении священников принес ее на место битвы. Суздальцы стали насмехаться над новгородцами, а один из них даже пустил стрелу в икону Божьей матери. Тогда икона сама повернулась прочь от неприятеля лицом к городу и из глаз ее потекли слезы. Ужас охватил противника. Его войска смешались, и новгородцы сумели их быстро разбить. Чудесная икона Божьей матери по-прежнему сохраняется в Преображенской церкви, которая после этого случая стала называться чудо-церковью. Икона, которая уже почти стерлась, изображает деву Марию с младенцем Иисусом на руках. Все находящиеся в церкви иконы подлинные.

Подобные рассказы, которые для лютеранина кажутся странными, собраны в книге, называемой «Жития святых». Правдоподобность этих странных рассказов никто из православных, даже образованный, не ставит под сомнение. Многие молодые женщины, посещавшие восьмиклассовую женскую гимназию, уверяли, что верят в них также безоговорочно, как в Библию.

Кроме Софийского, в Новгороде есть еще два собора, хотя по своему возрасту и значению они не могут с ним сравниться. В каждом из этих трех соборов проводится богослужение пять раз в день: в пять утра короткое, в шесть — длинное, которое длится до восьми, третье — с девяти до половины двенадцатого, четвертое, короткое, в четыре часа и пятое — с шести до восьми. В каждом соборе служит три священника. Но эти постоянные богослужения не приносят им большого беспокойства, так как по крайней мере в обычные дни они не похожи на проповеди в Софийском соборе, когда какой-нибудь высший духовник проводит богослужение. Каждый день обычно читаются главы из церковнославянских книг, которые сами русские с трудом понимают. Конечно, в конце концов они дойдут и в самую твердую голову.

¹ Один лиспунт (leiwiska) = 8,5 кг.

Духовного пастырства в деревне нет. Священники учат Закону Божьему в сельских школах, но люди постарше лишены и этого. Иногда русские жалуются на нежелание священников идти к больным, особенно к бедным. Рассказывают, что в одной семье нянька была при смерти, и к ней позвали священника. Посланцу ответили, что батюшка сейчас обедает и поэтому не может прийти. Через некоторое время за ним опять послали. «Он спит после обеда» был дан ответ. На третий раз ответили, что у него гости. Только на четвертый раз он наконец пришел к больной и едва успел соборовать ее, как она умерла.

Из-за того, что богослужения проводятся кроме этих соборов еще во многих церквях города, где чаще, где реже, то неудивительно, что из всей общины на них присутствует только какая-нибудь старушка. Однако религиозное усердие русских, по крайней мере внешнее, повсеместно известно. При всяком удобном случае они осеняют себя крестным знаменем. Когда гимназист, или чаще гимназистка, идут утром в школу, по дороге они заходят в часовню. И когда они заканчивают свое образование, то считает своим долгом зажечь свечу перед святой иконой. Особенно заботятся о том, чтобы домашние лампы не остались бы в праздничные или воскресные дни незажженными. Мне рассказали о местном учителе гимназии, который всегда самым тщательным образом заботился о том, чтобы в его комнате лампа горела всю ночь. Однажды, когда он зажигал ее поздно вечером, лампа сломалась. Служанке пришлось в поздний час отправляться на поиски новой в лавку, которая к тому времени была уже закрыта, потому что учитель сказал ей, что он не может отойти ко сну, не выполнив свой долг христианина.

Летом часто совершают паломничество для «творения молитвы». Недавно 65-летняя старая женщина совершила паломничество в Тихвинский монастырь, расположенный в 160 километрах от Новгорода. Подобные паломничества нужно, разумеется, проделывать пешком, что представляет собой нелегкую задачу в жаркое время.

Из русских богослужений так называемый крестный ход представляет наибольший интерес. Такие крестные ходы проводятся в Новгороде 12 раз в год, либо в честь святых, либо для защиты города от всякого рода напасти, как пожара, голода, чумы и других. Тогда иконы Спасителя, Божьей матери и святых носят по городу, священники облачены в праздничные одежды, присутствует сам новгородский архиерей, певчие поют, и нескончаемый людской поток идет следом. Часто крестные ходы направляются в самые отдаленные места. Например, в июле ход идет от города к Хутынскому монастырю, до которого добрый десяток километров. И если жарко, как нынешним летом, и дорога немилосердно пылит, то русские могут успокоить свою совесть на долгий срок, выполнив этот долг. Часто самые благочестивые русские говорят, что многие, в основном образованные, отправляются большим обществом, и путешествие проходит довольно приятно, но религиозная сторона остается в тени. Священникам эти крестные ходы доставляют большие неудобства, так как они в эти дни не имеют права брать в рот ни крошки до конца шествия. Ход от города до Хутынского монастыря длится почти до вечера, и священникам приходится весь день поститься.

Недавно было шествие в расположенный неподалеку Антониев монастырь, в котором в этот день проводился празд-

ник, обычно устраиваемый каждый год. Монастырь основан Антонием Римлянином в 1106 году. Об этом святом рассказывает древнее предание, и никто из православных не ставит под сомнение, что упомянутый святой приплыл сюда из Рима за три дня на камне, держа морскую водоросль в руках.

Этот длинный, широкий, а также слегка приплюснутый камень сейчас находится в одной из церквей монастыря. Упомянутые водоросли также можно увидеть в монастырской церкви. Сам святой Антоний, который умер в начале XII века, покоем неизвестным в своей гробнице пять столетий, пока его земные останки чудесным образом не были обнаружены в 1597 году во времена правления царя Федора. С этого времени и проводится этот праздник в его честь в первую пятницу после Петрова дня. Тридцать лет тому назад тело святого было уложено в серебряную раку, которая хранится в главной церкви монастыря. По старому православному преданию его тело сохранилось таким, каким оно было на момент его смерти, и оно сохранится таким же нетленным в дальнейшем. В упомянутый праздничный день эту серебряную раку проносят в крестном ходу вокруг монастырского двора. Тогда толпа пытается попасть насколько возможно близко к иконам Божьей матери, и в особенности к раке святого. Самые благочестивые образуют перед шествием длинную и узкую колонну, они кланяются при приближении крестного хода, и многие иконы Божьей матери проносят над ними. Время от времени шествие останавливается, и тогда находящиеся под иконами на 10-20 минут остаются в неудобном положении. Каждый пытается хотя бы один раз протиснуться к раке с мощами и осенить себя крестным знаменем.

Четыре человека несли через толпу больную женщину. Они стремились приблизиться к раке с мощами. Народ свято верит в их исцеляющую силу. Бедная женщина испускала хватающие за душу крики, когда почти бегом ее волокли через толпу. Излечилась ли она? Не знаю.

На монастырский двор и на ведущую в монастырь дорогу собирается великое множество больных: хромых, слепых, немых и прочих. Похоже на то, что они не столько пришли за исцелением от своих болезней, сколько попрошайничать. Их встретишь повсюду. Рядом со мной полз старый немой, чьи обе ноги были искалечены. Он бормотал какие-то странные слова, поминутно крестясь. Время от времени кто-то бросал ему милостыню. Сопровождающему меня русскому я рассказал о том, что у нас в Финляндии не терпят попрошайничества, и что у нас не найдется и десятой доли такого количества нищих, и что у нас есть для них приюты или о них заботятся другим каким-то способом. «У нас тоже есть приюты, но в них всех не поместить», — ответил он. На вопрос, не лучше ли было бы построить еще приютов, чем золотить церковные купола, он сухо ответил: «Для нищих делается все возможное».

Существует много рассказов о том, как больные исцелились от своих болезней либо проведя ночь в церкви перед святой иконой, либо другим каким-нибудь чудесным способом. На вопрос, не лучше ли молиться дома, чем протискиваться через толпу к раке с мощами, мне ответили: «Он ближе к Богу, чем мы, и Бог послушает его, когда он будет молиться за нас».

Если большинство русских посещает церковные праздники по религиозным соображениям, то другие приходят на

них совершенно по другим причинам. К последним можно причислить ловких и знающих свое дело карманников, которых на подобных праздниках тьма тьмущая. На упомянутый праздник в Антониев монастырь прибывают каждый год хорошо организованные и опытные шайки из Москвы и Петербурга.

Как известно, русские священники обучаются в так называемых духовных семинариях. В прежние времена можно было пройти всю церковную иерархическую лестницу от церковного служки и певчего до священника, сейчас это не удастся. Духовная семинария имеется и в Новгороде, в уже упомянутом Антониевом монастыре. В прошлом году в ней обучалось примерно 360 учащихся, и большая часть из них проживала в большом, напоминающем казарму, здании школы. Часть жила все-таки в городе. Годовая плата за обучение, по крайней мере для тех, кто ее должен платить, составляет 60-70 рублей. В семинарию приходят из своего рода подготовляющей 3-4-летней духовной школы. Курс семинарии продолжается 6 лет. В числе учебных дисциплин, помимо духовных, есть еще латынь и греческий. И, как ни странно, философия. По каким учебникам ее проходят — мне не известно. Древнееврейский язык не изучается. Успешно закончившие курс учащиеся могут поступить в духовную академию в Петербурге, курс в которой продолжается 3-4 года. В таком случае они становятся высшим духовенством.

По окончании школы первая и почетная задача семинариста — найти себе невесту. Он не может быть рукоположен в сан и не может получить свой приход до того, как законно не заключит брак. Так соблюдается заповедь «епископ должен быть мужем одной жены». Для того, чтобы заключение брака было легким и приятным, существует следующий обычай: если какой-то старый священник, у которого дочь на выданье, либо начинает чувствовать уже старческое недо-

могание, либо просто считает, что настало время выдать дочь замуж, он идет к архиерею и просит, чтобы тот дал дочери мужа и отцу преемника. Архиерей на это соглашается и заминает необходимые подробности дела. Потом он дает об этом знать уже окончившим семинарию начинающим священникам, которых он считает подходящими, и, если подобных нет, то слушателям старшего курса. Если приход и прикладывающаяся к нему дочь кажутся им привлекательными, то тогда они один за другим начинают усердно посещать дом священника. Кто придется отцу по сердцу, тому и отдаст он сначала дочь, а потом и приход. Этот хороший и удобный обычай сохранялся в прежние времена в точности. Похоже на то, что нынешнее поколение начинает отказываться от этого обычая, и что семинаристы, которые в таких делах стали очень разборчивыми, уже во время пребывания в школе знают о всех плохих и хороших близлежащих приходах и поповнах, и они сами сговариваются о женитьбе без посредничества отца. Тому, конечно, не надо ходить к архиерею, но многие обстоятельства остаются не взвешенными.

Если жена священника умирает, тот до конца своих дней остается вдовцом, потому что он может быть «мужем только одной жены». Еще в точности выполняется обычай, что приход получает муж дочери, а не сын, который женится на дочери другого священника и получает его приход. Только в том случае, если у священника нет дочери, что очень редко, преемника ему назначают по другим основаниям.

Если русский священник не собирается жениться, он может стать монахом и добиться в монастыре высокого звания. Но это случается редко. Таким образом, русский священник должен почти насильно делать то, что наши теологи делают добровольно и в первые же годы.

“Uusi Suometaar”. 26.7.1891

Народное обучение в России

Мне случилось познакомиться с учительницей одного народного училища, которая несколько лет назад преподавала в деревенском народном училище в Новгородской губернии, а теперь преподает в маленьком городке этой же губернии. Она рассказала об обучении детей.

В деревнях народные училища бывают трех видов: первых, училища, основанные и содержимые министерством народного просвещения, во-вторых, «земские» или «сельские» и, в-третьих, «церковноприходские». По сути дела, все эти училища отличаются друг от друга только названием и тем, на какие средства они существуют.

Первые, «министерские училища», финансирует полностью государство, и они, между прочим, находятся в очень хорошем состоянии: училища размещены в больших роскошных зданиях, и учителя получают неплохую зарплату.

Ученики, по крайней мере из дальних деревень, находящихся иногда и за десятками верст, пребывают в училище всю неделю и только по воскресеньям расходятся по домам. Учебные пособия здесь хорошие, и учителя, конечно, являются государственными чиновниками, которые при увольнении от должности получают пенсию. Плохо только, что этих училищ очень мало и они расположены лишь в крупных деревнях, например, вблизи больших станций железной дороги Петербург-Москва.

В деревнях намного больше земских и церковноприходских училищ, которые полностью содержат коммуны. Поэтому упомянутая учительница сожалела о том, что в этих училищах много недостатков, т.к. крестьяне не очень-то щедры в этих делах. Она сама преподавала в земском училище, о котором больше всего и рассказывала. В земских учи-

лицах имеется один класс, разделенный на три отделения, из чего следует, что школьный курс является трехгодичным. Поскольку здесь нет никаких подготовительных детских школ и домашнее обучение среди народа находится на плохой основе, то дети, поступая в училище, не знают ни буквы. Часто они даже не знают ни своего имени, ни имени родителей, а также не понимают, где левая, а где правая рука.

Предметами в этих училищах являются Закон Божий, чтение вслух, арифметика, география, пение и труд. В предмет Закон Божий входят знание главных молитв, православного богослужения и ознакомление с Библией. Детей также учат читать Библию на церковнославянском языке, параллельно с которым в учебниках имеется перевод на русский (как известно, русское богослужение происходит на церковнославянском языке.) Чтение вслух содержит беглое чтение, понимание прочитанного и учение о главных членах предложения. В арифметике в основном изучаются целые числа и немного касаются дробей. В географии не идут обычно дальше своего уезда. По понятным причинам не возможно изучить географию своей страны так точно, как в Финляндии, поскольку лишь это заняло бы около двух лет. Поэтому на уроке проходят только важные места своего уезда. Учитель рассказывает о реке Волхов, ее притоках, об озере Ильмень. На уроке пения детей учат петь молитвы, которые являются одной из главнейших частей православного богослужения. Пение преподает часто местный священник, который ведет также Закон Божий во всех школах. Другим эту должность не доверяют. За свою работу пастор получает небольшое возмещение от уезда. В то время когда упомянутая учительница работала в таком училище, пастор, проживающий за девять верст от училища, получал за эту должность добавочное жалованье размером в 19 рублей за год! То ли из-за маленькой зарплаты, то ли по другой причине священник исполнял эту дополнительную должность не иначе как на 19 рублей, и поэтому учительнице, вопреки правилам, приходилось преподавать также Закон Божий.

Предметы в основном одни и те же во всех школах. Кроме того, в министерских училищах преподается также физкультура, которая, как и во всех русских или по крайней мере новгородских учебных заведениях, означает чистое марширование и обучение военным трюкам.

«Церковноприходские» училища почти совсем не отличаются от «земских». Разница между ними лишь в том, что они находятся под прямым надзором приходского пастора и на его попечении, а также в том, что в них Закону Божьему уделяется больше внимания, чем в последних. Учительница рассказала, что в последние годы, по-видимому, было выражено недовольство по поводу программы и методов обучения в «земских» училищах, и поэтому их деятельность стали прекращать. Способ довольно прост: «земские» училища закрывают, а вместо них основывают «церковноприходские» училища. В них уделяется много внимания религии, а остальное, по словам учительницы, остается полностью в тени. О том, кто закрывает «земские» училища, я не спросил.

Всего, по мнению учительницы, школу в деревнях посещает около седьмой части всех детей. Она рассказала также, что на каждом шагу встречается сопротивление к школам в народе, где старики рассуждают: «У наших прародителей школ не было, но они все-таки справлялись. Посему и мы в них не нуждаемся». В двух училищах классные комнаты плохие, и

учителя никак не защищены. Их могут запросто уволить, без наличия жалоб и без законного расследования. Они также не получают пенсии в старости. Другой проблемой являются ученики, обучение которых, как было уже сказано, надо начинать сначала. Иногда происходят всякие беспорядки: случается, маленький пострел приходит в школу таким пьяным, что его первым делом приходится спокойно положить спать... В России даже в деревнях для получения водки не надо ее самому производить, поскольку в любой, даже маленькой ветхой деревушке, всегда имеется некоторое строение, на котором большими буквами написано: Русский трактир.

Самыми лучшими учениками, по словам учительницы, в то время, когда она преподавала в «земском» училище, были так называемые чухонские дети. Среди русских «чухны» были известными за свою старательность. Они пришли в эту местность бродягами (так называемыми гулянцами), приобрели себе целину, которую и возделывают. Родом из провинций Балтийского моря, Эстонии и Ингерманландии, а также из Ливонской земли. Исповедовали они в основном лютеранскую веру. Мне случилось как-то раз увидеть жилье такого целинника, которое находилось в двух милях от Новгорода. В этой семье были муж, жена и четверо детей. Они расчистили себе под поле довольно-таки большой участок посреди леса, построили маленький домик и подсобные помещения. Все здесь похоже на плоды трудов финского целинника; разница лишь в том, что лес вокруг выглядел так, как будто на гладкой, поросшей травой поляне растут деревья. Детей из таких семей было в училище 15-16 человек. Начиная учиться, они совсем не знали русского языка. В школе внимательно слушали учителя, хорошо писали под диктовку и неплохо считали, но не отвечали ни слова на вопросы. Упрямо молчали почти весь первый год, но в конце года дети вдруг начали разговаривать, сначала, конечно, плохо, но потом все лучше и лучше. Со временем эти дети, может быть, совсем забудут свой язык.

Как в деревнях, так и в городе имеются и государством содержимые министерские училища, и училища, основанные и существующие за счет города. Но здесь, помимо, одноклассовых школ, в которых, как и в деревенских, по три отделения, существуют и двухклассные школы, в которых пять отделений, и курс, соответственно, пятигодичный. В министерских школах имеется один учитель, а в городских два. Все школы в городе находятся под неусыпным надзором Министерства народного просвещения. Города выделяют подопечным школам определенную денежную сумму в год, остальное поставляет Министерство. Удивительно то, что, по увольнении с должности, пенсию получают только те учителя народных училищ, которые преподавали в министерских училищах, поскольку только они причисляются к государственным чиновникам.

В городах, конечно, учеба в школе более распространена, чем в деревнях, так что большая часть детей учится, по крайней мере, частично. Недавно в газете «Новое Время» была опубликована статья о том, что школьное обучение будет обязательным в тех местах, где имеется достаточно классных комнат. Об этой новости упомянутая учительница еще не получила никаких сведений.

Учителей в эти училища готовят в специальных учебных заведениях, которых в России имеется три, в частности, в Петербурге и Москве, и курс в них является трехгодичным.

Конечно, есть и такие учителя, особенно женщины, как, например, упомянутая учительница, которые закончили высшие учебные заведения. Их жалованья невелики. Преподающие в деревенских школах получают около 240 рублей. Упомянутая учительница, закончившая 8-классную женскую гим-

назию, за преподавание в «земском училище» получала в год 200 рублей. В городских школах жалованья платят побольше, от 250-300 до 400 рублей.

“Uusi Suometar”. 16.9.1891

Посещение русского монастыря

Попадая в Россию, первым делом, конечно, спешишь посетить русский монастырь. На Валааме и Коневце многие финны имели возможность любоваться старинными и богатыми монастырями, к которым в России люди съезжаются издалека. Но ни своим богатством, ни своей красотой они не могут сравниться с такими монастырями, как Юрьев монастырь недалеко от Новгорода.

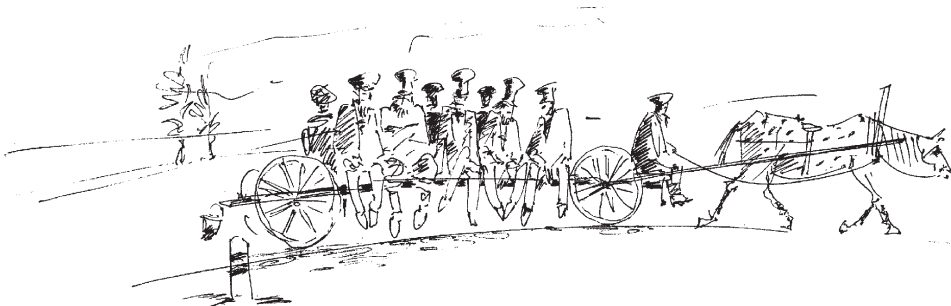
Выезжая за пределы города, обычно нанимают «тройку», т.е. четырехколесную упряжку, заряженную тремя лошадьми. Когда же в дорогу отправляется несколько человек, как в нашем случае было, нанимают «линейку», т.е. длинную тележку на четырех колесах, на которой сидят по обоим бортам, развернувшись спинами друг к другу, свесив ноги.

На такой линейке умещается от 12 до 14 человек. При этом можно быть уверенным в том, что лошади настолько истощены, что организации по защите животных в Финляндии конечно же вмешались бы в этот вопрос. Вот и наши лошади оказались из одной кожи да костей, с разбитыми спинами. Дорога проходила сначала по Петербургскому «шоссе», т.е. по улице, шириной с обычную улицу и размеченную каменными столбиками. Дорога, проложенная из Москвы в Петербург через Новгород, это остаток прежних времен, когда еще не было железной дороги между Петербургом и Москвой, и когда все пути сообщения проходили через Новгород. Дорога на протяжении миль ровна, довольно чиста осенью, даже во время слякоти, т.к. она тверда, как городская улица. Вокруг нет ничего примечательного. Повсюду луга. Бывает, навстречу попадется крестьянин на «тарантасе». Тарантас — это вид транспорта, в котором мне бы не хотелось оказаться. Чтобы иметь о нем какое-либо представление, нужно вспомнить о длинных, столь знакомых горожанам четырехколесных упряжках развозчиков пива, на которые прямо к центру, обычно весьма небрежно, прикреплен либо половина большой смольной бочки, либо ее подобие. По обе стороны бочки торчат длинные дроги. Для

чего они сделаны такими длинными — невозможно понять, т.к. на них обычно ничего не кладется, хотя такая повозка часто в течение дня встречается в городе. Бочка прыгает безжалостно со стороны в сторону на колесах, ступицы которых длиной в несколько локтей, колеса катятся одно в одну сторону, другое в другую. Но русский мужик сидит спокойно в бочке, понадеявшись на «авось», т.е. «авось удержусь», знаменует себя Крестным Знамением в самых экстремальных ситуациях и едет — должно быть до тех пор, пока бочка не опрокинется или колесо не отлетит. Если бы финн увидел все виды транспорта русских, то он, наверное, подумал бы, что на них нельзя загружать такие грузы, как на «длинные оглобли» дома.

Поскольку на пути встретилась деревня, мы заезжаем сюда на «чай». Посреди деревни проходит улица, по обе стороны которой находятся домишки, они в большинстве случаев застрахованы от пожара. Это видно по металлическим доскам, прикрепленным к стенам домов, на которых написано название страховой кампании, в которой эти дома застрахованы. Поселение оказалось небольшой русской деревней, в которую входит около 50 домов. В связи с этим, наверное, и комнаты здесь не столь хорошие, как обычно. Во всяком случае, в нескольких домах они были похожи на прихожие помещения без полов, в которых размещались клетки для кур, загон для овец и прочее. В самом доме была пара комнат.

Правда, в деревне есть и здание покраше, по которому сразу видно, что это русский кабак. Зайди-ка в него, и увидишь на первом этаже (здание обычно двухэтажное) сразу

большую комнату, на задней стене которой выстроены многоэтажные ряды винных бутылок. Там водка на любой вкус: «царская» (своеобразная, весьма популярная водка), обычная местная, желтая и т.п., одним словом, весьма грамотно рассортированный запас. В глаза также бросаются около двадцати в ряд выстроенных чайников. Зайдя в какой-то дом, мы просим «поставить самовар», который имеется в каждом русском доме. «Сейчас», слышно в ответ, и тут же начинается суета. И скоро уже вносится самовар. Русские — бесспорно гостеприимные люди. Когда в финском доме попросишь что-либо, то, конечно, получишь, но пока медлительный финн раскачается, придется подождать. Русский же спешит исполнить просьбу, и даже когда ты пьешь, он вертится вокруг тебя, как кельнер в ресторане. И он не смущается, заводя беседу с гостем, хотя и видит, что гость — иностранец. Но вот тут-то и сюрприз! Когда платишь финскому крестьянину, он может вернуть половину, говоря, что за это не должно платить так много: «Да Вы ничего и не поели». Но дай русскому хоть десять рублей за чай — он возьмет. Раскланяется и скажет: «Дай Вам Бог...», — что он уж пожелает, то трудно понять. И когда ты уходишь, он провожает, сняв шапку, и повторяя при расставании: «до свидания».

Вообще, если ты встретишься с русским мужиком на дороге и начнешь с ним говорить, и если ты хоть сколько-то похож на господина, то мужик снимет шапку. Ясно видны следы того, что еще 30 лет назад крестьяне были крепостными. Его ответы напоминают современному человеку известные: «Вас понял, господин лейтенант».

Но вот уже и Юрьев монастырь, один из самых богатых на Руси. Он находится по южную сторону озера Ильмень¹. Уже издали виднеются 9 позолоченных куполов, золочение которых обошлось более чем в 50000 рублей. Двор хорошо ухожен, также и сами здания, из чего следует, что необходимый уход выполнен, как подобает в жилищах тех, кто, понуждаемый религиозными убеждениями, заточил себя в стены монастыря, на веки оставив мирскую жизнь. Уместно ли в этой связи рассказать очень известную в этих местах историю, услышанную мной в одном обществе, в состав которого входило и несколько молодых, образованных женщин. Дело в том, что в начале этого века жила очень богатая графиня Анна Орлова (сестра известных в русской истории Орловых), религиозный пыл которой заставил ее отдать все свои богатства — свыше 2 млн. рублей — этому монастырю. Она и украсила его, позолотила купола, отдала свои драгоценные камни и другие драгоценности, о которых речь пойдет ниже. Но ей оказалось недостаточным то, что она подняла этот монастырь, и она пожелала основать новый женский монастырь на другом берегу реки Волхов, напротив Юрьева. Запрос отправили в Петербург, откуда пришел ответ Александра I о том, что можно, конечно, построить женский монастырь на другом берегу Волхова, но тогда необходимо непременно основать также детское учреждение. Дело таким образом разрешилось.

Девушка, уже несколько повзрослевшая, которая в упомянутом выше обществе рассказала эту историю, говорила и об одном молодом и красивом монахе, который олицетворял собой добро и порядочность. В его достоинства входило,

в частности, то, что он не бродил по вечерам по слободке, находящейся за монастырем, и не шел на сенокос тогда, когда народ из близлежащих домов, особенно женщины, косили сено.

Когда я был в другом, менее богатом монастыре, я спросил монаха, выдается ли им водка и можно ли ее приобрести в трапезной. Ответ был отрицательным. «Но как же вы, будучи русским, можете жить без водки?» — «Приходится часто ездить в город».

Тот, кто был в России хоть неделю, знает, что там на водке не экономят.

И вот сам монастырь. Первой видна колокольня, в которой около 20-30 колоколов, в каждый из которых для мягкости звука при сплавке добавлено серебро. Самый большой из них называется «неопалимая купина» и весит 4200 лиспунтов. Следующий за ним по весу весит 2800 лиспунтов.

Зайди, к примеру, в главную церковь, оглядись вокруг и удивись! Повсюду богатства, золото и драгоценные камни. Вокруг икон ризы вылиты из чистого золота. Они к тому же увешаны драгоценными камнями. Дорогих камней в монастыре множество, но часть самых ценных унесена на хранение на вершину колокольни, т.к. когда-то их пытались выкрасть.

В другой церкви монастыря, где хранятся останки графини Анны и мирские останки бывшего архимандрита Фотия, в двух мраморных могилах, есть два столба из чистого белого мрамора. В этой церкви нам показали одно Евангелие, т.е. книгу с библейскими рассказами, на обложке которого была овальная, из 20-30 драгоценных камней окантовка. В монастыре находится много таких книг в позолоченных серебряных обложках. А также множество других ценных предметов, золотой посуды и т.д. Достойна также внимания митра архимандрита, украшенная весьма крупными бриллиантами, сбоку которой написано: «Сердечный подарок Святому архимандриту Фотию от его духовной дочери Анны 12 августа 1823 г.» В этой церкви горит вечный огонь в память Фотия и Анны, и каждый день проводятся богослужения за упокой их душ. Кроме того каждую субботу читается панихида.

Если какой-то счастливцев сможет увидеть бриллианты, алмазы и другие драгоценные камни, сверкающие на кудрях красавиц, или на ожерелье, или на коронах царей и королев, то эти украшения произведут, по-видимому, необходимое впечатление, но когда безумно дорогая жемчужина украшает ожерелье Богородицы — это, во всяком случае, в лютеранине не пробуждает религиозного чувства.

Помимо всего прочего в монастыре есть сад, отданный в аренду за 300 рублей одному новгородскому купцу.

Но помимо недвижимости, которая в золоте, бриллиантах, мраморных столбах лежит далеко в одиночестве на берегу Ильменя, в монастыре есть и другое имущество. Благочестивая графиня Анна не остановилась лишь на украшении монастыря. Почему бы деньги не тратить, когда они имеются. Она положила в банк капитал, проценты с которого ежегодно поступали в Юрьев монастырь. Капитал не мог быть незначительным, т.к. ежегодно проценты его составляют 50000 рублей. На эту сумму монастырь и содержится. Архимандрит получает в монастыре все бесплатно и к тому же еще 6000 рублей зарплату. Для чего ему, неженатому человеку, такая зарплата — этого не понять. К тому же на эти деньги нанимается 80 рабочих, которые ведут все хозяйство

¹ Монастырь находится на северной стороне озера Ильмень (прим. ред.)

в монастыре, т.к. монахи освобождены от труда, дабы иметь больше времени на молитву, не думая о мирских заботах. Но это еще не все. Они тоже получают зарплату, старшие 25 руб. в месяц, молодые поменьше! И т.к. ко всему прочему они также в монастыре ни за что не платят, то не удивительно, что они умирают богатыми людьми. «Они наживают себе капитал», — говорят русские. Если еще учесть, что, согласно статистическим данным, государственные деятели и духовенство живут дольше всех, то можно догадаться, что у монахов Юрьева монастыря все готово к обогащению и к беззаботной жизни.

Плохо только то, что монахам приходится либо проесть, либо при жизни раздавать родственникам полученные деньги, т.к. после их смерти остающиеся деньги возвращаются монастырю. Потомства, о котором они могли бы заботиться, нет. Но, несмотря на это, они умирают, как уже было упомянуто,

иногда очень богатыми. Несколько лет назад умер монах в годах и довольно высокого сана, у которого по приходе в монастырь не было никакого имущества, но, умирая, он оставил 30 тысяч рублей! После его смерти родственники пытались получить эти деньги, но из этого ничего не вышло.

Как видно, в этом монастыре неплохо живется. Несмотря на неприятным может показаться, что еда, которая, кстати, вкусна, всегда «постная». Мясо полностью запрещено монахам, хотя молоко им дозволяется.

По возрасту Юрьев монастырь довольно стар. Он был основан уже при великом князе Ярославле I. В монастыре похоронены знаменитые братья Орловы и их отец. Над могилой Алексея Орлова поставлена иконка Божией Матери, которая сопровождала героя Чесмы, разбившему турецкий флот.

“Uusi Suometaar”. 24.9.1891

Среди русских

То, что русские — народ, который может забыть и печаль, и заботы мира сего, в этом убеждаешься уже в Финляндии, а именно, когда случается увидеть за городом сразу несколько русских. Покупают гармонь и водку, идут по деревне, пляшут «русского» и поют. Такое веселье в России можно увидеть, как только выйдешь на окраину города. В городе это, по-видимому, не дозволено. Но лучше всего это познаешь, если тебе случится пожить по соседству с кабаком, вероятность чего очень велика. Это, конечно, касается, в основном, низших слоев общества. Но и среди господ дело обстоит примерно также. Когда ожидают гостей, пекут огромный пирог более аршина длиной и покупают пузатую бутылку прозрачной жидкости. Этого достаточно. Скоро веселье в полном разгаре, песни и пляски продолжаются до утра.

Конечно же, русские поют и на трезвую голову, наверно, даже больше, чем другие. Портные, живущие в этом же доме, распевают весь день. Их более десятка. Сидят, скрестив ноги, на большом столе и напевают в такт песни: один всегда поет начальную строфу, а остальные хором подхватывают. Теноры напевают мелодию, басы подпевают, — обычай, который русские переняли, наверно, из церковного песнопения. Иногда пение сопровождается насвистыванием и вскрикиванием, доходящим до фальцета. Песни эти чаще всего — разные нехитрые частушки. Но когда собираются господа, то сначала поют романсы и играют, а порой, когда воодушевятся, поют хором: «Эй, славяне, еще зазвучит наша песня свободы...» и

прочее. Песней заканчиваются в России все важные торжества. Мне случалось весной присутствовать в гимназии на празднике, посвященном окончанию учебного года. Когда все было закончено, свидетельства выданы закончившим учебу гимназистам, зачитаны правила и наказания, как ученикам должно летом жить и т. д., — повернулись все присутствующие к портрету царя на задней стене и запели гимн «Боже, Царя храни!..»

Кроме песни, музыки и светской беседы самым важным времяпровождением остается игра в карты. «Крест», «винт», «преферанс» и другие игры русским знакомы до оскомины. Только старомодные люди, пожилые дамы и господа, играют «в дурака» — известном в Финляндии под названием «парного дурака». Обычно в карты играют на деньги, и от этого удовольствия даже молодые девушки не хотят остаться в стороне.

Очень забавно видеть, как четыре-пять дам умело играют в карты. У каждой во рту папироса, из которой делают такие глубокие затяжки, что они были бы достойны любого заядлого курильщика. Одна из дам представляет собой типичного игрока: сидит себе со спокойным видом, не волнуется, хотя только что вложила в игру 15 рублей. Другая не настолько хладнокровна: недавно, проиграв 2 рубля, чуть не заплакала. Тем усерднее она снова берется за карты. Карты дрожат в руке, глаза блестят, жаркий румянец покрывает ее лицо от подбородка до корней волос. Третья в очень хорошем расположении духа, поскольку сегодня она выиграла 60 рублей.

Как известно, русские — люди практичные, и не считают одну работу лучше другой. В России мужчины зачастую работают на таких работах, на которых в Финляндии трудятся женщины. Не говоря о том хорошем обычае, что в мужских банях все мойщики мужчины, похоже, что мужская часть населения хорошо справляется и с приготовлением пищи. По крайней мере несколько господ пожилого возраста в присутствии автора этого письма беседовали о засолке грибов и уходом за цыплятами с таким знанием дела, что можно подумать, что они сами всю жизнь были поварами и выращивали кур.

Рассуждения о таких полезных вещах можно, кстати, услышать каждый день. Причиной этого может быть отчасти то, что размышления о них не относятся к запретным. «Умничание» о том, что происходит в Санкт-Петербурге, конечно, не подобает гражданам хорошо организованного государства. Кроме того, это было бы намного труднее, потому что сведения о столицах в таких уездных городах, как Новгород, исходят из Бог весть скольких источников. Ведь по мнению русских газета — всего лишь ненужная роскошь, которая поэтому попадала мне в руки крайне редко. Но похоже, что в настоящее время желание узнать, что происходит в мире, возросло после визита французского флота. По крайней мере, пожилой учитель русского языка в гимназии этой осенью выписал газету «Новое Время», хотя до сих пор его не особо интересовали события внешнего мира.

У русских не принято думать о своей судьбе, разве только в том смысле, что все идет к лучшему, а иначе и быть не может. Но было бы несправедливо по отношению к ним считать, что никто из них не следит за событиями в мире. Конечно, в каждом уезде всегда найдутся такие, которые читают «Новое Время», «Сына отечества» или «Свет». А они потом доводят «новое время» и «свет» до сознания остальных. Часто, к примеру, их спрашивают, «когда отступят эту Германию», или «каким был бал, который устроили в честь французских морских офицеров», или «правда ли, что адмирал Г. женился на американской красавице и не захотел жениться на русской». Вот такие инсинуации очень интересуют русских. А ответы достоверны и получены намного легче, чем если бы сам стал их искать. Кроме того, конечно, разъяснят, что нового происходит в мире. Неизбежность надвигающейся войны просто объяснил учитель пения в гимназии — он относится к тем, которые читают газеты — следующим образом: «Представьте себе, что вы находитесь в комнате у себя дома, и все двери и ворота наглухо заперты у вас перед носом. Вам, конечно, нужно выбраться наружу. Так обстоит дело и с Россией. У нас нет выхода. В том-то и дело. С тех пор генералы наши убеждены в неизбежности войны».

Никакой местной газеты в таком городе, как Новгород, конечно, нет¹. Несколько лет тому назад пытались, правда, заполучить в город свой орган печати. Идея эта принадлежала одному пожилому новгородцу, вероятно, предполагавшему, что в старейшем русском городе с 25 000 жителей должна выжить одна газетенка. Но, по-видимому, он тогда не знал новгородцев и основывал свои подсчеты на слишком больших несуществующих предпосылках, потому как попытка не

удалась. Газета под названием «Новгородская газета» прекратила свое существование уже по окончании первого года выхода в свет. О смерти этого младенца по сей день скорбит в особенности некий мужчина, известный под псевдонимом «новгородский поэт», который, бросив гимназию в четвертом классе, занялся деятельностью писателя и особенно поэта и который теперь, после того, как смерть газеты лишила его постоянной работы, только по просьбам знакомых сочиняет стихи по поводу именин и других торжеств.

Когда с издательством этой политической газеты ничего не получилось, представители интеллигенции Новгорода перешли в научную область. Через некоторое время после неудавшейся попытки в Новгороде вышел в свет журнал для юристов «Криминалист». Но и с ним дело обстояло также печально, как и с предыдущим: по окончании года он перестал выходить.

Финляндия известна среди обыкновенных русских, по крайней мере среди новгородцев, как необычайно неплодородная страна с природой удивительной красоты. Представление о ней несколько смутное даже здесь, в 20 милях от Санкт-Петербурга. Да это и неудивительно, потому что, например, в учебниках не тратят лишних слов на Финляндию. Видимо, Финляндия представляет собой маловажную часть империи, поскольку из 400 страниц «Истории России» захвату Финляндии посвящено меньше половины страницы, в то время как завоевание Кавказа и недавняя русско-турецкая война занимают целых 7 разворотов. Русско-финская война 1808-1809 годов описывается в двадцать третьем издании упомянутого учебника, используемого в старших классах гимназии, следующим образом: «В 1808 году началась война со шведами (на основании того, что Швеция отказалась объединиться с Союзом Северных государств против Англии). Ареной военных действий стала Финляндия: русские войска вытеснили оттуда слабые шведские полки и вынудили неприступный замок Выборг сдать: зимой следующего года они, под руководством Баркляя де Толли, по льду перешли через Ботнический залив (на высоте горла моря) и сами напали на Швецию. Тогда король Швеции Густав IV отрекся от престола, а его последователь Карл XIII заключил с Россией мир, на основании которого Россия получила Финляндию до реки

¹ В Новгороде в это время издавались «Новгородские губернские ведомости» и «Новгородские епархиальные ведомости» (прим. ред.)

Торнео и Аландские острова. На финляндском сейме (в марте 1809 года) Александр I подтвердил сохранение в Финляндии прежнего, установленного шведами порядка и подарил ей особое правительство в качестве Великого княжества Финляндского (к которому была присоединена также Выборгская губерния, другими словами, та часть Финляндии, которая завоевана во времена Петра I и Елизаветы Петровны и которая успела почти наполовину обрусеть). После этого в «Истории России» Финляндия не упоминается ни словом. В учебнике географии, в главе «Государственный строй и административный порядок Российской империи» последние предложения звучат так: «Восемь северо-западных губерний европейской части России представляют собой Великое княжество Финляндское. Великим княжеством Финляндским, хотя оно и является неотделимой частью Российской империи, правят по особым законам, и у него свои особые ведомства и деньги. Правление Финляндией передается генерал-губернатору».

В том же учебника, но чуть позже, в главе «Финляндия», то же самое повторяется еще раз: «Вся Финляндия представляет собой неотделимую часть Российской империи и носит имя «Великое княжество Финляндское»; им управляет генерал-губернатор, которого назначает государь. Царь. У Финляндии есть сенат и сословный сейм, собирающиеся только по разрешению государя. Финляндии дано право на чеканку собственной монеты и содержание таможи».

В конце того же учебника приводится описание наиболее крупных народов, проживающих на территории Российской империи. Жители Финляндии описываются в нем следующим образом: «Финны среднего роста, худые, но сильные; цвет кожи у них темно-желтый(!), глаза маленькие, блестящие, волосы светлые, желтые или русые; бороду и усы они по большей части бреют. Костюм финнов состоит из серо-зеленой кофты, красного жилета с медными пуговицами, синих шаровар и круглой фетровой шляпы с широкими полями. В женский наряд входит головное украшение и множество металлических украшений на голове, на шее и на груди. Финская пища скудная. Мягкий свежий хлеб, по их мнению — лакомство. Они пекут хлеб очень редко и хранят его в виде круглых караваев. В Северной Финляндии, из-за частых неурожайных лет, хлеб печется из муки, в которую добавлен измельченный мох или натертая сосновая кора. Любимый напиток финнов — кофе. Все финны очень любят курить табак, так что огромное количество табака привозится каждый год в Финляндию».

Финны живут в городах и деревнях; их деревни выглядят странно, потому что дома находятся далеко друг от друга, вокруг дома расположены хозяйские поля; некоторые деревни растянулись таким образом вдоль дороги на две версты, а то и больше.

Финны необычайно трудолюбивы и выносливы. Финн горд, но гостеприимен; по отношению к иностранцам он

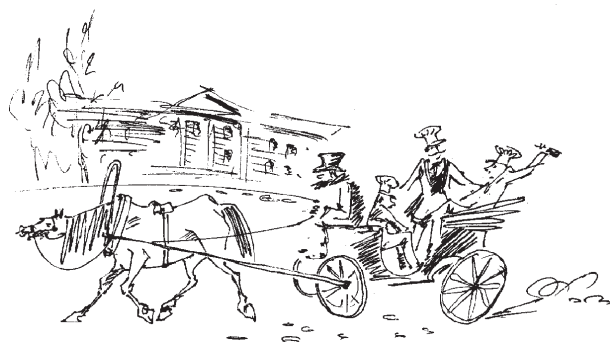
недоверчив. Финны исповедуют лютеранскую веру и очень набожны. Почти все финны, и мужчины, и женщины, умеют читать и писать; наиболее распространенная и наиболее уважаемая книга — это Библия: она служит настольной книгой в каждой семье, в каждом доме. Пасторы заботятся о просвещении народа. У пастора в Финляндии огромное значение: он проповедник слова Божьего, он учитель и врач, он судья, которому подчиняются без оговорок, он хороший советчик, часто также помощник в трудные минуты.

Шведы образуют в Финляндии высший класс и живут, в основном, в городах. В общем, довольно выгодное описание финнов.

Но утверждение, что у финнов «темно-желтый» цвет лица, привело одного гимназиста среднего класса к неверному выводу, потому что он однажды удивленно спросил, почему у финнов, пребывающих в Новгороде, лица белые, как и у других людей, а не желтые.

К такому же мнению, которое в описании высказано о финских шведах, пришел один русский заводчик, который 8 лет тому назад ездил по Финляндии. Однажды он рассказывал о своей поездке и начал свой рассказ заявлением, что Финляндия скоро станет такой же, как и другие русские губернии, и что он во время поездки по Финляндии не слышал ни слова по-фински, разве что несколько раз, случайно оказавшись в финской деревне. В ответ на возражение, что, прежде чем это произойдет, изменится установленная обоими первыми Александрями форма правления Финляндии, он заявил, что «у нас теперь правит уже третий Александр».

К отдельным финнам в России относятся очень друже-

любно — русские не отступают от поговорки «лежачего (т. е. побежденного) не бьют». Некоторые люди даже чрезмерно услужливы. Одному финну, когда тот предъявил паспорт, принялся пристав доброжелательно объяснять, что все финны должны выучить русский язык, «потому что Финляндия — часть Российского государства».

“Uusi Suometar”. 14.10.1891

К нам едет инспектор

Уже в начале осеннего семестра директор Новгородской классической гимназии Антон Федорович — фамилии я не слышал — узнал через какого-то своего хорошего друга из Петербурга, что его превосходительство, инспектор Петербургского школьного округа, в течение этого семестра посетит губернский город Новгород. В этом событии нет ничего примечательного, поскольку и без инспектора в гимназии царит полный порядок, но, во всяком случае, это казалось несколько неожиданным и странным, т. к. подобные проверки не проводились в течение последних шести лет.

В России, где все устроено на отеческий лад, эта отеческая забота особенно ярко выражена, что весьма естественно и как и должно быть в школьном секторе. Например, должности обычно не объявляются на соискание, как у нас, а чиновники, равно как педагоги и все остальные, направляются по необходимости из одного места в другое. Как говорили, такая «приказная» отеческая забота способствует достижению совершенства в школьном секторе. Во всех российских гимназиях, всего которых около 150 (или одна гимназия на 750 тыс. человек) — это цифру назвал один образованный русский, — главным человеком является директор, в ведении которого находятся самые важные дела гимназии. Помимо него существует еще и заместитель, который занимается, в основном, практическими вопросами, например, проверяет квартиры учеников и распределяет учеников по квартирам. В обязанности директора входит раздача отпускных удостоверений ученикам для поездки на время каникул домой, поскольку без такого удостоверения ученикам, равно как и солдатам, разрешено пребывать лишь на определенной территории. Он также отдает приказы ученикам, например, о том, как долго они могут по вечерам находиться на улице. В законе, конечно же, это время определено четко: в будние дни — до 6 часов, в праздники — до 8 часов, но это время все равно приблизительное, т. к. сегодня — это 6 часов, завтра по какой-то особой причине — 5 и т. д. В школе староста, который соответствует примерно капитану роты, назначает накануне вечером дежурного по классу, главная задача которого быть неким полицейским в классе, что у него обычно очень хорошо получается. В каждой квартире заместитель директора назначает одного из живущих там учеников «постоянным дежурным» (соответствует примерно сержанту), и, поскольку здесь практически у всех чиновников имеются помощники, назначается, как и в этой квартире, где живет всего 4 гимназиста, еще один «дежурный» постоянным помощником, который играет ту же роль, что и капрал в батальоне. Таким образом гимназисты привыкают уже с молодых ногтей к такому хорошему и очень размеренному порядку, который господствует от Польши до Камчатки.

Такой порядок поддерживается, как и в армии, большей частью при помощи наказаний. В карцер отправляются даже ученики младших классов. Облегчением для ребят является большое (с моей точки зрения) число церковных и других праздников, которых в учебном году в России по сравнению с нашим очень много. В такие дни, так же, как в субботние

вечера и в воскресенья, гимназист обязан присутствовать на службе в церкви гимназии. На уроках учеников не спрашивают всех подряд, как, например, в Финляндии, а вызывают нескольких, максимум 4 — 5 человек за один урок, которые обычно, стоя у кафедры, отвечают продолжительное время. Это научило гимназистов приспосабливаться: они высчитывают, когда придет их очередь, и, таким образом, готовятся к урокам примерно раз в неделю.

Эту четко спланированную, хотя и немного запутанную «машину» сейчас нужно было завести на полную мощность, т. к. 41 параграф закона о школе гласит:

«При встрече с Государем Императором или членами императорской семьи ученик должен остановиться и снять фуражку с головы, но при встрече с господином министром просвещения или его помощником, инспектором школьного округа или его помощником, а также с губернатором или архиереем ученики обязаны отдать им должное почтение, снимая фуражку с головы и вежливо кланаясь».

Ученики должны, как это и положено, отдать должное почтение инспектору, и поскольку инспектор не посещал города с проверкой в течение шести лет, директор счел нужным для начала в небольшой речи сообщить ученикам о нем, его внешнем виде и т. д. Ученикам также было приказано содержать свои квартиры в должном порядке, т. к. инспектор вряд ли ограничится проверкой только самой школы. Восьмиклассникам было велено подготовиться к сочинению на тему: «Значение самодержавия в России».

Ночью «его превосходительство» прибыл на дополнительном поезде. Он не был собственно инспектором, а его помощником, о приезде которого друзья Антона Федоровича накануне предупредили его на всякий случай телеграммой из Петербурга. Так что все были готовы.

Инспектор был энергичным человеком, и он хотел увидеть деятельность гимназии как во время работы, так и во время отдыха. Отдохнув пару часов, он сразу же начал проверку в 2 часа ночи, отправившись в находившийся на верхнем этаже гимназии интернат, где жило 74 ученика. Там все было найдено в порядке, т. к. мальчики спали, как и было положено, и учитель, находившийся на дежурстве, был тоже в «надлежащем порядке».

Утром, между шестью и семью часами, директор на всякий случай отправил своего слугу объявить каждому учителю о том, что его превосходительство прибыл. По этой же причине учитель русского языка встал на полтора часа раньше, чем обычно, распорядился сразу же разбудить гимназистов, позвал их к себе и дал необходимые советы. Надев парадную униформу, — в России учителя, находясь в классе, обязаны были всегда надевать форменный пиджак с блестящими пуговицами — он, не поев, отправился к заместителю директора, где собрались и другие учителя за час до начала занятий и откуда потом все отправились в школу.

Поскольку я, конечно же, не попал в школу вместе с ними, то не могу с уверенностью сказать, что представляла из себя эта проверка. Я смог присутствовать только лишь при про-

верке учителя гимнастики, т. к. это происходило во дворе школы. В Новгородской гимназии занятия гимнастикой проходят в трех группах: четыре старших класса в одной группе и младшие классы — в двух группах. Во время проверки шло занятие в группе старших классов. Мальчики были выстроены в ряд, и через какое-то время инспектор вышел на улицу и сказал: «Добрый день, мальчики!» «Дай Вам Бог, Ваше превосходительство», — ответили они. Затем было шествие шагом и бегом, а под конец они прошли длинными рядами перед его превосходительством, который несколько раз сказал «хорошо, мальчики», на что они отвечали «рады стараться, Ваше превосходительство».

Такой, несколько элементарной гимнастикой занимаются в российских гимназиях 21-22 часа в неделю. Несколько лет назад, по крайней мере в Новгородской гимназии, занимались стрельбой из ружей.

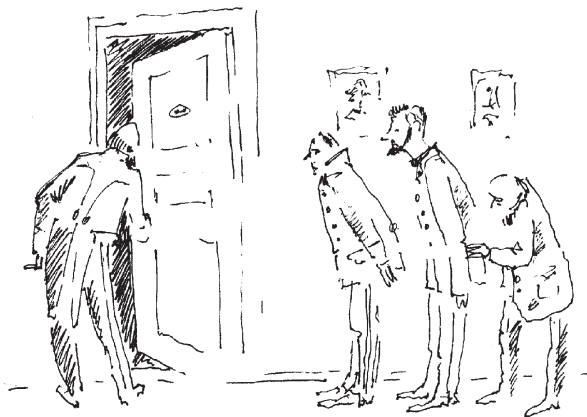
Вечером его превосходительство должен был проверить квартиры гимназистов, в первую очередь тех, которые живут у чужих людей. Для этого в квартире, уже утром комната была хорошо натоплена, с пола убраны все лишние вещи. До обеда приходил учитель русского языка, которому доверялась тщательная проверка квартиры. В России проверка каждой ученической квартиры поручена какому-нибудь учителю. На этот раз он произвел окончательную проверку квартиры, дал последние указания и велел оставить одного гимназиста на два дня без обеда (это обычное наказание в гимназии), т. к. заметил, что гимназист оставил свой пустой портфель на кровати, а не повесил его на место — на гвоздь над кроватью.

Кроме того, у него было еще одно невыполненное дело. Только в последний момент заместитель директора вспомнил, что в этой квартире помимо гимназистов живет еще кто-то. Бог знает, что за человек, — финский студент. В специальную книгу, которая называлась «Журнал» и которая имелаась в каждой квартире, а также в какой-то именной список гимназии по приказу заместителя директора и согласно данному им образцу было записано, что в квартире проживает «студент из Хельсинки из Александровского университета Его Императорского Величества, который по решению высшего начальства пребывает в городе». В любом случае чиновник счел нужным сделать так, чтобы инспектор не заметил этого финна, поскольку, по всей видимости, это не было уместным с педагогической точки зрения. Поэтому учитель русского языка выразил пожелание директора и заместителя о том, чтобы финн удалился в тот вечер. И этот приказ был выполнен.

Вечером в половине десятого инспектор вместе с директором и заместителем посетил квартиры, на что у них ушло

почти полчаса. Была сделана попытка проверить, что в квартирах нет никаких вредных для молодежи книг и пр. и что все так, как и должно быть. Все было в порядке, т. к. в квартирный журнал его превосходительство соизволил написать часто используемую армейскую фразу — «все было найдено в должном порядке».

Во время отъезда произошел небольшой конфуз: заместитель директора в спешке надел на его превосходительство шубу директора, который считался самым большим мужчиной в Новгороде. Поскольку лакеев поблизости нигде не было, заместитель директора был обязан подать шубу инспектору,

т. к. чин того был равен чину генерала. Его превосходительство, помощник инспектора, должен подавать пальто инспектору, а обычные учителя подают пальто или шубу директору и заместителю директора и т. д. так, что выстраивается долгая ровная вереница, которая Бог знает, где кончается, наверное, там же, где пальто и шубы.

Пробыв в городе неделю, в течение которой в его честь было дано пять или шесть обедов, его превосходительство уехал. В местной школьной жизни опять воцарилась привычная тишина, и все пошло своим чередом. Инспектор, по всей видимости, был очень доволен местными школьными условиями. Рассказывают, что во время поездки в Тверь он также не выразил никакого недовольства, но через пару недель после его отъезда из Петербурга пришла большая бумага, в которой говорилось, что такие-то учителя должны быть уволены и на их место должны быть назначены другие. Но, судя по всему, такая участь не постигла Новгородскую гимназию.

“Uusi Suometa”. 11.11.1891

*Подготовил к печати Геннадий КОВАЛЕНКО.
Перевод выполнен студентами переводческого факультета Университета г. Тампере
под руководством преподавателя Арто ЛЕХМУСКАЛИО.*

Имя ученицы 10-го класса Маши Герасимовой, представленной в качестве докладчика в програмжке конференции «Пушкин и Новгородская земля», поначалу у меня лично вызвало легкое недоумение: что нового или интересного может сказать 16-летняя школьница о Пушкине, о котором и взрослые-то, при степенях и регалиях, давно уже сказали всё, что знали? Да еще и не на школьной конференции, а на вполне солидной, областной, научно-практической? Однако, когда юная докладчица взошла на трибуну и произнесла первые фразы своего выступления, скепсиса моего поубавилось. В строгий ученый монотон предыдущих докладов неожиданно вклинился звонкий, эмоциональный, заразительный монолог, — «как беззаконная комета в кругу расчисленном светил», по определению Александра Сергеевича. Маша с чувством шарила по памяти пушкинские и непушкинские стихи, говорила, изредка лишь заглядывая в текст, и при этом речь ее была правильной, почти литературной. Девочка продемонстрировала явные артистические способности: эмоциональную подвижность, умение «держат зал», прекрасные речевые данные; награда ей была также артистической — дружные аплодисменты всех присутствующих. Заподозрить Машу в некомпетентности было невозможно, ибо для своего доклада она выбрала, наверное, единственную тему, в которой была сильнее самых маститых пушкиноведов, а именно: восприятие его и ее сверстниками лирики Пушкина. Но дело даже не в теме. Машино выступление придало всей конференции некий светлый, оптимистический оттенок, наглядно показав, что даже в наше сумасшедшее время кроме неблагополучных подростков, малолетних наркоманов да будущих торгашей существуют еще и прекрасные, чистые дети, чьи души уже сейчас готовы принять Пушкина. Все мы знаем, что, конечно же, такие дети есть, и все же видеть их собственными глазами всякий раз особенно приятно.

Алексей Пшанский

Маша ГЕРАСИМОВА

В МОИХ РУКАХ ТОМ ПУШКИНСКИХ СТИХОВ

Каждый читатель по своему истолковывает Пушкина, потому что для каждого человека существует «свой» Пушкин. Буквально для каждого — и это верное, дополнительное свидетельство того, что Пушкин жив для нас всех. Разумеется, любое наше восприятие не всегда и не во всем оказывается истинным, к тому же в подлинно художественном творении, как известно, каждая эпоха и каждое новое общество открывает новое, дотоле неведомое. Когда Толстой говорит о «бодром, ясном, незапутанном Пушкине», то это вовсе не значит, что всё в нём для нас раз и навсегда «ясно». Очень глубока неразвёрнутая мысль Горького о том, что Пушкин «переполнен впечатлениями бытия». И такая переполненность, лирически преображенная — неисчерпаемый источник эстети-

ческих переживаний и мыслей.

Лирика Пушкина — это прежде всего, конечно, его стихотворения, которые он писал на протяжении всей жизни и которых насчитывается около семисот. Собственно говоря, при имени Пушкин сразу же возникают в памяти стихи, а уж потом поэмы и написанные стихами драмы.

Итак, я читаю стихи Пушкина. И не могу отвергнуть мысль о том, что понимание всех наших поэтов начинается с понимания самого великого из них.

Особенно сложной в понимании для меня оказалась лирика лицейского периода. Казалось бы, должно быть наоборот: почти одинаковый возраст обязан уравнивать и мировоззрение, но разница между нравами и воспитанием поста-

вила определённый барьер. В целом смысл был ясен и близок, но рамки, его ограничивающие, сводили фантазию и мысленные образы на нет. Например, стихотворение «К Наталье»:

*Так и мне узнать случилось,
Что за птица Купидон;
Сердце страстное пленилось;
Признаюсь — и я влюблён!
Пролетело счастья время,
Как, любви не зная бремя,
Я живал да попевал,
Как в театре и на балах,
На гуляньях иль в воксалах
Лёгким зефиром летал;
Как, смеясь во зло Амуру,
Я писал карикатуру
На любезный женский пол;
Но напрасно я смеялся,
Наконец и сам попался,
Сам, увь! с ума сошёл.
Смехи, вольность — всё под лавку,
Из Катонов я в отставку.
И теперь я — Селадон!
Миловидной жрицы Тальи
Видел прелести Натальи,
И уж в сердце — Купидон!..*

Многие подростки отметили в лицейской лирике Пушкина излишнюю высокопарность, несвойственную четырнадцатилетнему человеку, связывая её с желанием проявить творческую «индивидуальность» и «зрелость». Но нам, отошедшим от мифологии, сказок и высоких слов, часто сложно понять их значение, а улавливая в целом смысл стихотворного произведения каждый заново адаптирует его для собственного восприятия. Но настоящие лирические произведения, идущие от души поэта, говорящие о его реальных переживаниях, казалось бы, льются горным потоком на бумагу, отражаясь от неё и вливаясь в сердце читателя. Меня поразило стихотворение «Желание», относящееся к лицейскому творчеству:

*Медлительно влекутся дни мои,
И каждый миг в унылом сердце множит
Все горести несчастливой любви
И все мечты безумия тревожит.
Но я молчу; не слышен ропот мой;
Я слёзы лью; мне слёзы утешенье;
Моя душа, пленённая тоской,
В них горькое находит наслажденье.
О жизни час! лети, не жаль тебя,
Исчезни в тьме, пустое приведенье;
Мне дорого любви моей мученье —
Пускай умру, но пусть умру любя!*

Сначала я обратила внимание на проблематику: неразделённая любовь часто становится причиной страданий. Смысл заставил меня заострить внимание на этом произведении и, вчитываясь, я заметила трагизм, такой необычный в юном возрасте. Сколько эмоций, сколько смысла и понимания можно хранить в сердце! Где же лиризм радостного ощущения молодости? Он, конечно, есть: это и «Пирующие студенты», и «Блаженство», и ещё десятки других вещей, но как важно для меня — для читателя — то, что мои мысли, которые я нахожу в

стихах Пушкина, существовали гораздо раньше меня, и кто-то, пытаясь объяснить и постичь их, помогал мне. Скорее всего, это возможно потому, что лирический образ недостаточно ясен, а основным содержанием его становится не лицо или предмет, не какое-либо явление внешнего мира, а вызванное им чувство или его оттенки. Поэтому многогранность лирики Пушкина (определяющаяся состоянием души очень юного поэта) позволяет открывать в нём что-то своё, что-то личное, и потому более близкое. Помимо прочего, Пушкин-лирик выделяется среди иных тем, что ему присущ безошибочный такт самовыражения.

Теперь я хочу обратиться к произведениям, входящим в школьную программу. Курс средней школы включает в себя поэмы «Руслан и Людмила», «Медный всадник», «Полтава», рассказ «Метель» из «Повестей Белкина», «Песнь о вещем Олеге», «Капитанскую дочку», «Евгения Онегина». Ранние произведения воспринимаются читателем, конечно, не так как позднее и более зрелое творчество.

Изучая Пушкина в школе, я не очень задумывалась над своим восприятием. Единственный раз в жизни я смогла соединить эмоциональный образ и художественный в его реальном виде (теория Эрика Берна — американского психолога — делит восприятие человеком мира на видимые художественные образы и эмоции, с ним связанные; сочетание их позволяет наиболее полно воспринимать мир).

*Фонтан любви, фонтан живой!
Принес я в дар тебе две розы.
Люблю немолчный говор твой
И поэтические слезы.*

*Твоя серебряная пыль
Меня кропит росой холодной:
Ах, лейся, лейся, ключ отрадней!
Журчи, журчи, свою мне будь...*

*Фонтан любви, фонтан печальный!
И я твой мрамор вопрошал:
Хвалу стране прочел я дальней,
Но о Марии ты молчал...*

*Светило бледное гарема!
И здесь ужель забвенно ты?
Или Мария и Зарема
Одни счастливые мечты?*

*Иль только сон воображенья
В пустынной мгле нарисовал
Свои минутные виденья,
Души неясный идеал?*

Мне удалось посетить это место. К тому времени я уже читала «Бахчисарайский фонтан», и четко определила его как «печальную сказку». Но только когда видишь источник вдохновения, чувствуешь его энергию, знаешь его смысл — только тогда можно воспринимать стихи о нем гораздо ближе к восприятию самого автора. Даже в разные эпохи у разных людей, но любующихся красотой в одном и том же месте, возникают общие чувства, мысли и образы. Но если Пушкин воспринимал атмосферу дворца в виде сказочной тайны, то я каждую секунду думала: «Он был здесь 200 лет назад! И этот камень помнит... И эти стены видели...» В такие минуты чувства переполняют тебя, и хочется просто писать стихи...

*Ревнивы взгляды смиренных башен,
Укрывшихся чадрой снегов.
Здесь утопает день вчерашний,
И не узнать ничьих шагов.
Фонтаны по зиме не плачут,
Кусты жасмина не цветут,
Лишь в сумерках полупрозрачных
Седые тени бродят тут.
Тебя узнать средь них пыталась,
Посланник бога и поэт!
Но только снова погрузилась
В дела давно минувших лет.¹*

Я воспринимаю Пушкина так, как воспринимает каждый человек, родившийся в России и знающий все оттенки многогранной русской души, объединенной одним коротким словом — поэт. Зачем доказывать гениальность Пушкина? Можно всего лишь открыть томик стихов и почитать что-то, но есть и другой способ. Что значит быть гением? И почему не все способны на это? Это риторический вопрос, и ответ на него не может быть многозначным, а если он очевиден, то к чему доказывать?

Почему очень часто знакомство с творчеством поэта или писателя заканчивается школьной программой? Неужели мы не читаем? Это далеко не так, просто уроки литературы построены на подробном рассмотрении произведения: его темы, идеи, художественных особенностей — то есть на его полном анализе. Эта помощь, ключ к пониманию произведения, делает его более доступным, а значит понятным и интересным. Самостоятельно сложнее разобраться в многообразии сюжетных линий и героев, поэтому уроки литературы, как способ понимания прочитанного, важны в процессе формирования мнения относительно произведения или его автора.

¹ Стихи Маши Герасимовой

Я как читатель не могу с первого прочтения определить смысл или идею. Некоторые стихи Пушкина кажутся простыми в восприятии, но, прочитав их еще и еще раз, открываешь бездонный колодец, который наполняется смыслом с каждым словом, каждой строкой. Это важно — видеть что-то свое в произведении: только так можно найти своего Пушкина, ту часть его загадочной души, которая родственна твоей. Пушкин в любом своем литературном деле — поэт, создатель особого поэтического мира, обращенного непосредственно к человеку сопереживающему.

Каждый из моих одноклассников написал сочинение «Творчество Пушкина в моем восприятии». Первое, с чем пришлось столкнуться — это единообразие мнений. Действительно, кто из нас не слышал фразу: «Пушкин — гений» или «Пушкин — великий поэт»? Эта аксиома присутствовала в каждой работе как основа, и, возможно, поэтому общий смысл сводился именно к ее доказательству. Как для себя объяснить схожее мышление совершенно разнотипной группы людей? Если внимательно вчитываться, то можно заметить основной принцип написания этих работ — доказать самому себе: да, Пушкин, действительно, гениальный поэт.

Можно выделить три стадии возрастного восприятия творчества поэта: детство, юность и более зрелый возраст. К детству каждый из нас, по понятным причинам, относит сказки Пушкина. Именно в этот период закладывается основа понимания творчества поэта, в большинстве случаев не вполне осознанно, а лишь поверхностно. Не затрагивая глубокий смысл услышанного, восприятие идет через художественный образ, очень яркий и запоминающийся: это и белка, которая «песенки поет, да орешки все грызет, а орешки не простые, всё скорлупки золотые», и «в чешуе, как жар горя, тридцать три богатыря». По сложности восприятия это самая первая ступень. Все работы указывают на это. Часто встречается фраза «мама читала», или «читала бабушка» (это как бы своеобразный символ передачи из поколения в поколение смысла творчества Александра Сергеевича Пушкина). И фразу, ставшую фундаментом этих работ, мы слышим первый раз именно от близких людей, которым доверяем. Поэтому она и становится аксиомой, не требующей доказательств. Или другая часто встречающаяся фраза: «мой любимый поэт». Казалось бы, что необычного? Но большинство подростков отмечает, что это произвольное мнение, над которым они зачастую не задумываются. В большинстве случаев учитывается только общепринятое мнение. И хочется заметить, что относительно детского периода часто употребляются глаголы слушать, читать, представлять, в то время как отсутствие глаголов думать, анализировать опять же доказывает поверхностное, а значит, общепринятое понимание творчества поэта.

Вторая стадия, наиболее ярко выраженная во всех работах — период юношеского восприятия пушкинских произведений. Но этому возрасту свойственны противоречия, поэтому мнения разделились, выражая индивидуальность каждого. Выделились лишь два типа: тот же общепринятый и неформальный. К первому отнеслось большинство. И опять же индивидуальность проявляется в выборе произведений. Кому-то близко:

*Кого ж любить? Кому же верить?
Кто не изменит нам один?*

.....

Трудов напрасно не губя,
Любите самого себя,
Достопочтенный мой читатель!

Для большинства это бессмертное и общеизвестное:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты...

Большинство произведений Пушкина, представленных в работах — программные, о сути такого совпадения уже упоминалось. Но можно сразу определить проблемы, характеризующие период жизни читателя. В одном из сочинений гово-

рится: «когда я начал взрослеть и задумываться о любви и дружбе, то стихи Александра Сергеевича давали мне ответ на многие вопросы». Можно просто объяснить это близостью поэта и читателя, но примечательно, что фраза «стал задумываться» говорит об определенных временных рамках. Именно они открыли вторую ступень восприятия творчества поэта, обозначенную глаголом «думать». Здесь понимание уже не ограничивается только эмоциональным образом автора, но и сливается с

образом самого читателя. А многогранность пушкинской тематики позволяет найти нечто новое, близкое именно тебе.

Но иногда восприятие жизни человеком двадцатого века слишком отличается от него же в веке девятнадцатом. Тогда появляется иная точка зрения. Среди всех работ я нашла наиболее интересные именно по такому видению творчества поэта. Наверное, из-за их необычности. Действительно, противоречить общепринятому мнению, очень сложно.

Необходимо заметить, что «непонимание» Пушкина подростки относят к прошедшему времени, развивая эту тему. Если

сначала они не могли провести параллель между своими переживаниями и ими же в произведениях Пушкина (например, находя их не слишком образными), то позднее, возвращаясь к творчеству Пушкина вновь и вновь, они открывали для себя нечто новое: великолепный язык, существование иного вида поэзии — красоты, рифмы, любви, — лишенной резких метафор, сумасшедших сравнений, вызова толпе. Все это невозможно не заметить, читая Пушкина снова и снова.

И сейчас, на пороге третьей ступени нашей лестницы, единое мнение разделяет всех и каждого. Одно в основе, разное в ветвях. Но общепринято, что одни и те же произведения читаются по-разному в разные периоды жизни. Восприятие любви Татьяны к Онегину 16-летним читателем отличается от восприятия ее же 40-летним человеком. Вот почему необходимо возвращаться к произведениям поэта снова и снова.

Закончить мне хотелось бы стихотворением моей одноклассницы, посвященным Пушкину.

Два века минуло со дня,
Когда родился гений слога.
Мы память чтим его, любя,
И открываем для себя,
Превознося его как Бога.
Так много было в жизни вех,
Но у поэтов век короткий.
Такой поэт один на всех,
Его боготворил Высоцкий.
Была великая потеря,
Когда судьбы свершился приговор,
Мне очень дорог он, я верю,
Что лучше нету до сих пор.²

² Стихи Оли Раковой.

ВЕСНА НА ВВЕДЕНСКОЙ СТОРОНЕ

Два года назад в Старой Руссе, на ее Введенской стороне, а еще раньше это был Красный Берег (от слова «красивый») возникла школа. Не обычная — художественная. Создал ее и созрел своей добротой к одаренным детям член Союза художников России Николай Михайлович ЛОКОТЬКОВ.

Потянулись в школу рожденные с Даром Божьим мальчишки и девочки не только из Старой Руссы, но из ближайших деревень и поселков. Отказа не было и по сей день нет — никому. Здесь рисуют, лепят, пишут стихи и прозу, спорят, отстаивают свое мнение. Здесь мир маленьких свободных людей. Эта раскованность позволяет им видеть мир таким, каким они его видят.

Совсем недавно при школе стал выходить рукописный журнал «Введенская сторона». Его очарование заметил Великий Солженицын и прислал ребятам свой маленький рассказ. А сегодня — рисуют Пушкина. Взгляните.

Тамара СИГАЛОВА

«Пушкин дома». Вика Краева, 11 лет

«Тихий отрок». Лиза Амекина, 16 лет

«Прогулка». Алеша Лихачев, 15 лет

«На берегах Невы». Света Визир, 16 лет

“Над Соротью”. Юля Павлова, 16 лет

“Ночные стихи”. Артем Разоренов, 14 лет

“Силуэты”. Катя Маркович, 12 лет

“У няни”. Оля Петрова, 17 лет

“Дуэль”. Оля Чернова, 16 лет

“Гибель поэта”. Оля Шевчук, 11 лет

В известной книге Чуковского «От двух до пяти» приводится такое наблюдение: «Девочке четырех с половиной лет прочли «Сказку о рыбаке и рыбке».

— Вот глупый старик, — возмущалась она, — просил у рыбки то новый дом, то новое корыто. Попросил бы сразу новую старуху». Блестящая логика: единственный разумный и радикальный способ решения всех стариковых проблем! Но, если в устах столь юного создания это звучит очаровательно, то люди более солидного возраста, лет восьми-девяти, уже осознают, что, кроме внезапных озарений, к творчеству Пушкина необходим научный, систематизированный подход. Потому, очевидно, и появился на свет сей труд — «Толковый словарь по сказкам А.С. Пушкина», плод научных изысканий 2«в» класса школы №14.

Судя по всему, коллектив авторов изрядно попотел над другими словарями в поисках определений, в результате чего «Толковый словарь» получился достаточно подробным, грамотным, — толковым, в общем. Есть там, конечно, и несколько наивные формулировки, а иные, действительно непонятные ребенку слова, просто стыдливо пропущены... Но не будем забывать: даже Владимир Иванович Даль начинал работу над своим знаменитым «Словарем» не второклассником, а куда в более зрелых летах.

Юные филологи, конечно же, не вдруг подошли к этому фундаментальному исследованию: в мир пушкинских сказок их за ручку ввела учительница, Ирина Юрьевна Храброва. Факультативные уроки, на которых дети не только читали и обсуждали сказки, но и разыгрывали из них сценки, устраивали по ним всевозможные викторины, КВНы, затрагивали подробности биографии поэта, играли в салонные игры XIX века, и, в конце концов, выносили идею создания «Толкового словаря» — так и назывались: «В мире пушкинских сказок». Эти занятия проводились с начала учебного года еженедельно, и завершатся в конце его (незадолго до юбилея) Пушкинским балом — с танцами той эпохи, литературной гостиной, любительским театром, играми и т.д.

Конечно, взрослому читателю больше устроило, если бы юные авторы давали собственные формулировки «непонятным словам», — тогда над этим «Словарем» можно было бы так же поумиляться, как над вышеупомянутым бестселлером Корнея Ивановича. Но, во-первых, перед создателями «Словаря» не стояло такой задачи — повеселить взрослых. А во-вторых — кто знает: может быть, вашим детям или внукам будет полезно и интересно постигать сказки Пушкина с таким вот простым и доступным комментарием.

Из уважения к недетскому труду детского коллектива, текст, не взирая на отдельные ошибки и неточности, дается полностью и без изменений. С научным руководителем проекта И.Ю. Храбровой согласовано.

Алексей ПШАНСКИЙ

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ПО СКАЗКАМ ПУШКИНА

составлен учениками 2 «в» класса школы №14, Великий Новгород

Сказка о попе и его работнике Балде

Объяснил слова Митя Храбров

Авось — надежда на случайную удачу.
Приздумался поп,
Стал себе почесывать лоб.
Щелк щелку ведь розь.
Да понадеялся он на русский **авось**.

Балда — бестолковый человек, дурак.
Навстречу ему **Балда**
Идет, сам не зная куда.
Бес — злой дух.
Вот из моря вылез старый **Бес**...

Верста — старая русская мера длины, которая равна 1 км 60 м.

Сел Балда на кобылку верхом
Да **версту** проскакал, так что пыль столбом.

Взыскался — искал, хотел найти.

«Что, батька, так рано поднялся?
Чего ты **взыскался**?»

Корячится — изгибается от боли, страха.

А поп, завидя Балду, вскакивает,
За попадю прячется,
Со страху **корячится**.

Лукаво — хитро, игриво.

Засмеялся Балда **лукаво**:
«Что ты это выдумал, право?..»

Мета — отличительный знак на каком-нибудь предмете.

«...Видишь ты палку эту?
Выбери себе любую **мету**...»

Накладно — невыгодно, убыточно.

Поп говорит Балде: «Ладно.
Не будет нам обоим **накладно**...»

Недоимки — неоплаченные в срок налоги, оброки.

«...Слушай: платить обязались черти
Мне оброк по самой моей смерти;
Лучшего б не надобно дохода,
Да есть на них **недоимки** за три года».

Оброк — дань, которую нужно платить.

«Здравствуй, Балда-мужичок;
Какой тебе надобен **оброк**?..»

Оторопел — растерялся от неожиданности.

Бесенок **оторопел**,
Хвостик поджал, совсем присмирел...

Подворье — хозяйство при сельском доме.

«Поживи-ка на моем **подворье**...»

Полверсты — половина версты, равна 530 метрам.

«...Кобылу подыми-тка ты,
Да неси ее **полверсты**...»

Помеха — препятствие, то, что мешает.

«...Вот уж будет нам потеха,
Вам, собакам, великая **помеха**».

Проворье — ловкость, быстрота.

«...Окажи свое усердие и **проворье**».

Промеж — между.

«...И руками-то снести не смог,
А я, смотри, снесу **промеж** ног».

Поп — священник в православной церкви.

Жил-был **поп**,
Толоконный лоб.

Попадья — жена попа.

Попадья говорит: «Знаю средство,
Как удалить от нас такое бедство...»

Попенок — маленький сын попа.

Попенок зовет его тятей...

Поповна — дочь попа.

Поповна о Балде лишь и печалится.

Свалка — общая драка.

...Зашвырну туда твою палку,
да и начну с вами, чертями, **свалку**..

Сивый — серовато-сизый.

«Посмотрим, какова у тебя сила.
Видишь: там **сивая** кобыла?..»

Супостат — недруг, противник.

«...Экого послали **супостата**!..»

Толоконный лоб — глупый, недалекий человек;

Толокно — толченая (немолотая) овсяная мука.

Жил-был поп,

Толоконный лоб.

Укоризна — упрек, порицание

А Балда приговаривал с **укоризной**:
«Не гонялся бы ты поп, за дешевизной».

Череда — очередь.

«Нет, — говорит Балда, —
Теперь моя **череда**».

Сказка о рыбаке и рыбке

Объяснили слова Маша Борисенко, Паша Косякин, Ира Курочкина и Юлия Мощина

Белены обжелась — сошла с ума.
Испугался старик, взмолился:
«Что ты, баба, **белены обжелась?**..»

Бояре — богатые знатные люди.
«За столом сидит она царицей,
Служат ей **бояре** да **дворяне**...»

Ветхая — разрушающаяся от старости, дряхлая.
Они жили в **ветхой** землянке
Ровно *тридцать лет и три года*.

Взашей — грубо толкая его в шею.
Подбежали бояре и дворяне,
Старика *взашей* затолкали...

Взмолиться — начать горячо просить, умолять о чем-то.
Как **взмолится** золотая рыбка!

Владычица — та, кто обладает властью, повелительница.
«...Хочу быть **владычицей** морскою».

Вороты (старинное выражение) — воротами.
Перед ним изба со светелкой,
С кирпичною, беленою трубою,
С дубовыми, **тесовыми вороты**.

Выкуп — плата, деньги, которыми выкупают.
Старика старуха забрала:
«Дурачина ты, простофиля!
Не умел ты взять **выкупа** с рыбки!..»

Душегрейка — теплая кофта без рукавов.
На крыльце стоит его старуха
В дорогой собольей **душегрейке**.

Землянка — крытое углубление в земле, вырытое для жилья.
Они жили в *ветхой землянке*...

Кичка — старинный женский головной убор.
Парчевая на маковке кичка.

Кликать — громко звать, призывать, именовать.
Стал он **кликать** золотую рыбку...

Корысть — выгода.
«...Выпросил, дурачина, корыто!
В *корыте* много ль **корысти?**..»

Корыто — большой сосуд для стирки.
«...Не умел ты взять **выкупа** с рыбки!
Хоть бы взял ты с нее **корыто**...»

Маковка (макушка) — верхняя часть головы.
Парчовая на **маковке** кичка...

Молвит — скажет, произнесет.
Как *взмолится* золотая рыбка!
Голосом молвит человеческим...

Надобно — нужно, требуется.
«...**Надобно** ей *новое корыто*».

Невод — большая рыболовная сеть.
Старик ловил **неводом** рыбу...

Откупиться — заплатив или дав взятку, освободить себя от чего-то.

«Отпусти ты, старче, меня в море!
Дорогой за себя дам **откуп**:
Откуплюсь чем *только пожелаешь*».

Очи — глаза.
На него старуха не взглянула,
Лишь с **очей** прогнать его велела.

Парча (парчовая) — плотная узорчатая шелковая ткань с переплетающимися золотыми нитями.

«**Парчевая** на *маковке* кичка...»

Перечить — говорить наперекор.
Старик не осмелился **перечить**...

Поделом — справедливо, так и следует.
А народ-то над ним насмеялся:
«**Поделом** тебе, *старый невежа*!»

Поневоле — вопреки желанию, независимо от него.
«Ступай к морю, говорят тебе чество,
Не *пойдешь*, поведут **поневоле**».

На посылках (на побегушках) — о том, кто употребляет-ся кем-нибудь для мелких услуг, поручений.

«Чтобы служила мне рыбка золотая
И была б у меня **на посылках**».

Простор — свободное обширное пространство.
«...Ступай себе в синее море,
Гуляй там себе на **просторе**».

Простофиля — глуповатый, малосообразительный человек, разиня.

Старика старуха забранила:
«Дурачина ты, **простофиля**!»

Пряжа — нити, скрученные при прядении;

прясть — скручивая, делать нити.

Старуха **пряла** свою **пряжу**..

Пряник печатный — пряник с отпечатанными рисунками и буквами.

Наливают ей заморские вины;

Заедает она **пряником печатным**...

Пуще — больше, сильнее.

Еще **пуще** старуха бранится...

Сварливая — ворчливая, склонная к ссорам.

Избу просит **сварливая** баба...

Светелка — небольшая светлая комната.

Перед ним изба **со светелкой**.

С кирпичною, беленою трубою...

Смилуйся — сжался, прояви милосердие.

«Смилуйся, государыня рыбка!»

Столбовая дворянка — дворянка из старинного рода.

«...Не хочу быть черной крестьянкой,

Хочу быть **столбовою дворянкой**».

Тесовые — сделанные из теса; **тес** — тонкие доски из древесины хвойных пород.

...С дубовыми, **тесовыми** вороты.

Тина — водоросли, плавающие в стоячей воде.

Раз он в море закинул невод, —

Пришел невод с одною **тиной**.

Усердный — очень старательный.

Перед нею **усердные** слуги...

Царедворцы — придворные, высокопоставленные лица при дворе царя.

Еще **пуще** старуха вздурилась.

Царедворцев за мужем посылает...

Царские палаты — царский дворец.

Старичок к старухе воротился,

Что ж? перед ним **царские палаты**.

Чупрун — чуб, хохол.

Перед нею усердные слуги;

Она бьет их, за **чупрун** таскает.

Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне лебеди

Объяснили слова Саша Бокова, Юра Бржозовский, Саша Гранкина,
Ваня Кучерявый и Митя Храбров

Аршин — старинная мера длины, равная 71 см.

Сына бог им дал в **аршин**...

Бает — говорит, рассказывает.

Князю лебедь отвечает:

«Свет о белке правду **бает**...»

Бездна — глубокая пропасть.

«...И царицу, и приплод

Тайно бросить в **бездну** вод».

Бояре — знатные люди, приближенные царя.

Царь велит своим **боярам**...

Булат — стальной клинок, меч.

«...Торговали мы **булатом**,

Чистым серебром и золотом...»

Венец — венок.

Видит: весь сияя в злате,

Царь Салтан сидит в палате

На престоле и в **венце**,

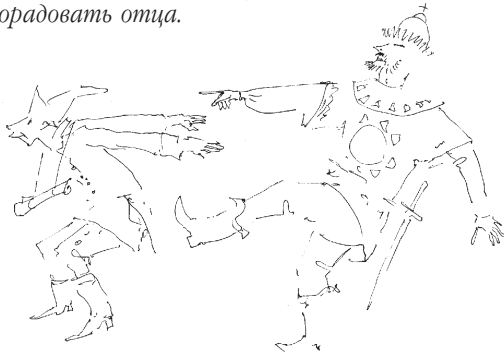
С грустной думой на лице.

Витязь — храбрый воин, богатырь.

Идут **витязи** четами...

Возглашать — объявлять
Все их громко величают,
И царевича венчают
Князей шапкой, и главой
Возглашают над собой...

Гонец — в старину человек, посылаемый куда-то.
Шлет с письмом она **гонца**,
Чтоб порадовать отца.

Гость — старинное название купца, главным образом иноземного.

«Чем вы, **гости**, торг ведете
И куда теперь плывете?»

Государь — в старину князь-правитель.
Только вымолвить успела,
Дверь тихонько заскрипела,
И в светлицу входит царь,
Стороны той **государь**.

Грамота — официальный документ.
Едет с **грамотой** гонец
И приехал наконец.

Гульлива — любящая гулять.
«Ты, волна моя, волна!
Ты **гульлива** и вольна...»

Двор — здесь: приближенные царя, князя, служившие при дворе (дворце).

В колымагах золотых
Пышный **двор** встречает их...

Диковинка — странная, удивительная вещь.
«Уж **диковинка**, ну право, —
Подмигнув ему лукаво,
Повариха говорит...»

Добрый конь — здоровый, хороший.
Царь Салтан, с женой простясь,
На добра коня садясь,
Ей наказывал себя
Поберечь, его любя.

Завострил — сделал острым.
Со креста шнурок шелковый
натянул на лук дубовый,
Тонку тросточку сломил,
Стрелкой легкой **завострил**...

Застава — здесь: заграждение из бревен, устроенное при входе в гавань.

Город новый златоглавый,
Пристань с крепкою **заставой**...

Зыбь — легкая рябь на водной поверхности.
Бьется Лебедь средь **зыбей**,
Коршун носится над ней.

Извести — истребить, погубить.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Извести ее хотят...

Исход — конец.
«Здравствуй, красная девица, —
Говорит он, — будь царица
И роди богатыря
Мне к **исходу** сентября...»

Кабы — если бы.
«**Кабы** я была царица, —
Говорит ее сестрица...»

Колымага — старинный тяжелый крытый экипаж.
В колымагах золотых
пышный двор встречает их...

Крещеный — принявший обряд крещения.
«Кабы я была царица, —
Говорит одна девица, —
То на весь **крещеный мир**
Приготовила б я пир».

Лихо — зло, плохое дело.
Видно, на море не тихо;
Смотрит — видит дело **лихо**...

Лукаво — хитро.
...Подмигнув другим **лукаво**,
Повариха говорит...

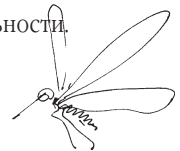
Маковки — купола церквей.
...И за белыми стенами
Блещут **маковки** церквей
И святых монастырей.

Нарекся — назвал; нарекать — давать имя, называть.

В тот же день стал княжить он
И **нарекся**: князь Гвидон.

Натошак — до завтрака, на пустой желудок.
...А царевич и царица,
Целый день, проведши так,
Лечь решились **натошак**.

Наяву — не во сне, в действительности.
Корабельщики дивятся,
На кораблеке толпятся,
На знакомом острове
Чудо видят **наяву**.

Не привальный остров — остров, возле которого не останавливались (не причаливали) корабли.

В море остров был крутой,
Не **привальный**, не жилой...

Неуказанный товар — запрещенный товар.
Торговали мы не даром
Неуказанным товаром.

Обмереть — оцепенеть от страха, испуга.
Повариха побледнела,
Обмерла и окривела.

Оборотился — превратился.
Тут он в точку уменьшился,
Комаром оборотился...

Палата — здесь: большой зал во дворце.
Царь Салтан сидит в палате...

Пенять — укорять, упрекать.
«Он прислал тебе поклон,
Да тебе **пеняет** он:
К нам-де в гости обещался,
А доселе не собрался».

Перенять — перехватить.
...Перенять гонца велят.

Полотно — гладкая льняная ткань.
«Кабы я была царица, —
Говорит ее сестрица, —
То на весь бы мир одна
Наткала я **полотна**».

Престол — трон, особое место на возвышении, на котором сидел царь в торжественных случаях.
Царь Салтан сидит в палате
На **престоле** и в венце
С грустной душой на лице.

Приплод — потомство от животного.
«Царь велит своим боярам,
Времени не трать даром,
И царицу и **приплод**
Тайно бросить в бездну вод».

Пристань — место на берегу водоема, к которому причаливают корабли.
Пушки с **пристани** палят,
Кораблю пристать велят.

Сватья баба Бабариха — мать царицы, бабушка князя Гвидона.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой...

Светлица — светлая, чистая комната; в старину в светлицах жили обычно девушки.
...И в **светлицу** входит царь,
Стороны той государь.

Сени — помещение между крыльцом и жилой частью дома.
В **сени** вышел царь-отец.

Снурок — шнурок.
Со креста **снурок** шелковый
натянул на лук дубовый...

Спуд — сосуд, кадка. Положить под спуд — плотно прикрыть чем-нибудь, запереть.
Девки сыплют изумруд
В кладовые, да под спуд...

Терем — высокий дом с покатою крышей.
«...Град на острове стоит
С златоглавыми церквами,
С теремами да садами...»

Тешиться — развлекаться.
«...вижу я:
лебедь **тешится** моя».

Тужить — горевать.
«...Не **тужи**, что за меня
Есть не будешь ты три дня».

Удел — царство.
...Да спокойно в свой **удел**
Через море полетел.

Хмельной — пьяный.
И принес гонец **хмельной**
В тот же день приказ такой...

Честной — почетный, уважаемый.
Царь Салтан за пир **честной**
Сел с царицей молодой...

Четами — парами, попарно.
*Идут витязи **четами**...*

Чудесить — делать глупости, дурить.
Как услышал царь-отец,
Что донес ему гонец,
*В гневе начал он **чудесить**...*

Сказка о золотом петушке

Объяснили слова Маша Борисенко, Вася Ведров, Илья Зингалев, Ксения Куликова,
Паша Косякин и Вова Тульских

Ан — союз в значении «а». Служит для указания на то, что происходит нечто неожиданное.

*Ждут, бывало, с юга, глядь, —
Ан с востока лезет рать.*

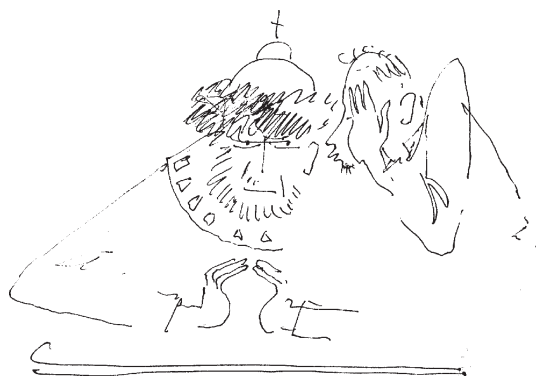
Бранный — от старинного слова брань (война, битва).
*Но лишь чуть со стороны
Ожидать тебе войны,
Иль набега силы **бранной**...*

Воевода — начальник войска.
*Воеводы не дремали,
Но никак не успевали...*

Возглашать — громко, торжественно произносить.
*«Царь ты наш! Отец народа! —
Возглашает воевода».*

Встрепенется — внезапно вздрогнет, придет в движение.
*«Вмиг тогда мой петушок
Приподымет гребешок,
Закричит и **встрепенется**
И в то место обернется».*

Гонец — см. словарь к «Сказке о царе Салтане...»

Донесение — служебное сообщение сведений начальнику, властям.

*Было ль, не было ль сраженья, —
Нет Дадону **донесенья**.*

Жезл — короткая палка, обычно украшенная, служащая символом власти.

*Царь хватил его **жезлом**
По лбу; тот упал **ничком**...*

Инда — так что.

...Со злости

***Инда** плакал царь Дадон...*

Кликать — громко звать.
***Кличет** царь другую **рать**...*

Курган — древний могильный холм.
*Ни побоища, ни стана,
Ни надгробного **кургана**
Не встречает царь Дадон.*

Латы — металлические доспехи, броня.
*Перед ним его два сына
без шлемов и без **лат**
оба мертвые лежат....*

Молва — разговор, слухи.
*Перед ним **молва** бежала...*

Мурава — молодая трава.
*Бродят кони их **среди** луга,
По протоптанной **траве**,
По кровавой **мураве**...*

Накладно — убыточно, невыгодно.
*Старичок хотел заспорить,
Но с иным **накладно** вздорить...*

Намек — слова, предполагающие понимание по догадке.
*Сказка ложь, да в ней **намек**!*

Негде — где-то.
***Негде**, в тридевятом царстве,
В тридесатом государстве...*

Ничком — лицом вниз.
*Царь хватил его жезлом
По лбу; тот упал **ничком**.*

Обратиться — повернуться в определенном направлении.

*...Видит, бьется петушок,
Обратившись на восток.*

Отпор — решительное действие, отражающее нападение.
*...Таковой им царь Дадон
Дал **отпор** со всех сторон!*

Прок — польза.
*Царь скликает **третью** **рать**
И ведет ее к востоку
Сам не зная, быть ли **проку**.*

Промеж — между.
*...И **промеж** высоких гор
Видит шелковый шатер.*

Разочтемся — расплатимся.
«Царь! — отвечает мудрец, —
Разочтемся наконец...»

Рать, ратный — войско, военный.
Должен был он *содержать*
Многочисленную **рать**.

.....
Но под старость захотел
Отдохнуть от **ратных** дел...

Сарачин (сарачинская шапка) — сарацин, арабский наездник.

В **сарачинской** шапке белой,
Весь как лебедь поседелый,
Старый друг его, скопец.

Стан — лагерь, место стоянки.
Ни побоища, ни **стана**...
Не встречает царь Дадон.

Сулить — обещать, предсказывать.
Царь скопца благодарит,
Горы золота **сулит**.

Тридешатое царство — в сказках: очень далекий (в старинном счете по девяткам двадцать седьмой);

тридешатое государство — в сказках: очень далекий (в старинном счете тридцатый)

Негде, в **тридешатом царстве**,
В **тридешатом государстве**,
Жил-был славный царь Дадон.

Умилно — нежно, приятно, угодливо.
Царь, хоть был встревожен сильно,
Усмехнулся ей **умилно**.

Ущелье — узкая и глубокая с обрывистыми склонами долина, расселина в горах.

...В **ущелье** тесном
Рать побитая лежит.

Шатер — большая палатка, крытая тканью или ковром.
...И промеж высоких гор
Видит шелковый **шатер**.

Шелом — шлем, остроконечная железная шапка для защиты от ударов острым мечом.

Перед ним его два сына
Без **шеломов** и без лат
Оба мертвые лежат...

Яства — еда, кушанье, угощение.
Там за стол его сажала,
Всяким **яством** угощала...

Сказка о мертвой царевне и семи богатырях

Объяснили слова Маша Борисенко, Юлия Ванелихина, Ира Курочкина,
Карина Никитина и Настя Сепп

Горница — комната, первоначально в верхнем этаже.
...И царевна очутилась
В светлой **горнице**...

Девичник — в старину перед свадьбой у невесты собирались ее подруги. Эта вечеринка называлась девичником.

На **девичник** собираясь,
Вот царица, наряжаясь
Перед зеркальцем своим,
Перемолвилась с ним...

Желанный — тот, кого долго ожидают.
Рано утром гость **желанный**,
День и ночь так долго жданный,
Издалеча наконец
Воротился царь-отец.

Зависть — чувство досады, вызванное успехом другого.
...Она
черной **зависти** полна...

Заря — яркое освещение горизонта перед восходом или после захода солнца.

Смотрит в поле, инда очи
Разболелись глядячи
С белой **зори** до ночи...

Изразцовая; изразец — плитка из обожженной глины для облицовки стен, печей.

...Печь с лежанкой **изразцовой**...

Изумленный — удивленный.
Гроб разбился. Дева вдруг
Ожила. Глядит вокруг
Изумленными глазами...

Кроткий — незлобивый, покорный, смирный.
...Нраву кроткого такого.

Кручиниться — горевать, печалиться.
«Не кручинься, бог с тобой...»

Ломлива, ломаться — то же, что и кривляться.
*Но зато горда, ломлива,
 Своенравна и ревнива.*

Мачеха — неродная мать.
*Злая мачеха, вскочив,
 Об пол зеркальце разбив,
 В двери прямо побежала...*

Молва — см. словарь к «Сказке о золотом петушке».

Мольба — горячая просьба.
*Только месяц показался,
 Он за ним с мольбой погнался.*

Нрав — характер.
...Нраву кроткого такого.

Отрекалася — отказалась.
*От зеленого вина
 Отрекалася она...*

Обряд — ряд действий, установленных обычаями, ритуалами.
*Сотворив обряд печальный,
 Вот они во гроб хрустальный
 Труп царевны молодой
 Положили...*

Персты — пальцы.
*И царица хохотать,
 И плечами пожимать,
 И подмигивать глазами,
 И прищелкивать перстами...*

Подбочась — руки на пояс.
*...И вертеться подбочась,
 Гордо в зеркальце глядясь.*

Подворье — усадьба, дом и двор с разными хозяйственными постройками.
*В ворота вошла она,
 На подворье тишина.*

Пожаловать — наградить.
*«А как буду я царица,
 Я пожалую тебя».*

Полати — в избе нары для спанья, устраиваемые под потолком между печью и стеной.
*На полати взобралась
 И тихонько улеглась.*

Прекословить, перечить — возражать.
*...Им она не прекословит,
 Не перечат ей они...*

Приданое — вещи, которые дает невесте ее семья для жизни в замужестве.
*Ей в приданое дано
 Было зеркальце одно...*

Рогатка — железный ошейник с длинными остриями, который надевали на шею заключенным.

*...Царица злая,
 Ей рогаткой угрожая,
 Положила иль не жить,
 Иль царевну погубить.*

Своенравна — упряма, капризна, поступающая так, как вздумается.

*...Высока, стройна, бела,
 И умом и всем взяла;
 Но зато горда, ломлива,
 Своенравна и ревнива.*

Свойство — характерная отличительная особенность.
Свойство зеркальце имело:
Говорить оно умело.

Сенная девушка — служанка.
*...И наказывает ей,
 Сенной девушке своей...*

Снарядился, снарядить — обеспечить всем необходимым при отправлении куда-нибудь.

*Царь с царицею простился,
 В путь-дорогу снарядился...*

Сорочин — сарацин, арабский наездник.
Сорочина в поле спешить...

Сочельник — канун Рождества.
*Вот в сочельник в самый, в ночь
 Бог дает царице дочь.*

Спйишть — сбить с коня.
Сорочина в поле спешить...

Спознали — узнали.
*Вмиг по речи те спознали,
 Что царевну принимали...*

На **стороже** — на страже, охраняя.
*«На стороже я стою
 Только в очередь мою».*

Тихомолком — тихо, незаметно.
*Но царевна молодая,
 Тихомолком расцветая,
 Между тем росла, росла
 Поднялась — и расцвела...*

Тоска — грусть, печаль.
*Темной ночью Елисей
 Дождался в тоске своей.*

Черница — монахиня.
*...Видит: нищая черница
 Ходит по двору...*

Честные — уважаемые, знатные.
*«Ой вы, молодцы честные,
 Братцы вы мои родные...»*

ДЕТСКАЯ ПУШКИНИАНА

— так называлась выставка, проходившая с 23 апреля по 15 мая в художественной галерее Десятинного монастыря. Все представленные работы, конечно же, объединяло имя Пушкина, но при этом — какое жанровое и сюжетное многообразие: от эпизодов личной жизни Александра Сергеевича до иллюстраций к таким его творениям, как «Онегин», «Метель» или «Анчар»! Живопись, графика, вышивка, резьба по дереву, лепные панно, берестяные изделия, керамика, мягкая игрушка, «бумагопластика» и совсем уж какие-то экзотические технологии, которые затруднились прокомментировать даже работники галереи, — вот таким средствами «племя молодое, знакомое» воздает должное Первому Поэту России. Одних только пушкинских портретов работы юных брюлловых и тропининых, наверное, десятка три. На всех — Пушкин, на всех — похож, и на всех — разный. Очевидно, у детей — как и у взрослых: у каждого свой Пушкин.

Катя Костышина, 16 лет

Зоя Бойцова, 6 лет

Юля Грунева, 6 лет

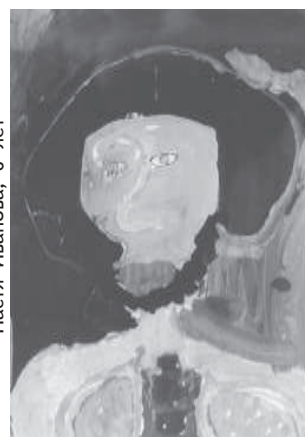
Настя Салова

Алла Станкевич, 17 лет

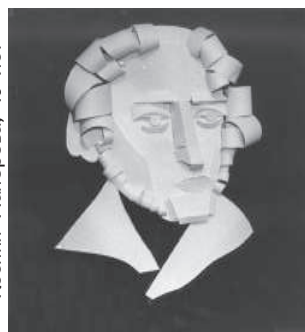
Настя Иванова, 6 лет

Арина Репинкова, 6 лет

Ксения Майорова, 16 лет

Аня Крапивина, 13 лет

А.С. ПУШКИН

“Мечты Татьяны”. Даша Андреева, 15 лет

“Сказка о царе Салтане”. Мягкая игрушка.
Школа №31, коллективная работа

“Татьяна Ларина”. Яна Костина,
15 лет

“Пушкин и его герои”. Аня Азизова,
13 лет

“Евгений Онегин”. Катя Хворых, 14 лет

“Спой мне песню...”. Вышивка. Ира
Петрова, 14 лет

“Я помню чудное мгновенье”.
Тамара Бондарева, 6 лет

“Лукоморье”. Миша Скрипкин,
12 лет

“Вечер стихов”. Тимур Шагиахмедов, 14 лет

“Сказка о рыбаке и рыбке”. Маша Попова, 13 лет

“Лукоморье”. Керамика, макраме.
Центр многодетной семьи, коллективная работа

“Поп – толконный лоб”.
Надя Смирнова, Наташа Грищенко, 15 лет

“Пушкин в Михайловском”. Жанна Верка, 15 лет

Комплект игрушек с движением. Максим Павлов, 13 лет.
Шкатулка “Книжка”. Паша Чалов, 13 лет.
Дерево, резьба

“Царевна-лебедь”. Люда Кузнецова, 14 лет

“В Михайловском”. Надя Воскресенская, 16 лет

В НОМЕРЕ ПУБЛИКОВАЛИСЬ:

Марина БУРБЯК, художественный руководитель фольклорного театра «Кудесы».
Владимир ВАРНАЕВ, старший научный сотрудник Новгородского музея-заповедника.
Маша ГЕРАСИМОВА, ученица 10 «Г» класса многопрофильной гимназии №2.
Инна ГРИГОРЬЕВА, кандидат исторических наук, доцент кафедры Всеобщей истории НовГУ.
Татьяна ДАНЬКО, зав. отделом использования документов ГАНО.
Руслан ДЕРИГЛАЗОВ, член Союза писателей России, поэт.
Борис ЗОРИН, заместитель председателя Комитета по культуре, кино и туризму Новгородской области.
Геннадий КОВАЛЕНКО, заведующий отделом истории Новгорода
С.-Петербургского филиала Института российской истории РАН.
Ольга ЛАПО, ученый секретарь Новгородской областной научной библиотеки.
Юхо ПААСИКИВИ (1870-1973), президент Финляндии в 1946-1956 годах.
Людмила ПЕТРОВА, главный библиотекарь Новгородской областной научной библиотеки.
Алексей ПШАНСКИЙ, член Союза театральных деятелей России.
Ирина САВИНОВА, член Союза журналистов России, архивист.
Николай САЛОНИКОВ, аспирант кафедры Всеобщей истории, ведущий библиограф НБ НовГУ.
Людмила СЕКРЕТАРЬ, старший научный сотрудник Новгородского музея-заповедника.
Тамара СИГАЛОВА, член Союза журналистов России, главный редактор альманаха «Чело».
Владимир ТЮРИН, профессор НовГУ, заслуженный работник культуры России, член Союза писателей России.
Юрий ФАБРИЧНИН, заместитель председателя НГТРК «Славия» по радио.
Евгения ШЕДОВА, методист ЦБС Старорусского района.
Владимир ЯДРЫШНИКОВ, старший научный сотрудник Отдела хранения архитектурных памятников
Новгородского музея-заповедника.
Надежда ЯКОВЛЕВА, ведущий научный сотрудник Валдайского филиала Новгородского музея-заповедника.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

**173007, Россия, г. Новгород, ул. Льва Толстого (Чудинцева улица), д. 6/64
Телефон: (816 22) 7-57-84. E-Mail: chelo@info.ac.ru**

Альманах зарегистрирован в Комитете РФ по печати.
Рег. номер 013934.
Подписано в печать 20.01.99. Заказ № .
Бумага 80 г/м². Формат 60x84/8. Тираж 1000 экз.

Графика на обложке Владимира ПОВЕТКИНА

Тираж отпечатан в ЗАО “Новгородский Технопарк”. Телефон: (816 22) 27-683

*Редакция не рецензирует и не возвращает присланные рукописи.
Перепечатка допускается по согласованию с редакцией,
ссылка на “Чело” обязательна.*

**Над номером работали:
Главный редактор - Тамара СИГАЛОВА
Старший редактор - Алексей ПШАНСКИЙ
Инженер-программист - Ирина АЛЕКСАНДРОВА
Художник - Геннадий СЕНЕЧКО**